

РОИДА РЗАЕВА

**ПОСТМОДЕРН
И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ
ДИСКУРС**

**«Елм ве тахсил»
Баку - 2015**

Р

ойда Октай кызы Рзаева родилась 3 февраля 1979-го года в городе Баку. Р.Рзаева окончила с отличием в 1996-ом году среднюю школу, в 2000-ом году бакалавриат, а в 2002-ом году магистратуру турецкого отделения факультета Востоковедения Бакинского Государственного Университета.

С 2002 по 2010-ый год включительно работала в Институте Востоковедения имени акад. З.Буниятова Национальной Академии Наук Азербайджана. В 2003-2004-ом и 2007-2008-ом учебных годах преподавала на факультете Востоковедения БГУ. С 2001 по 2010-ый год работала синхронным переводчиком на международных конференциях.

В 2004-ом году работала в посольстве Турецкой Республики в Азербайджане. В 2002-2005-ых годах преподавала и заведовала отделением в Центре открытого образования – ФОНО, функционирующем в Азербайджане при Министерстве Образования Турецкой Республики.

С 2005 по 2010-ый год включительно являлась председателем Совета молодых учёных Института Востоковедения, руководителем Отделения Гуманитарных и Общественных Наук Центра интеллектуального развития молодёжи НАНА и членом бюро.

В 2007-ом году защитила кандидатскую диссертацию по философии.

В 2008-2010-ых годах Р.Рзаева была членом редакционной коллегии научного журнала "Gənc alimlərin əsərləri" (Труды молодых учёных), издаваемого по инициативе Центра Интеллектуального Развития НАНА, Министерства Молодёжи и Спорта Азербайджанской Республики и Общества Молодых учёных, аспирантов и магистров. Р.О.Рзаева является членом редакционной коллегии нескольких международных рецензируемых журналов, а также заместителем главного редактора журнала "Elmi əsərlər" (Научные труды), издаваемого в Институте Философии и Права НАНА.

С начала 2011-го года работает заместителем директора по научной работе в Институте Философии и Права НАНА. С 2013-го года имеет учёное звание доцента. В 2013-ом году Р.Рзаева была избрана председателем Совета молодых учёных и специалистов Института

Философии и Права НАНА, а в 2014-ом – членом правления Совета молодых учёных и специалистов НАНА.

Является автором книги "Пути развития турецкой литературы" (на русском, в соавторстве с Р.Ахмедовым, Баку, 2001), автором книги "Rus ve Azerbaycan Kaynaklarında Türk Modernleşmesi:" ("Турецкая модернизация в русских и азербайджанских источниках", на турецком, Анкара, Турция, 2012), главы на английском языке «Multiculturalism as Plural Modernities» в книге «Complex Migration of Global Citizens» (Edited by L.Mwanri & J.Waldenmaier, United Kingdom, Oxford, 2014), главы «"Alternative" Modernisms in the Discourse on Postmodern» в книге «Interdisciplinary Perspectives on Social Sciences» (Edited by G.Rafā, H.Arslan, P.-L.Runcan & A.Akdemir, Cambridge Scholars Publishing, 2014) и свыше 120 научных трудов на тему постмодернизма, мультикультурализма, "Восток-Запад", незападной современности, модернизма, модернизации, развития общественного сознания, альтернативных модернизмов, социокультурных трансформаций и т.д., большая часть которых опубликована за границей.

Р.Рзаева выступала с докладами более чем на ста международных конференциях, как в стране, так и за рубежом (Англия, Италия, Франция, Южная Корея, Греция, Дания, Турция, Россия, Литва, Кипр, Беларусь и др.). Обладательница 35 сертификатов. Владеет азербайджанским, русским, турецким и английским, использует научную терминологию на арабском, персидском, староосманском языках.

Лауреат в номинации «Гуманитарные и общественные науки» конкурса на соискание международной премии «Содружество дебютов» среди молодых учёных государств-членов СНГ (2010).

Награждена дипломом Министерства Образования Азербайджанской Республики (2002); почётной грамотой Центра интеллектуального развития молодёжи НАНА (как отличившейся в осуществлении государственной молодёжной политики, за активную позицию в вопросах защиты интересов молодых учёных) (2007); дипломом и премией Министерства Молодёжи и Спорта Азербайджанской Республики по случаю Дня Молодёжи Азербайджана и за научные достижения в 2007-ом году (2008).

За организационную, педагогическую и научно-исследовательскую деятельность Р.Рзаевой была объявлена благодарность Министерства Образования Турецкой Республики (2003-2008), Эгейского Университета Турции (2010), Министерства Культуры и Туризма Азербайджанской Республики (2011), Министерства Семьи и Социальной Политики Турецкой Республики (2013), Турецкой Академии Наук (2014).

roida@bk.ru

**Рекомендовано Бакинским
Международным Центром Мультикультурализма**

Научный редактор

*Доктор философских наук, профессор, заведующий отделом онтологии и теории познания ДГУ, директор НИИ Практической философии и методологии социальных инноваций при ДГУ,
член Президиума Российского философского общества
М.И.БИЛАЛОВ (Россия)*

Рецензенты:

*Доктор философских наук, заслуженный деятель науки
Р.ДЖАЗИМОВА (Азербайджан)*

*Доктор исторических наук, профессор
Э.Г.ДЖАХИЕВА (Россия)*

Ронда Октай кызы Рзаева
Постмодерн и мультикультурализм:
междисциплинарный дискурс Научная монография.
Баку, «Елм ве тахсил», 2015, 300 стр.

Монография посвящена междисциплинарному осмыслению феномена постмодерна его дериватов и мультикультурализма. Предлагаемая книга является составляющей исследования, в рамках которого изданы главы отдельных монографий и статьи в международных изданиях. В качестве метаязыка исследования использован философский анализ. Представлен аналитический инструментарий постмодерна и ряда проблем современной философии. Издание также освещает научно-методологические основы мультикультурализма и его корреляцию с философскими основаниями постмодернизма. В книге анализируются такие вопросы, как современное общество и сознание, междисциплинарный диалог, корреляция модерна и постмодерна, постструктурализм, философия диалога, глокализация, деконструкция, «Другое» в постмодернистской нарратологии и др.

Монография адресована ученым, специалистам, занимающимся проблематикой постмодернизма и мультикультурализма и процессами, сопряжёнными в той или иной степени с постмодерном, а также всем тем, кто интересуется современной философией. Книга может быть использована в качестве учебного пособия.

РОИДА РЗАЕВА

**ПОСТМОДЕРН
И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ
ДИСКУРС**

4702000000
N-098-2015

© «Елм ве тахсил», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
ВВЕДЕНИЕ	15

ГЛАВА I. ПОСТМОДЕРН И СОЗНАНИЕ

1.1. Современное общество и сознание	22
1.2. Корреляция постмодерна и сознания	28
1.3. Ценностный «синдром» постмодернизма	31
1.3.1. Постмодерн: аксиологический ацентризм	34
<i>«Имплозия» смысла</i>	36
<i>Проблема отчуждения</i>	37
1.3.2. Постмодерн: ценности и традиция	40

**ГЛАВА II. ПОСТМОДЕРН
КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПРОЦЕСС**

2.1. Постмодернизм: история понятия	42
2.2. Постмодерн в дискурсе междисциплинарного диалога	49
2.3. Понятийный аппарат	52
2.4. Постмодернизм: научное измерение	59
<i>Отношение к субъекту</i>	62
2.5. Постмодернизм: философское измерение	67
2.6. Социальное измерение постмодернизма	73
<i>Теория общества в постмодерне</i>	75
2.7. Культурная проекция постмодернизма	77
2.8. Постмодернизм: антропологический срез	79
2.9. Религиозный срез проблемы в дискурсе философии религии	81
2.10. Экономический постмодерн	83

**ГЛАВА III. ПОСТМОДЕРН В
КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИИ МОДЕРНА**

3.1. Модернити – постмодернити: параллели	88
3.1.1. Постмодерн и кризис	91
3.1.2. Постмодернизм как континуум модерна	92
3.1.3. Постмодерн как критический дискурс модерна	97
3.1.4. Постмодерн как антипод модерна	106
3.2. Дискурсивный анализ	109
3.2.1. Постмодернизм – постструктурализм	119
3.2.2. Субъект и объект: от модерна к постмодерну	134

**ГЛАВА IV. ПОСТМОДЕРНИЗМ
КАК КУЛЬТУРНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ**

4.1. Постмодернистская ситуация.....	139
4.1.1. Конец метанарративов	140
4.1.2. Знание в постмодерне.....	143
4.1.3. Состояние постмодерна в экономике.....	151
4.2. Показатели постмодерна.....	158
<i>Постмодернистское миропонимание</i>	159
4.3. Культура постмодерна.....	168
<i>Наррации</i>	170
<i>Плюральность</i>	172
<i>Постмодернистская эклектика</i>	174
<i>Образность – симулякр</i>	177
<i>Создание гиперреальности</i>	178
4.3.1. Постмодерн и социальные медиа.....	179
4.3.2. Интеллектуалы и постмодерн.....	185

**ГЛАВА V. ПОСТМОДЕРН:
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ДИАЛОГ**

5.1. Постмодерн: дискурс глобализации.....	169
<i>Время и пространство</i>	192
5.1.1. Глобализация и глокализация	171
<i>Постмодерн и локализация</i>	196
5.1.2. Глокализация и идентичность (гибридность).....	197
5.1.3. Глобализация и нация-государство в контексте постмодерна	204
5.2. Философия диалога	209
5.2.1. Постмодернистская диалогичность	213
5.2.2. «Другое» в постмодернистской нарратологии.....	224
<i>Децентрализация постмодерна</i>	228
<i>Контроверза «Свой-Чужой»</i>	229
5.3. Мультикультурализм в философском дискурсе постмодернизма	231

ГЛАВА VI. КРИТИКА ПОСТМОДЕРНИЗМА

6.1. Критика постмодернизма как критики модернизма.....	241
6.2. Противопоставление постмодернизма модернизму.....	246
6.3. Отождествление постмодернизма с модернизмом	247
6.4. Отождествление постмодернизма с метанарративом	251
6.5. Постмодернизм как иллюзия поликультурности и плюрализма	253
6.6. Критика постмодернизма как исторической эпохи.....	265

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	261
-------------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЯ	264
---------------------------	-----

Предисловие

Различные аспекты проблемы, которая легла в основу нашей книги, являются результатом многолетней работы, обобщающей исследования автора, посвященные постмодернизму, его дериватам, в целом постмодернистскому комплексу, вбирающему в себя такие составные, как мультикультурализм, диалог, толерантность и т.д., а также вызовам современности. Первые исследования в этом направлении датированы 2001 годом. Научные результаты работы были представлены на международных конференциях в 15 странах мира (Англия, Италия, Франция, Южная Корея, Греция, Дания, Турция, Россия, Литва, Кипр, Беларусь и др.).

Книга продолжает предыдущие исследования автора в этом направлении. К числу работ, которые предшествовали этой работе, относятся следующие исследования автора: отдельные главы монографии автора (на турецком языке «*Rus ve Azerbaycan Kaynaklarında Türk Modernleşmesi*», Анкара, 2012), глава на английском языке «*Multiculturalism as Plural Modernities*» в книге «*Complex Migration of Global Citizens*» (Edited by L.Mwanri & J.Waldenmaier, United Kingdom, Oxford, 2014), глава «*“Alternative” Modernisms in the Discourse on Postmodern*» в книге «*Interdisciplinary*

Perspectives on Social Sciences» (Edited by G.Rață, H.Arslan, P.-L.Runcan & A.Akdemir, Cambridge Scholars Publishing, 2014). Отдельные тезисы исследования также нашли своё освещение в свыше 120 публикациях автора по проблемам вызовов современности на Азербайджанском, русском, турецком и английском языках в республиканских, международных и зарубежных изданиях.

Книга посвящена актуальной и крайне дискуссионной проблеме. Сегодня постмодернизм превратился в своего рода интеллектуальную моду. Ангажированность постсовременным считается данью моде. Практически каждый интеллигент находит для себя должным (быть комильфо) рассуждать о постмодернизме или анализировать какой-то вопрос в дискурсе постмодернизма. Но нередко наблюдается отсутствие представления о нём, и, что самое главное, в первую очередь незнакомство с научной литературой о постмодернизме и его аналитическим аппаратом. Следствием чего является приписывание постмодернизму всего непонятного, необъяснимого и эпатажного, или даже установленных модернистских тенденций, а также использование его производных-дериватов одних вместо других, в то время как последние имеют различные смысловые оттенки.

Популярность постмодернизма всемирно также обусловлена его распространением в плоскость искусства, в частности на архитектуру, живопись, литературу и т.д.

Современная западная философия, в особенности современные западные философские тенденции и течения, и их экстраполирование на другие области и общества помимо Запада остаются малоисследованными вопросами в отечественной литературе. В частности

постмодернизм остается малоизученной проблемой в Азербайджане концептуально и как социальная проекция. Для нашего исследования характерно обращение в целом к малоосвоенному аспекту проблемы – постмодернистским индикаторам, так называемому «социальному постмодерну», что продиктовано философской интерпретацией социально-философской проекции постмодернизма и изменением социальности. В определённой степени постмодернизм в отечественной научной литературе стал в основном объектом исследований в плоскости литературы.

В то же время ощущается необходимость в теоретико-методологическом анализе такого актуального для Азербайджана понятия, как мультикультурализм как звена философской программы постмодернизма и феномена и концепции, соотносимой с философскими основаниями постмодернизма. Под этим углом анализ понятий «постмодернизм» и «мультикультурализм», в определённой степени соотнесённых, актуализируется в свете отмеченного и специфики современного культурного контекста.

Исследование рассматривает постмодернизм как идейный комплекс, что обусловлено сосуществованием в нём различных идейных течений.

Комплексный характер постмодерна обуславливает философский, социологический, религиоведческий, культурологический, антропологический и исторический срез проблемы.

Книга состоит из шести глав. В первой главе представляемой читателю книги «Постмодерн и сознание» проанализированы роль и значение общественного сознания, его динамическая и рефлексивная сущность, уделяется особое внимание

проблеме трансформации ценностного сознания в соответствии с новыми реалиями и особенностями, которые оно приобретает в ситуации постмодерна.

Во второй главе книги **«Постмодерн как междисциплинарный процесс»** прослежена история возникновения понятия «постмодерн», проанализирован междисциплинарный характер постмодернизма, показаны аналитический аппарат, научное, философское, социальное, культурное, антропологическое, религиозное, экономическое измерения постмодерна.

В силу того, что постмодерн порождает проблему синтеза противостоящих точек зрения и актуализирует научное изучение сложившейся ситуации в свете современных тенденций, чему и посвящена данная книга, в третьей главе книги **«Постмодерн в контекстуализации модерна»** рассматриваются различные подходы в определении постмодерна и с помощью дискурсивного анализа раскрываются различные аспекты проблемы; постмодернити анализируется в проблематике модернити, так как осознать то или иное мировосприятие как отображение его эпохи можно путём его сравнения с типичным мироощущением принципиально другой эпохи.

В четвертой главе **«Постмодернизм как культурное и социальное состояние»** рассмотрены его характерные черты, дан анализ социальных и культурных рефлексий постмодернизма. Здесь обсуждается положение интеллектуалов в постмодерне, анализируется корреляция понятий «постмодерн» и «социальные медиа».

На фоне указанных явлений в пятой главе **«Постмодерн: мультикультурализм и диалог»** проводятся параллели между ценностными ориентирами

постмодерна и мультикультурализма, проанализировано соотношение постмодерна и глобализации как двух тенденций современности, провозглашающих гетерогенность и гомогенность, соответственно, имеющих противоположную направленность. Здесь обсуждаются понятия «глокализация», «метисация», «гибридность», «нация-государство» в дискурсе постмодерна, осмысливаются особенности и плоскости постмодернистского диалога, диалогика постмодерна и *Другое* как один из важных концептов современной философии и важная категория постмодерна.

В шестой главе **«Критика постмодернизма»** проанализированы различные подходы в критике постмодернизма.

В целом, объектом исследования являются явления, относящиеся к постмодернизму или являющиеся его результативным или продукционным феноменом.

Оформление акцента на проблеме постмодернизма продиктовано нашей задачей ознакомить читателя с постмодернистской парадигмальностью, его коннотатами, в целом с аналитическим аппаратом, а также его социальной проекцией.

В то же время, хотелось бы отметить, что отдельные отмеченные положения и тезисы как составляющие парадигмального анализа постмодернизма будут развиты во второй части исследования (II томе), а именно постмодерн, обусловленный вариабельностью социокультурного контента, в частности незападная современность, дихотомия Запад-не-Запад, религия в постмодернистской нарратологии, постсоветские общества и т.п. В последующей книге, продолжающей и развивающей тезисы этой, аксиологический акцент

делается на проблеме модификации общественного сознания конкретного общества – турецкого как примера незападной современности и постмодернистских индикаторов в нём, осмысливаются вопросы габитуса, политики тела, символической репрезентативности и др.

Р.О.Рзаева

ВВЕДЕНИЕ

Отказ от культурных универсалий, отформатированных модерном, девальвация прежних ценностей и ориентиров, а также социокультурное многообразие, насыщая и усугубляя процессы трансформации, провоцирует распространение в обществе огромного количества различных умонастроений и убеждений.

В свете новых реалий постмодерн выступает как характерная черта современности. Постмодерн с его ценностной пестротой и мозаичностью обуславливает новую контекстуализацию. Именно такие наблюдаемые сегодня тенденции, как плюралистичность и фрагментарность актуализируют и популяризуют постмодерн, так как именно в принципиальном плюрализме усматривается содержательное ядро постмодерна.

В этом измерении бытие интерпретируется как ризоморфное. (249, с.660).

В то же время неоднозначность понятия, нечёткость контуров определения, отсутствие отчётливо артикулируемой формулировки и усмотрение генетической связи между постмодерном и модерном, а также идея о преодолении модерна постмодерном обуславливают его рассмотрение в континууме модерна.

Постмодернити характеризуется как новое «состояние» или «социальность», соответствующие разрыву с модернити. (29).

В этой призме актуализируется анализ современности и постмодерна как двух парадигм, в

определённой степени между собой соотнесённых и в то же время противоположных.

Постмодернизм актуализируется в свете так называемых «вызовов современности» и ответов на них в обществах, обуславливая вопрос: «Какое мироощущение соответствует обществу постмодерна?».

Постмодернизм как интеллектуальное и эмоциональное восприятие эпохи обуславливает определённый дискурс, так называемый «дискурс постмодерна». Культуру, науку, философию, а в целом всё человечество характеризует определенное состояние, которое определяется как «состояние постмодерна».

«Постмодернизм» – один из часто употребляемых терминов в периодике гуманитарного направления. Феномен постмодернизма находится в настоящее время в фокусе философского интереса и, прежде всего, потому, что выражает характерный для современной культуры тип философствования.

Почему важна философия, влияние постмодернизма на философию? Или какое место занимает философия в этой призме?

Философия, в особенности французская философская традиция последнего периода, стала как главной платформой для дискуссий, так и источником многих теорий относительно того, что составляет постмодернизм. Призыв Ж.-Ф.Лиотара о необходимости отвержения «великих рассказов» (то есть всеобщих теорий – метанарраций) западной культуры в силу того, что сегодня те потеряли свою правдоподобность, резюмирует этос постмодернизма принижением авторитетов во всех формах. (164, с.3). Согласно Ж.-Ф.Лиотару, модернизи заканчивается с ослабеванием метанарративов как легитимирующей силы. (154, с.9).

Если статус знания и его легитимация связывается с именем Ж.-Ф.Лиотара, то вопрос корреляции знания и властных отношений встречается в работах М.Фуко. «Завораживающая гиперреальность симулякров» связывается с именем Ж.Бодрийяра, а разработка методологической процедуры текстов – с Ж.Деррида. Термин интерпретация бессознательного встречается в анализах Ж.Лакана.

В основном постмодерн интерпретируется в континууме модерна и/ или как его антитеза: по мнению теоретиков постмодерна (Ж.Деррида, Ж.-Ф.Лиотар, М.Фуко, Ж.Бодрийяр и др.), модерн исчерпал свой исторический потенциал. Анализ понятия «постмодерн» и его признаков осуществлён такими ведущими представителями постмодернизма, как Р.Барт, Ж.Батай, М.Бланшо, П.Вирилио, Ж.Делёз, Ф.Гваттари и др. Благодаря работам В.Вельша, Ф.Джеймисона («Культурная логика позднего капитализма») и др. постмодернизм популяризировался. В произведениях Р.Рорти, Дж.Ваттимо («Конец модерна (современности)», «Эпоха интерпретации», «Философия настоящего», «За гранью интерпретации», «Верую, что верую», «Прозрачное общество» и др.), Ф.Фукуямы («Конец истории»), И.Валлерстайна («Конец знакомого мира»), З.Баумана и др. новые реалии интерпретируются в свете современных тенденций.

Отличительными чертами знания в постмодерне является его фрагментарность, локальность, специфичность, историческая и культурная ситуативность, плюралистичность, децентричность, неупорядоченность.

Ведущие мыслители характеризуют общую тему в скептицизме XXI века в отношении прежних важных

императивов истории и общества. Отныне мы не принимаем без вопросов универсальные утверждения в вопросах знания и истины метанарративов, регулирующих нашу культуру. Эти повествования включают религию, развитие модернизма, науки и такие абсолютные политические теории, как марксизм. Однако в действительности темой разговора становится следующее: возможен ли впредь компромисс в вопросе абсолютной истины. Ясная гипотеза, что западная культура и идеи представляют развитие цивилизации, больше нами не принимается. Сегодня более популярно выдвигать идею, что мы не можем, сказать, что какое-то общество или культура лучше другой. (100, с.51).

Содержание постмодернистского мышления меняет культурную панораму конца XX – начала XXI веков. (163, с.XV).

Отмечается, что хотя некоторые авторы считают постмодернизм сложным и бессмысленным термином, по меньшей мере, он достаточно долго используется, чтобы обрести связность основного определения. Многие толкователи выдвигают идею о том, что постмодернизм – это совокупность особенностей, характеризующих современную культуру и которые вместе взятыми мы можем назвать постмодерн. (181, с.47).

Как индикатор постмодерна отмечается то, что культура перестаёт быть «полусамостоятельной» и сильно распространяется на весь социальный мир культуры. (118, с. 87).

Характеризуя вновь культурный дискурс, постмодернизм выдвигает на первый план гетерогенность и отличие. (135, с.21). Постмодернистский подход отрицает мысль о том, что каждый вопрос имеет один верный ответ, наоборот,

выдвигают идею о том, что каждый вопрос может иметь более одного правильного ответа или может не иметь вообще верного ответа (168, с.19). В то же время констатируется неприемлемость никакой доминанты. (220, с.188)

Таким образом, «постмодерн» обозначает современное культурное состояние, а понятие «постмодернизм» – состояние осознающей его ментальности. Исходя из отмеченного, постмодернизм, выражая специфику современной эпохи, обуславливает и актуализирует постмодернистское видения мира, приобретая парадигмальный статус. Идейный комплекс постмодернизма вбирает постмодернизм, постструктурализм и деконструктивизм.

Период постмодерна развивается как междисциплинарный процесс.

Основу методологии нашего исследования составляет междисциплинарный подход, включающий анализ проблемы на стыке философии, религиоведения, социологии, культурологии, истории, антропологии и востоковедения, в том числе туркологии, а в качестве синтетического языка – своего рода метаязыка исследования – использован философский анализ.

С этой целью для описания феномена «постмодернизма» и его проекций, который выступил релевантным метаязыком в контексте подчёркивания значимости междисциплинарности для философии, впервые использован междисциплинарный подход.

Вместе с этим, как отмечает Энтони Гидденс, переосмысление природы современности должно осуществляться вместе с основными посылками социологического анализа. (38). Социальная проекция постмодерна является важной составной при выявлении

специфики и динамики современных общественных тенденций.

Методологию нелинейной метапарадигмы постмодерна характеризует нацеленность «на исследование проявлений нелинейной социокультурной динамики, разрывов социума...» (228, с. 23).

Современные тенденции репрезентируются, прежде всего, в обществе, в социокультурной сфере, а такие явления, как дифференциация образов, стилей жизни и, как их следствие, распад социума, сосуществование различных культурных фрагментов выступают как постмодернистские индикаторы и проявления «социального постмодерна», что актуализирует социологический анализ постмодерна.

Постмодернизм обуславливает пересмотр базовых представлений о человеке и обществе, что актуализирует также антропологический срез проблемы.

Интерпретация постмодерна как явления, следующего за модерном, а также его определение как тенденции, наметившейся в культурном самосознании развитых стран Запада за последние полтора-два десятилетия, привели к тому, что данная ситуация стала анализироваться касательно западных модернизированных обществ. В то время как вышеуказанные проявления наблюдаются и в модернизирующихся обществах, в незападных, во многих из которых сложились условия для возникновения постмодернистской парадигмы.

Этот угол зрения (в особенности незападная проекция постмодерна) актуализируется в силу того, что общепринятым положением является тезис о том, что к постмодерну общества переходят после того, как переживут свои условия модерна.

В контексте иррациональных вызовов, диффузности социальных реалий, «жидкой современности»¹, нерациональной культуры постмодерна, отхода от традиционного (линейного) детерминизма, а также в целом транзитивности культурного контекста социальная ткань представляет культурный фон конструирования постмодернистского дискурса.

¹ *liquid modernity* («неустойчивая современность» или «текучая современность») вместо *solid modernity* («надёжная современность»).

ГЛАВА I. ПОСТМОДЕРН И СОЗНАНИЕ

Все имеющиеся в обществе тенденции, идеи находят отклик в общественном сознании и поведении. В то же время вся динамика общественного сознания непременно репрезентируется в обществах, выражаясь в социальных явлениях и умонастроениях.

В общественном сознании ценностный аспект играет важную роль. Пересмотр ценностей выступает как характерная черта постмодерна. Постмодерн провоцирует сдвиги в сознании, мировоззрении. Формирование новых идей происходит на фоне отхода от традиционных понятийных оппозиций, характерных для модерна. Таким образом, происходит стремительная ломка существующей системы ценностей, установок и форм поведения.

1.1. Современное общество и сознание

В современную эпоху актуализируется значимость не только тенденций и процессов, наблюдаемых в обществе, но и того, как они воспринимаются этим обществом, соответственно их рефлексии на общественное сознание. Гибкость социокультурной динамики репрезентируется в многополярной природе общественного сознания.

Сознание отражает внешний мир. Наряду с отображением образа жизни людей оно в то же время может определять его. Можно сказать, что сознание определяет образ жизни подобно тому, как образ жизни определяет сознание. В этой связи сознание, являясь основополагающей философской категорией, выступает

в качестве мощного измерительного инструментария для осмысления связей между философией и социумом.

Константным положением всех модернистских доктрин является эпистемологическая позиция относительно возможности получения объективного, универсального и единственного знания посредством разума и опыта. В этом измерении модернизм выступает эпистемологической и исторической основой сознания.

Такая тенденция модернистского сознания, как расценка времени как производного от пространства обусловлена связью сознания с объектом. Вопрос что было «до» – объект или сознание – характеризуется как единственное явление, вскрывающее истинную реальность модернизма. Противоречие между Марксом, который помещает объект до сознания, и Витгенштейном, который рассматривает его почти в генетической связи с абсолютизированным языковым сознанием, собственно ставит на повестку в завуалированной форме понятие «времени» (24, с. 89-104), потому что между любым «до-после» можно говорить о колебаниях времени. На этом этапе, если язык – абсолют, определяющий объект, время, конечно, будет находиться после сознания, в то время как марксовское заключение категорично: время – до сознания и замешивается только внутри этой реальности. (144, с. 158).

Общественное сознание постмодерна характеризует отход от ориентации на поиск окончательных истин, что выражается в стремлении постмодернистов утвердить новый стандарт истины, предполагающий её относительность. (228, с.647). В этом контексте актуализируется смена нового «краткосрочного» сознания «долгосрочным», согласно Бауману. (7).

Сегодня общественное мнение актуализировалось в силу того, что «превратилось в детерминанту политической и экономической жизни общества, критериальную характеристику современной эпохи» (217). Данное положение обусловлено тесной взаимосвязанностью систем убеждений на массовом уровне и глобальных перемен. (224).

В то же время в постмодернистской нарратологии, когда респонденты не выражают собственное мнение, общественное мнение, отражающее гиперреальность вместо реальности, обуславливает воспроизведение ранее созданной средствами массовой информации системы символов.

Сознание как продукт естественной эволюции имеет динамическую процессуальную сущность, следовательно, меняется в соответствии с социальными фактами, с их изменениями. В «обычные» исторические периоды время привычки, монотонности и традиции с инстинктом самосохранения, корни которого находятся в далёком прошлом, накладывает отпечаток на человеческое сознание, и оно упрямо сохраняет верность проверенному опыту. Однако в «чрезвычайные» (экстраординарные) исторические периоды, когда общественная и нравственная система вследствие напряжённости, вызванной нестерпимым прессингом, начинает «трещать», народные массы начинают критически анализировать мир, в котором родились, и сомневаться в верованиях и предубеждениях, которые всю жизнь носили в себе. Цена прогресса (развития) – борьба: нового против старого, жизни против смерти, будущего против прошлого (129).

Согласно Э.Гуссерлю, «каждое состояние сознания имеет горизонт; оно изменяется в соответствии с

другими состояниями сознания и изменениями связи со своими собственными фазами развития...» (144, с. 37). Поэтому при анализе общества и сознания исходят из диалектического метода, так как всё меняется и находится в сложных взаимоотношениях и взаимовлияниях. Следовательно, как общество, так и общественное сознание динамично. Общество и сознание подобно дискуссии развиваются, преодолевая внутренние (вызывающие дискуссии) антиподы и противоречия. Это прогресс, изменение и развитие во всём, полемизирование существующих внутренних противоречий друг с другом, вследствие чего их преодоление, достижение более развитой системы (структуры), преодолев это противоречие. Отмеченное происходит путём заимствования положительных сторон побеждённой прежней структуры. Проводя параллели между эволюцией и дискуссией, следует отметить, что эта эволюция, происходящая в материальном мире, относится и к человеческим сознанию, идеям, теориям и понятиям, отражающим эволюцию материального мира. Это эволюция от простого к сложному, то есть по сравнению с преодолённой прежней структурой, новая предстаёт более богатой, более глубокой, более превосходной (совершенной), более сложной.

Сознание выражает изменения и рефлексию его разных форм: политического, религиозного, культурного и т.д., что обусловлено его функционированием на таких двух уровнях, как обыденно психологический и теоретико-идеологический. В частности, в формировании политического сознания важную роль играет идеология, которая также обуславливает его изменчивость.

Политическое сознание

Гёран Терборн в своём произведении (*The Ideology of Power and the Power of Ideology* (1980)) определяет идеологию как слова, функционирующие посредством обращения, взывания к людям как к субъектам. (170, с.21). По Терборну, в этом процессе можно говорить о трёх типа воззвания: «Наличествующее, хорошее, возможное...»:

«Наличествующее» формируется вокруг ответов на вопросы: «Кто мы?», «Что такое мир?». В ответах на вопросы выявляется обозримость мира, может, его реалистичность.

«Хорошее» отвечает на вопросы «что такое хорошее, правильное, справедливое, красивое ...?». В этом поиске наши желания проверяются и нормализуются.

«Возможное» обретает форму результата восприятия относительно изменчивости нашего бытия и изменения. (170, с.22).

Это определение - в сущности развитие Л.П.Альтюссером определение и указывает на процесс восприятия человеком себя, собственной субъективности как экзистенциального явления, так и исторического состояния. (103).

Религиозное сознание

Исходя из того, что религия - область, где наблюдается существенная репрезентативность постмодернистских показателей, необходимо отметить взаимосвязь религиозного поведения с религиозным сознанием. Она (взаимосвязь) проявляется в «постмодернистских» чертах состояния сознания верующих, его обуславливающих причинах, в том числе и социальных, их иерархии, в поведении верующих,

продиктованным состоянием их религиозного сознания. (203, с.90).

Исследование какого-нибудь фактора изолированно, вне связей, без учёта динамики и т.д. не соответствует природе общества и сознания. Некоторые моменты современных тенденций могут анализироваться лишь умозрительно, а другие через их репрезентации, однако это не делает менее значимой задачу отыскания общего знаменателя.

Модерн и сознание

Модерн - состояние сознания. Силу правдивости черпает не из историчности, а из актуальности. Хотя в действительности помещение «историчного» в «актуальное» кажется явлением, преодоленным модернизмом, это не так. Критический анализ модерном постоянства времени и места, в сущности, скрывает такое «отсутствие», его утаивает. В то время как модерн кажется продуктом совершенно другого подхода. Новая действительность не будет порождена им. Модерн силу будет черпать из права и возможности определять историю. Пустота прошедшего времени будет незамедлительно заполнена позитивистской тяжестью нового. Здесь таинственное понятие - «утеря времени». Поэтому модерн «историческое» рассматривает через «актуальное». «Не утерянное время» возможно только в результате продолжительности и не порождения пустоты. После сооружения однажды продолжительности и неразделённости времени, можно говорить о нахождении не в «историческом», а в «актуальном»; даже о становлении его пленником. Нескончаемая тоска модерна по изменениям места, на самом деле не что иное, как выдвигание на передний план переходящего внутри постоянства. (144, с.148).

Напряжение между сознанием сегодняшнего данного социального времени и порядка и желанием преодолеть его рефлексией либо в прошлое, либо в будущее имманентно всем социальным движениям. (126, с.26).

1.2. Корреляция постмодерна и сознания

Сегодня говоря о динамике развития общественного сознания, можно отметить, что наблюдается отказ от стереотипов прошлого и движение в сторону как культурной, так и политической плюральности. Данная тенденция выражается в отходе от модерна и в движении по направлению к постмодерну. В частности, это ситуация проявляется в появлении постмодернистских индикаторов в западных странах, к которым относят турецкое общество.

«Проблема построения Современности, исходя из неё самой, возникает в сознании...» (Хабермас) (211, с.435), соответственно последнее есть рефлексивное осмысление нового жизнепонимания. В свете отмеченных тенденций в культурном самосознании современных обществ актуализируется понятие «постмодерн» как альтернатива исторически исчерпавшей себя эпохе модерна и/ или интерпретация социологической данности, выходящей за рамки модерна. Хотя дискуссии на тему значения термина «постмодерн», а также его производных – дериватов всё ещё продолжаются и его контуры практически всё ещё не вычленены и не обоснованы, однако полемика о смене дискурса и новом контексте, так называемом тексте «после современности» (202, с. 136), при рассмотрении современных явлений, на наш взгляд, не выглядит такой уж бесосновательной, и прежде всего в силу того, что сегодня во многих обществах создались условия для

возникновения постмодернистской парадигмы и постмодернизм – специфическая философия культурного сознания современности.

Констатация перехода к «рефлексивной современности» (226, с. 781) актуализирует сознание и его значение сегодня больше, чем когда-либо. Приоритетное отношение постмодернизма к проблеме сознания расценивается как положительная тенденция постмодернизма. «Постмодернизм совершает переворот в сфере сознания человека, для более глубокого понимания сущности реального и своего «я». (283).

Постмодернизм – это процесс некой новой общественной мысли, где сегодняшнее состояние преимущественно западных обществ исследуется с точки зрения как социальных переменных, так и сознания, порождённого ими. (144, с.21).

Реальность постмодерна выражается в том, что она происходит в определённой степени от высшего производного и по этой причине не воображаема, только символична. Символ – гиперреальное (hyperreal) явление. Такая реальность не может быть произведена в естественном пространстве. В силу того, что естественное пространство исключается, связь реальности с сознанием не будет основана на простом абстрагировании или отчуждении. Такое понимание реальности будет получено путём абстрагирования сознанием своей внутренней реальности. В таком случае следует думать, что связь, которую человек строит со временем, не является последовательной. (См. 91). Возможно, начальная стадия, на которой происходит в подлинном смысле дробление измерения времени, – смена реальности сверхреальностью. В этом случае проекция прошлого, то есть памяти на интеллект почти

становится невозможной. Однако таким образом абсолютизируется. Это абсолютизирование, которое находит выражение в отсутствии корней и которое преходяще. В таком случае возникает не только кочевничество, в то же время наблюдается отсутствие корня/туловища. (См. 28).

Данное видение переключается с гиденсовским определением радикального модерна, когда общественному сознанию присуща фрагментарность, наблюдается усиление рефлексивности индивидуальных и коллективных акторов.

Эта точка зрения переключается с такой особенностью постмодернизма, как «распад сознания» (220, с.158).

Постмодернистское сознание

Постмодернизм характеризуют как кризисное мироощущение с чувством обеспокоенности и разложения единого и единого мира на части, в котором усматривается шанс нового – иного. Постмодернистское сознание основывается на данном воззрении. В хаосе и беспорядке постмодернистами усматривается многообразие возможностей и альтернатив, а в нестабильности, неопределённости и полисемантической социальности процессов – условие и критерий её жизнеспособности, обуславливающее подготовленность системы к вариативному будущему. (269). В этом ключе актуализируется связь деконструкции с сознанием.

Деконструкция и сознание

В ситуации, когда истина становится тайной и потребляется, абсорбируясь, однако вновь воспроизводится в условиях, допустимых системой, деконструкция не появляется как открытие истины или её повторное определение. Наоборот, деконструкция

также посредством демонстрации только частей целого системы, оправдывает целостность системы. Под этим углом зрения логика деконструкции усматривается в изучении сознания, постигающего целое. Потому при данном подходе понятие деконструкции делает ударение на том, как сознание постигает истину, но делает это не в направлении, идущем от сознания к объекту. (144, с.153).

Другими словами, деконструкция не анализирует процесс постижения сознанием объекта и фактическое значение этого действия. Деконструкция в большей степени подчёркивает категорию между сознанием и объектом. Априорное деконструкции понятие называет, в какой форме объект или понятия проникают в сознание, вопреки желанию. Таким образом, деконструкция «вращается» не вокруг сознания, а вокруг объекта. (144, с.154).

1.3. Ценностный «синдром» постмодернизма

Смена господствующей интеллектуальной парадигмы означала переход от одного культурного контекста к другому, который всегда характеризуется трансформацией культурных кодов и системы ценностей. Осмысление изменений в ценностных представлениях обуславливает анализ всех системных изменений социума.

Постмодернизм как философское течение и практика считается неустанным и бескомпромиссным низложением «всех и всяческих норм, иерархий и стандартов» (271).

В этой призме ницшеанский принцип «переоценки ценностей» или пересмотра ценностей, выступающий как характерная черта постмодерна, приобретает актуальность. Его ещё называют ценностным

«синдромом постмодернизма». Эта трансформация выражается в изменениях культурных, религиозных норм, мировоззрений на макро- и микроуровнях, то есть, социальном, личностном и др.

В контексте ценностных трансформаций усилия направлены на конструирование новой культуры, основанной на мультикультурном понимании общества, обуславливающим ценностный плюрализм. Так релятивизация и поливалентность ценностей, обнаруживая тенденцию к усилению, выступают важными индикаторами ценностных изменений.

Меняется не только система ценностей, но и модели социально-экономического поведения. Происходит трансформация политических и экономических целей, религиозных норм и семейных ценностей.

В качестве главных показателей постмодерна отмечается «сдвиг от материалистических к постматериальным приоритетам». (224).

Акцентирование качества жизни, индивидуального самовыражения вместо экономической эффективности выражает переход от «материалистических» ценностей к «постматериальным». Приобретают возрастающую значимость свобода выражения, выбор жизненных стилей. «Общество постмодерна характеризуется упадком иерархических институтов и жестких социальных норм и расширением сферы индивидуального выбора и массового участия». (224).

В политической проекции данный сдвиг характеризуется как тенденция в направлении упадка государственно-социалистических режимов, снижения значимости власти и авторитетов и т.п. Приоритетность участия и самовыражения способствуют демократизации в одних обществах, в других - демократических -

обнаруживают усиливающуюся тенденцию к партиципаторности, сфокусированность на конкретных проблемах, таких, как, к примеру, равноправие женщин и т.п., усложняя положение правящих элит. Преимущество целей широкой субъектности по сравнению с личными целями индивидами, обуславливающее послушание власти, входит в противоречие с отмеченными социетальными переменами, характеризующимися как ценности постмодерна. (224).

Одна из проблем, с которыми мы сталкиваемся, когда отказываемся от метанарративов или от каких-либо центральных авторитетов, - выработка ценностных норм, которые остальные будут находить справедливыми и вразумительными. Лиотар сталкивается с этой проблемой в работе «Лишь игры» (Just Gaming 1979), где выдвигает мысль о том, что даже при отсутствии какого-либо «великого повествования», которое бы нас поддерживало, ещё возможно делать умозаключения на основе «состояния» (лиотаровский вид прагматизма, адаптированный из политических и этических текстов Аристотеля). (164, с. 10).

Разрушения вследствие Второй Мировой войны низвергли нравственные и этические ценности западного мира. Исходя из этого, мыслители обратились к поискам путей сведения счетов с интеллектуальными основами, послужившими причиной этой даты. Обращение к принципам и аргументам, на которых построен модерн, таким образом, превратилось в концептуальный подход.

Постмодернистская мысль склоняется к тому, что ни в коем случае не должно быть абсолютных критериев или принципов веры, направляющих нас. Но Лиотар подчёркивает, что это не приведёт к упадку в

направлении социального беспорядка, что традиционно выдвигают критики сторонников метанарративов. Он отстаивает антифундаментализм (anti-foundationalism): отвержение идеи о существовании неизбежных оснований для выработки ценностных высказываний в системе мысли или веры за пределами анализа (164, с.10).

В то же время, постмодернити считается не изменением в ценностях модернити Просвещения, а определённым ослаблением категорического характера этого изменения. (155, с. 85).

В качестве особенностей ценностного сознания постмодерна наблюдаются такие черты постмодернизма, как культивация пошлости, отрицание запретов и границ, имморализм, отсутствие всяких этических норм, коллажность и эпатажность.

1.3.1. Постмодерн: аксиологический ацентризм

Коллаж как принцип построения культуры в постмодерне обуславливает невозможность выделения универсальных аксиологий. (248, с.77).

Аксиологический ацентризм выражается в отсутствии центра в культурном пространстве постмодерна. В лиотаровской интерпретации это выражается утрате прежними центрами притяжения, образуемыми национальными государствами, партиями, профессиями, институциями и историческими традициями, своей силы. (233, с.144-145).

Одной из базовых ценностей постмодернизма считается неопределённость, многосмысленность, что как природа постмодернизма противопоставляется модернизму как поиску определённости и незыблемых оснований. (210, с. 176).

Появление новой парадигмы обуславливает пересмотр понятия истины, объективности, логической совместимости, историчности. (242).

Постмодернизм приравнивает «объективное» к «субъективному», «рациональное» к «иррациональному», «научное» к «ненаучному», «архаичное» к «современному». (221, с.37).

В этом дискурсе уже важно не изучение более истинного знания, а раскрытие механизмов работы категории истинности и формирование новых истин в этом контексте. Общие нравственные понятия и принципы перестали быть действенными; источником нравственных норм являются переживаемые условия, реальность эпохи. Постмодернистская этика, показывая неприемлемость универсальных и стабильных нравственных принципов, делает условными общие нравственные принципы. После конца вслед за религией господства науки стал действовать принцип «всё подходит». Это посылка, выражающаяся в релятивизации в первую очередь статуса науки и её претензий на истину, связывается с именем Пола Фэйерабенда.

Отмеченное актуализировало такое понятие, как «ситуационная этика», и инверсию моральных категорий.

«Сектанты постмодерна чувствуют себя свободными экспериментаторами в культурной и нравственной сфере, не стеснёнными правилами «реконструкторами» мира. Они – настоящие «подпольщики» в моральной сфере, наслаждающиеся свободой от обычной человеческой нравственности» (257, с. 24).

В обществе постмодерна мораль амбивалентна и крайне противоречива. «Размытая» нормативность выражается в «морально амбивалентных» людях,

становящихся ни плохими, ни хорошими, отсутствии константных моральных принципов, в целом, общей, универсальной морали, механизма морального контроля. Однако жизнь в условиях наличия неразрешимых моральных дилемм не означает полное отсутствие морали, а формирование этической системы, связанной с межличностным взаимодействием, в которой актуализируется бытие для Другого. (См. 9), (10).

«Имплозия»¹ смысла

Идея тотального семантического хаоса, выраженная Кристевой в «бессмысленности бытия», у Бодрийяра обозначается как «катастрофа смысла» или «имплозия смысла». Характерной чертой современной ментальности, по М.Фуко, считается полное отсутствие «веры в смысл». (253, с.784-785).

Таким образом, можно отметить, что утрата смысла, выступает существенной характеристикой философии постмодерна.

Выстраивающаяся из гармоничного упорядочения отдельных смысловых фрагментов, их иерархии целостность перестает быть осмысленной, что исключает обоснованность иерархии смысловых частей. Принципиальный отказ от их упорядочения в целом корреспондирует с таким индикатором постмодерна, как деиерархизация. Данное видение связано с усмотрением в любой целостности только голой воли к власти, манипуляции и искусственного конструирования. А в постмодерне «части целого» и «часть и целое», – взаимоотрицающие, взаимопротиворечащие понятия, что обуславливает распад Смысла на много смыслов,

расползание иерархии смысла. Деконструкция основных категорий западной рациональности размывает не только разницу между ценностными категориями, но и сами категории. (227).

Так, деконструкция смысла усматривается в его освобождении.

Наблюдается смена инструментальной рациональности ценностной, в удовлетворении духовных запросов, в частности, рассуждая о смысле и назначении жизни, люди реже обращаются к организованной религии. (224).

Проблема отчуждения

Согласно Бодрийяру, отчуждение в смысловой сфере общества обусловлены конструированием виртуальной реальности, порождённой также СМИ, смыслов явлений, разрывом между означаемым и означающим, переоценкой ценностей и норм, катастрофичными и неуправляемыми последствиями научно-технического прогресса. (4).

Центр, фон или задний план постмодернистской мысли составляет относительность, движущей силой которой является сомнение. (145, с.163).

Относительность, атомизация всего, следовательно, процесс контролирования в более лёгкой и соблазняющей форме ускоряет процесс отчуждения человека вначале по отношению к себе, потом к миру, происходящему в мире. Наличествуют проблемы неотложности темпа, удовольствия и желания, эгоцентричного существования человека, вдобавок с фокусированием инстинктов, не имеющая аналогов абсолютная, глубокая утрата смысла и свободы. (145, с. 164).

¹ Имплозия – взрыв, направленный внутрь.

В особенности, для молодого населения «непрекращающиеся мгновения» или «сейчас, здесь» превратились в ценность, «срочность» приобрела значение. (80).

При анализе постмодернизма как культурного и социального состояния можно усмотреть, что основу вопроса составляет проблема свободы (112, с.63).

В целом, ситуация может быть охарактеризована следующим образом: В то время как модерн абсолютизировал разум и сознание человека, выдвигая свободу человека в форме освобождения от Бога в каждой сфере и во всех отношениях, исходя из мотто декартовской философии «Мыслю, значит, существую», постмодерн – иррациональный мир человека, инстинкты, желания, удовольствия и эгоизм; в результате секулярный западный опыт характеризовал как освобождение человека пленение сначала разумом, а потом инстинктами человека, абсолютизовавшего вначале свой разум, а потом свои инстинкты. В ситуации постмодерна наблюдаем, что вырабатывается неопаганистский опыт, где человек в погоне за своими желаниями, инстинктами становится их пленником. (145, с.164).

Бауман характеризует это бессилие, несостоятельность как позднемодернистскую, постмодернистскую болезнь: «И это боязнь приспособления, но неспособность приспособиться. Не ужас, вызываемый нарушением запретов, а террор полной свободы... Жизнь в условиях небезопасности – это жизнь в условиях риска, и человек, принимающий решения, должен сам платить за риски, на которые он идёт». (194, с.55-56).

Исходя из вышеотмеченного можно отметить, что человек как в модерне, так и в постмодерне бывает несвободным, хотя и от разных вещей, то есть и в том, и в другом случае зависим.

Абсурд, теряться в море удовольствия и темпа: мочь цепляться за жизнь, убегая от неё, мочь убежать от жизни, цепляясь за неё. Мочь быть открытым всем формам соблазнения и постоянно ждать соблазнения. Желания, порождающие отчуждение как по отношению к себе, так и к миру, а также бесчувственность ко всему происходящему в своей жизни и вокруг себя, а также в мире. (145, с.165).

Данная тенденция выражается в индифферентности индивидов ко времени и пространству, политике и труду, культуре и сексу, к примеру, в нарастающей тенденции хирургического или семиотического изменения пола. (228, с.658).

В качестве индикаторов постмодерна выступает «цинизм» и «нигилизм» (43), (95).

Всё это связывается с наступлением антирационалистской патологии, в бодрийеровской интерпретации, когда человеческие отношения более не регулируются социальными правилами. В этой ситуации, когда новые отношения, будучи вне аномии и отчуждения, указывают на отмирание последних в максоме и дюркгеймовском толковании. (228, с.657).

Приобретение значимости тем, касающихся общественного порядка и морали, связывается с освящением глобализации коммуникации и культуры под влиянием рыночного либерализма в 1980-ых годах. (126, с.77).

Наличествует мнение, что отчуждение не должно считаться только экономическим понятием. (1).

Наоборот, отчуждение – самое важное понятие, вскрывающее внутреннюю проблему в каждой сфере модернити. По этой причине поздняя модернити соответствует периоду и состоянию, связанному с тем, в какой степени понятие «отчуждение» может быть преодолено. Одним из признаков поздней модернити является напряжение между отчуждением, порождённым поздним капитализмом, и усилиями в направлении его преодоления. Отмечается, что популярная культура и эклектичные конструкции, сформированные этим периодом, должны рассматриваться как компоненты, предлагаемые для преодоления отчуждения. Это в то же время компонент, который замыкает социологическое кольцо понятия «традиция» (144, с.46).

1.3.2. Постмодерн: ценности и традиция

Традиция – одна из основных проблем модернити, следовательно, и позднего модернити. Можно сказать, что модернити – это конфликт с традицией. В то же время модерн – это намерение и процесс в определённой форме преодоления традиции (144, с.26).

Модернизм отказывался от понятия «традиция». Для модернизма всегда характерны антагонизм и напряжение между «своим и другим». В этом случае каждое явление в сознании модернити оформилось как проблема решения, каковым будет какое-то состояние в будущем, исходя из сегодняшнего дня. Поздняя модернити преодолела это. Образовался мост между сегодня и завтра, как только мысль о будущем до какой-то степени стала абстрактной и была взята в кавычки, то есть перестала быть понятием, ради которого расходовалось сегодня. Таким образом, время стало гибким понятием, обращение понятия «постмодернизм»

к понятию «сам» (*self*) сопровождалось новыми поисками в вопросе идентичности (144, с.45).

Разрыв с прошлым и традицией в тех случаях, когда были эффективны добровольные модернизационные проекты (Турция, Китай), более радикален, нежели в колониальных модернизациях (Индия). По этой причине отношения между традицией и современностью в незападных обществах носят своеобразный характер. Когда мы думаем, что модернистский проект детрадиционализации всё больше приближается к концу и глобализация поглощает местные образы жизни, новый интерес к традиции, забытые вкусы, ностальгия по прошлому неожиданно и в нежданной форме вновь предстают перед нами. Это поиск гармонии (идеала) между субъективностью и современностью, вновь проецируя прошлое внутри сегодня, нежели возврат к прошлому. (126, с.172, 174).

В заключение хотелось бы отметить, что характер взаимоотношенности ценностей, экономики и политики обнаруживается эмпирически, казуально, а не известно априори. (224).

Следовательно, сегодня мы можем наблюдать микшированность культуры, несистемную мозаику фрагментов и констатировать подвижность любых классификаций.

ГЛАВА II. ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПРОЦЕСС

2.1. «Постмодернизм»: история понятия

Согласно одной из точек зрения, «постмодернизм – это название периода», исходя из чего, его называют «состоянием постмодерна» (Ж.-Ф.Лиотар). В то же время это название новой философской концепции, новой мысли, нового стиля, нового рационализма (выходящего за рамки рационализма модерна), нового дискурса. Данная понятизация выдвинута в значении конца одного периода с точки зрения и культурных, и интеллектуальных, и материальных характеристик и его преодоления внутри себя. Эта дифференциация отражается в использовании термина «постмодернизм» и его дериватов, о чём речь пойдёт далее.

Термин «постмодернизм» впервые был упомянут в 1917 году в работе немецкого философа Р.Паннвица «Кризис европейской культуры». Здесь впервые было использовано определение «постмодерный». (77, с.64). Литературовед Ф. де Онис в 1934 году в своей книге «Антология испанской и латиноамериканской поэзии» употребляет его для передачи реакции на модернизм. (См. 61, с.8-18). В интерпретации Ониса усматривается транзитивность постмодерна («постмодерниسمо» – 1905-1914), располагающегося между модерном («модерниسمо» – 1896-1905) и ультрамодерном («ультрамодерниسمо» – 1914-1932) (75, с.XVIII), (205, с.111-112). В 1947 году в книге «Исследование истории» А.Тойнби, являющейся однотомным изложением первых шести томов одноимённого произведения

Д.Сомервиллом, термин «постмодернити» (postmodernity) приобретает культурологическое значение (92, с.39). Его широкое хождение начинается с конца 60-х годов, вначале он используется для характеристики новаций, стилевых изменений в искусстве, а впоследствии трансформаций в социальной сфере. В 80-е годы, в первую очередь благодаря работам французского философа Ж.-Ф.Лиотара, распространившего дискуссию о постмодернизме на область философии, постмодернизм получает статус понятия, фиксирующего ментальную специфику современной эпохи в целом.

До сих пор продолжают дискуссии о возникновении постмодернизма, прослеживаются хронологические колебания в определении точек отсчёта. Однако не оспаривается то, что постмодернизм возник как художественное явление в таких областях, как архитектура, скульптура, живопись, литература и музыка.

В 1974 году А.Тойнби выдвигается мысль о том, что период модерна закончился с Первой Мировой войной, а последующий период – период постмодерна.

В целом, философия и все практики, которые называются «постмодернизм», появились после Второй Мировой войны. Не кажется возможным проводить категорическую периодизацию и устанавливать исторические рамки; хотя предпосылки наблюдались внутри модернизма, процесс и идеи, который выражаются как постмодернизм, будет уместным рассматривать с точки зрения исторического отрезка времени после Второй Мировой войны.

Постановка проблемы постмодернизма только в начале 80-х годов «как целостного феномена современного искусства, как особого идейного течения,

объединяющего в единое целое новейшие направления в различных видах искусства, которые определялись как «постмодернистские», связывается с несколько запоздалым теоретическим осмыслением новой художественной реальности. (269).

Появление постмодернизма в архитектуре

До того, как перейти к анализу истории возникновения постмодернизма в искусстве, хотелось бы отметить следующее определение, ярко и ёмко выражающее очевидность и значимость постмодернистских тенденций в архитектуре:

«Все можно «выключить»: закрыть, отвернуться, уйти. Архитектуру не выключишь. Отвернувшись, тут же упруешься в архитектуру, не лучше и не гуманнее. ... Поэтому архитектура и колыбель постмодерна, но и шкаф с его скелетами, хранилище его самых интересных «зачаек». (263).

Многие дискуссии о постмодерне в XX веке начались в архитектуре. Даже переход от модерна к постмодерну был датирован 15 июля 1972 года, в 3.32 пополудни. (181, с.53), (44, с.39).

Американский архитектор и критик архитектуры Дженкс выдвинул идею о том, что конец современной архитектуры наступил, когда жилой комплекс в Сент Луисе «Пруитт-Айгоу» или «Прюитт-Игоу» (англ. Pruitt-Igoe), являющийся самым ярким примером стиля классического модернизма, был разрушен в 1972 году. Согласно Ч.Дженксу, это было глубокой символической историей, открытым мессиджем, означающим отвержение народом модернистского течения, закодированного в таком проекте, как «Пруитт-Айгоу». (164, с. 11).

При такой реконструкции проблемы философия архитектуры выражалась в отождествлении провала проекта (архитектурной неудачи) со смертью модернизма, выдвигании даты взрыва в качестве точки отсчёта постмодернизма. Другими словами, такая точка зрения в истории американской архитектуры, которой придерживался и Ч.Дженкс («Язык архитектуры постмодернизма», 1977) (57), выражалась в том, что крах «Пруитт-Айгоу» означает «конец архитектуры модернизма», «конец высокого модернизма». Это было приданием постмодернизму принципиально иного смысла в сравнении со смысловой нагрузкой как выражения ультрамодернистских экспериментов в американской литературной критике 60-70-х годов.

В унисон определению Ч.Дженкса звучит характеристика постмодернизма в 1972-ом году в одном из архитектурных журналов как «самого помпезного фиаско модернизма» (90, с.180), выражающей критику получившей распространение в 1970-е годы в отношении модернистских тенденций социальной инженерии.

Следовательно, «Пруитт-Айгоу» как психологический конструкт использовался для репрезентации целого стиля - модернизма, а постмодернизм - как новая архитектура для устранения минусов модернизма.

Провал проекта, не соответствующего тем, кто в нём будет жить (57, с.9-10), то есть идея, проистекающая из убеждённости в равнодушии канонической архитектуры модерна к человеческим нуждам (16, с.80-81) связывалась с таким архитектурным новаторством, как постмодернизм, в силу того, что последний предусматривал учёт как идей, их иницирующих, в частности, проектировщиков, так и их соответствие потребителю: «...архитектура постмодернизма выглядит

гибридной.... Здания, наиболее характерные для постмодернизма, обнаруживают признаки сознательной дуалистичности». (216, с.10). Новый способ выражения выступает как «двойной язык» и /или двуязычие. «Нечувствительность», приписываемая модернизму, сменяется «постмодернистской чувствительностью». Отсюда проистекает такое понятие, как двойное кодирование.

«Двойное кодирование» – это то, что отвечает вкусам как профессиональных архитекторов, так и народа. Данным понятием обозначается состоящее из соединения старых и новых стилей и ориентированное на эклектизм архитектурное течение. Именно в таком подходе видится социальная и архитектурная революция модернизма: «Новая архитектура» страдала от элитарности. Постмодернизм стремился преодолеть эту элитарность не путем упрощения, а расширения языка архитектуры во многих различных направлениях – в сторону освоения местных особенностей, традиции, коммерческого слэнга улицы. Отсюда двойное кодирование, архитектура, которая обращается и к элите, и к человеку с улицы». (216, с.12).

Модернистские архитекторы, как и модернистские писатели и художники в своих областях, отвергли все предыдущие формы и вместо традиционных и классических архитектурных форм, настояли на замене их зданиями, основанными на рациональных и универсальных принципах. Здание, деконтекстуализировавшись, универсализировалось. Центры городов стали однообразными с однотипными зданиями. Это был метанарратив модернизма. (181, с.53-54).

В противоположность этому, постмодернистские здания и центры городов характеризуются чуткостью к

контексту и сознательной игрой посредством эклектического совмещения разных стилей и обращения к разным историческим периодам. Постмодернизму свойственна сфокусированность на внешнем виде, нежели на сущности и цели. (181, с.54).

Появление постмодернизма в философии

Если начало и источники постмодернизма в значении экономических и социальных условий могут быть найдены после Второй Мировой войны, то интеллектуальные основания же в более сложной форме восходят к более раннему времени, но всё же при необходимости определения следы интеллектуальных понятий и категорий постмодернизма можно найти у Ницше и после него.

Хотя большая лепта в развитие постмодернизма в основном и приписывается французам, вдохновителями постмодернизма считаются немецкие философы, в особенности, Ницше и Хайдеггер. (159, с.35-36).

Позже, в особенности начиная с 1960-ых годов, в результате теоретических исследований и философских дискуссий во Франции постмодернизм стал выражать себя и как философия. Постструктуралистская философия составляет интеллектуальный фон постмодернизма. В этот период были разрушены идеалы модернистские и стали подвергаться анализу и критике формы мышления или основные теоретические понятия и категории, служащие источником этих идеалов. Общей целью всего того, что делалось во имя науки, технологии, искусства, политических свобод, – были прогресс и освобождение человека, в то время как достигнутые результаты свидетельствовали, что это не так.

1979 год – дата публикации во Франции «Состояния постмодерна» Ж.-Ф.Лиотара считается началом отсчёта постмодернистской философии.

Лиотар использовал постмодернизм для характеристики современного состояния науки, культуры и общества в целом. Состояние постмодерна характеризуется Лиотаром как конец Больших Рассказов – Просвещения, идеализма и историчности. Постмодернистская мысль направлена не на оценку неудач проектов модерни (рациональности, свободы, универсальности и др.), а на осмысление и преодоление теоретических основ этой неудачи. Следовательно, была не только обеспечена критика современных проектов и представление их к повторному использованию, но и подверглись деконструкции конструкции основной аргументации, используемой непосредственно модерни для своей характеристики.

В начале 1980-х постмодернизм стал интеллектуальным направлением в англоязычном мире. На этот период приходится и его использование в американской литературе (50), а затем переход из литературной полемики в архитектуру (58), (59), соответственно из США в Европу. Сборник Холла Фостера (Hal Foster) под названием «Культура постмодерна» ярко демонстрирует этот переход. Эта книга, которая вначале называлась «Антиэстетический» («Anti Aesthetic», 1983), а затем была переименована и состояла из собрания статей таких имён, как Юрген Хабермас, Эдвард Саид, Фредерик Джеймисон и Жан Бодрийяр, открыто указывает на сдвиг постмодернизма с мира искусства на более широкие темы. (128, с.22).

Хотя появление термина «постмодернизм»¹ связывается с именем Лиотара, в более «жесткой» форме «постмодернистская наука» впервые появилась в подзаголовке книги Стивена Тулмина (Stephen Toulmin) «Возвращение в космологию» («The Return to Cosmology», 1982). (127, с.84).

При социологическом анализе 1970-ых и 1980-ых, когда термин получил широкое распространение, наблюдаем, что Ф.Джеймисон, характеризуя состояние после Второй Мировой войны и связывая его с поздним капитализмом, выдвигает периодизацию, аналогичную А.Тойнби.

В целом, можно отметить, что хотя некоторые западные авторы и отмечают, что «постмодерн» как термин был использован в 1870-ых, а появился как название книги в 1926 году; можно сказать, что его социальное и культурное ядро стало оформляться после Второй Мировой войны. (161, с.6-7).

2.2. Постмодерн в дискурсе междисциплинарного диалога

Понятие «междисциплинарности» – одна из главных черт современной науки и интеллектуальной деятельности. (243, с.6).

Данная установка постмодерна выражается в «разложении принципа легитимности знания»: «это разложение протекает внутри спекулятивных игр, ослабляя связи энциклопедической структуры, в которой каждая наука должна была занимать свое место... Дисциплины исчезают, происходит взаимопроникновение наук на их границах, что приводит к возник-

¹ Имеется в виду приобретение им философского статуса.

новению новых территорий». Отмеченная позиция снимает размежевание как областей внутри одной дисциплины, так и на стыке дисциплин, в том числе и в значении классификации естественных и гуманитарных наук, «при том, что утверждение постмодернизмом нарративной природы любого знания лишает их дифференциацию внутринаучного основания». (246, с.80).

Вбирание в себя знания из других, в том числе естественных наук, когда предметом анализа становятся инициированные дезорганизацией, хаосом и беспорядком неожиданные и спорадические колебания, наблюдаемые в социальных и культурных реалиях, составляет основу постмодернистских парадигм. (228, с. 38).

Идея междисциплинарности связывается с эпохой делегитимации и обусловленным им эмпиризмом. Отношение к знанию усматривается в отношении обладателей материала к тем, кто получает его результаты. Они вследствие «brain storming» влияют положительно на результативность, не имея ни метанарратива, ни метаязыка для выражения цели знания и его целенаправленного использования. (234, с.127).

Междисциплинарный подход к постмодернизму проистекает из постмодернистского комплекса. Он состоит наряду с культурным постмодернизмом из известной как деконструкция философско-теоретической (собственно Метод) составляющей, где можно отметить лингвистический (Ж.Деррида), эпистемологический (Ж.-Ф.Лиотар), социальный (Ж.Делёз, Ф.Гваттари, Ж.Бодрийар), властно-политический (М.Фуко) аспекты. Историческое

измерение деконструкции усматривается в постструктурализме, а постмодернизм как социальная теория – в радикальном плюрализме. (210, с.171).

Темы или вопросы, считающиеся нефилософскими, также в определённой форме могут стать предметом философии, к тому же, категорически дифференцированные дисциплины постоянно используются совместно и исследования постоянно проводятся в промежуточных плоскостях. Во то же время отдельные вопросы постмодернистской парадигмы даже внутри философии могут стать объектом исследования одновременно как философии культуры и религиоведения, философской антропологии, социальной философии, истории философии, истории и философии религии, современных философских течений, философских систем, аксиологии и др.

Следовательно, в вышеотмеченном усматриваются интеграционная функция постмодернизма, ориентированная на диалог между дисциплинами и, соответственно, «пограничность», обусловленную его формированием «на границах философии», по определению Ж.Деррида. (246, с.81).

Постмодернизм, выходя за рамки культуры, проявляется во всех сферах общественной жизни. (118, с.103). Постмодернизм, отличаясь от модернизма в определённом случае или в положительном или отрицательном смысле, охватывает все политические и материальные/социальные изменения, а также интеллектуальные и теоретические продукты и культурные практики.

Все эти измерения, а также полисемантность понятия «постмодерн» обуславливают как культурологический, так и социологический и

философский анализ постмодерна и его индикаторов в обществах. Следовательно, необходимость комплексного подхода к проблемам общественных изменений требует междисциплинарной организации исследований.

Культурологический характер обусловлен его возникновением сначала в искусстве, а потом в других сферах.

Анализ социальной рефлексии постмодерна обусловлен тем, что теории постмодерна, не являясь собственно социологическими, «вбирают достижения целого ряда дисциплин – антропологии, математики, социальной синергетики, лингвистики, особенно семиотики, включающей в себя не только язык, но и другие знаковые и символические системы, и т.д» (228, с.640).

Следовательно, междисциплинарность постмодерна, на наш взгляд, может быть продиктована таким типологическим признаком, как синтетичность или синкретизм, и его понятийным аппаратом.

2.3. Понятийный аппарат

Постмодернистский дискурс отличается некоторым общим набором понятий и представлений.

Хотя в целом невозможно утверждать абсолютную чёткость границ между нижеследующими понятиями, однако необходимо подчеркнуть общепринятое предназначение понятий, используемых при характеристике постмодернистской парадигмы, в частности терминов «постмодернизм», «постмодерн», «постмодернити», «постмодернизация», «постсовременность» и др.

Постмодернити, буквально «после модернити», символизирует новое состояние, в которое вступает

современное общество и культура. В этом новом состоянии изменилась форма технологии и информации, потребление сменило производство, имидж – реальность, фрагментация – целое; стали отказываться от метанарративов, и популярная культура стала занимать доминирующее положение. (161, с.5).

В целом постмодернити характеризуется как постсовременное состояние или состояние постсовременности, которая в свою очередь независима «от осознания данного факта и вне его художественного освоения». (263).

Термин «постмодернити» используется в нескольких разных значениях. Самое широкое использование постмодернити – в особенности со ссылкой на постмодернистское искусство и постмодернистскую архитектуру – определяется как состояние или условие постмодерна (то, что следует после модерна или возникло как реакция ему). Он в то же время используется также для описания периода в архитектуре, начавшегося в 1950-ых годах в ответ на Международный Стил или отход от категорического разделения стилей, возникновение идей о «высоком» и «низком» искусстве и глобальной деревне. Считается, что постмодернити определяется повторным появлением на повестке дня под вдохновением истории украшений для внешнего фасада в декоративных формах и окружающих зданий в городской архитектуре и использованием неперпендикулярных углов, как в здании Оперы в Сиднее и зданиях Фрэнка Гери.

В философии и критической теории постмодернити выражает ситуацию или условия в обществе, возникшие после модерна. Многие теоретики постмодернити считают постмодернити исторической ситуацией,

указывающей на конец модернити (определяющуюся как период/состояние, отождествляющееся с Индустриальной Революцией и Просвещением). Философы, в особенности те, кто видят себя внутри «проекта модерна» термин «постмодернити» используют в противоположном значении как «предполагаемые последствия обладания постмодернистскими идеями». Этого мнения придерживаются в самой яркой форме Юрген Хабермас и другие философы, отстаивающие идею о том, что постмодернити представляет возрождение взглядов, входящих в противоречие с Просвещением, имеющим долгую историю существования.

Под постмодерном же подразумевается постмодернистское состояние в обществе, являющееся следствием информационных технологий, глобализации, дифференциации образов жизни, гипер-потребительства, хаотизации финансовых рынков и общественной пользы, устаревание нации-государства и традиционного хода жизни. (177, с.51), (176, с.83).

Постмодерн характеризуется как оформляющее неотвратимую постсовременность явление. (263).

Если постмодернити сфокусирован на социальных и политических рефлексиях этой философии (постмодернизма) в обществе, то постмодернизм – «культурный и интеллектуальный феномен». Наряду с постмодернистским состоянием, являющимся выражением экономических, политических и социальных измерений, появился постмодернизм – выражение позиций и подходов, возникших как реакция на модернизм от архитектуры до других видов искусства, в философии, религии, обществе, культуре и др. Следовательно, мы можем говорить о состоянии, то есть

посмодерне, и о постмодернизме как об «интеллектуальном явлении».

В связи с чем он определяется и «как тренд в творчестве и рефлексии», который отличается самоидентификацией и особым языком (263).

Если постмодернити описывает состояние существования или условие, или связано с институтами и изменениями в условиях (39); то постмодернизм выражает эстетическую, литературную, политическую и социальную философию. Вопрос постмодернити, в лиотаровской интерпретации, «проблема выражения мысли» в первую очередь в таких сферах, как искусство, литература, философия, политика (68, с.118). Постмодернистская философия в этом измерении создаёт теоретическую основу, или, другими словами, базис постмодернизма.

Связанный с термином «постмодернити» термин «постмодернизм» выражает течения и философию, возникшую как реакция модернизму или в ответ состоянию постмодерна. Под постмодернизмом подразумевается философская критика «великих рассказов». (177, с.51).

Таким образом, если состояние постмодерна указывает на общее состояние, возникшее в связи с социальными, экономическими и политическими упорядочиваниями, вырисовывающимися после Второй Мировой войны, то философия постмодерна показывает философский/теоретический фон позиций и тенденций в постмодернизме.

Следовательно, постмодернизм – философская и идеологическая проекция постмодернити. (112, с.63).

Постмодернизм не направлен в определённом смысле на конкретную идеологию или учение. То, что некоторые

теоретики постмодерна, полемизируют, в особенности, с основными идеологиями, не отрицает этого. Приставка «пост» здесь означает как «после», так и «по ту сторону», и в этом контексте дискуссии ведутся не относительно какой-то конкретной идеологии, а в большей степени и главным образом относительно того, является ли идеология идеологией. Проблематизируется не определенное учение или философия, а главным образом теоретическая почва, на которой построены все учения и философские идеи. В этом смысле такие понятия, как «гуманизм», «свобода», «освобождение», «универсальность», «наука» и «разум», которые были общепринятыми с начала проекта модернизации и даже того, что называется «западной философией» или «западным мышлением», стали проблематизироваться и сместились.

Модернизм соответствует культурному явлению и смыслу модерности (модерна), постмодернизм же – постмодерности (постмодерна). Согласно одному из подходов, постмодернизмом называют формулировку и легитимацию отмеченного в философской плоскости, а постмодернизацией¹ – распространение на незападные общества. (161, с.5).

Термином «постмодернизация» обозначают новый облик модернизации, не подразумевающий смену идентичности, в ходе которой не происходит потеря национальной социокультурной основы (Япония и Юго-Восточная Азия). Однако этот срез проблемы выходит за рамки нашего исследования.

Резюмируя положения можно отметить, что постмодернизм выражает философское измерение,

постмодерн и постмодернити – социальное, а постмодернизация – социальное и экономическое измерения концепта, что, на наш взгляд, свидетельствует о междисциплинарном характере самого феномена «постмодернизм» и его комплексном характере.

Из вышеизложенного следует, на наш взгляд, сфокусированность постмодернизма на социальной сфере.

Собственная своеобразная традиция социального анализа в 80-90-е годы, вбирая новые области научного исследования и дисциплины, стала представлять концептуальный (постмодернистский) дискурс, который используется применительно ко многим сферам и отличается не единством, а разнохарактерностью проблематики.

Несомненность влияния постмодернистских теорий на современную социологическую мысль объясняется интересом первых к социально значимым проблемам. (228, с.641).

Социальные рефлексии постмодерна, выражающиеся в таких сферах общества, как религия, политика, культура, экономика и др., составляют основной инструментарий постмодернистского дискурса.

Помимо отмеченных, наличествуют ещё социологическое, религиозное, политическое, экономическое и т.д. измерения постмодерна. Фокус нашего анализа сосредоточен на индикаторах постмодерна, измеряемых в социальной, философской, культурной, религиозной, политической проекциях, о чём речь пойдёт далее.

Постмодернизм характеризует аксиологический акцент на философском осмыслении проблемы языка. В

¹ См. Глава V. «Постмодерн: мультикультурализм и диалог».

постмодерне его роль в культуре переосмысливается¹. Постмодернистам, в частности М.Фуко, Ж.Деррида характерно использование методологического инструментария языкознания для объяснения социальной данности.

В то же время мы можем отметить, что у постмодернизма есть свой язык. Для него характерен определённый набор понятий и терминов, среди которых есть «сугубо постмодернистские» и те, которые в постмодернистском контексте принимают специфическую смысловую окраску.

Лексике постмодерна приписывается свой синтаксис, семантика и прагматика: «специфический характер взаимоотношений между элементами; тип связи означающего и означаемого; особый характер использования в речевых практиках». (263).

Одно из важных понятий постмодернизма – дискурс. В фукоистской интерпретации дискурс – это «прежде всего определённое установление, обуславливающее режим существования объектов». (274, с.285). Дискурс в этом смысле имеет сходство с понятием контекста.

В то же время дискурсом называют диалог аргументации. При усмотрении в консенсусе горизонта, недостижимого горизонта, он не будет представлять собой конец дискуссии, а всего лишь её одно состояние. В этом случае дискуссия завершается паралогией. (234, с.146, 156).

Введённое М.Фуко в философский оборот термин «эпистема» – более широкое, нежели дискурс понятие, представляющее собой систему мышления, научное теоретизирование, характерное для конкретного

¹ См. 2.7. Культурная проекция постмодернизма

исторического периода. По Фуко, эпистема, которая в переводе означает знание, есть видение. В то же время близко к значению понятия проблематики.

Однако смысловая нагрузка данного понятия претерпевает модификацию и у Фуко от культурной трансценденталии как исторического или культурно-познавательного априори (М.Фуко «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук», 1966, рус. пер. М., 1977) к понятию, аналогичному дискурсивной практике («Археологии знания», 1969). «В философии науки понятие эпистемы иногда используется в смысле, близком к значению понятия парадигмы, однако при сохранении определенного различия между ними, обусловленного разными мыслительными контекстами формирования этих понятий»¹. (206).

Другими понятиями постмодернистской нарратологии являются «концепт»² и «нарратив»³.

Постмодернизм, состояние постмодерна, философия постмодерна или в более специфическом смысле постструктуралистская философия может быть рассмотрена в разных значениях и контекстах. Можно выделить научное, философское, культурное, социальное, религиозное, антропологическое и экономическое измерения постмодернизма.

2.4. Постмодернизм: научное измерение

В современную эпоху актуализировался новый тип научности под названием «постмодерный»

Мировоззренческий сдвиг, новое мироощущение и новая парадигма не могут быть не связаны со сдвигами в

¹ См. 3.2.1. «Постмодернизм – постструктурализм».

² См. 2.5. «Постмодернизм: философское измерение».

³ См. 4.3. «Культура постмодерна».

науке, что обуславливает наличие точек соприкосновения постмодернизма и науки. Эта проблема была акцентирована и представителями постмодернизма, в частности, Лиотаром.

Под данным углом зрения можно проследить параллель между сменой модернизма постмодернизмом как одним из подходов к постмодернизму и периодизацией типов мышления. Постмодернизмом обозначают постнеклассический тип философствования, что обусловлено сменой в начале XX века классического типа мышления на неклассический, а впоследствии, в конце века – на постнеклассический.

Новый тип мышления вызывает новый тип знания, «принципиально отличный от того, который принято называть классической наукой, или наукой Нового времени. Он характеризуется повышением субъективности, гуманистичности, самокритичности, пересмотром таких его классических характеристик, как объективность и истинность». (269).

Теоретический плюрализм, представленный в мультипарадигмальности и методологическом анархизме «можно всё» (anything goes) (31), стал преобладающей тенденцией науки конца XX века. Абсолютизированная в культуре модерна научная истина становится релятивной под влиянием представления о принципиальной несоизмеримости теорий. Принцип пролиферации как бесконечного умножения нередуцируемых одна к другой теорий сменяет принцип кумулятивизма научного знания. (221, с.36).

Наряду с полионтологичностью бытия утверждается избирательность науки, наличие в ней общего метаязыка, «на который могут быть переписаны все

другие языки и в котором они могут быть оценены». (234, с.152).

Прагматика научного исследования находится в поиске «пути выхода из кризиса» для обнаружения новой аргументации. Этим кризисом считается детерминизм, усматривающий легитимацию в результативности. (234, с.130).

Отсутствие строгих границ между наукой и фантастикой, детерминизмом и индетерминизмом отмечается как характерная черта многих постмодернистских подходов. Постмодернистские теории отличает релятивистский характер, открытость наряду с рациональными понятиями для иррациональных понятий. (228, с.640-641).

В качестве важных черт отмечается свойственная постмодернистскому знанию эксплицитная имманентность самому себе дискурса о узаконивающих его правилах. (234, с.132).

Лиотар показывает, что «постмодернистская наука» является скорее исследованием парадоксов, непостоянств и неизвестностей. В прерывном и парадоксальном развитии постмодернистской науки производится «неизвестное», а не «известное», таким образом, меняется значение слова «знание» и предлагается как модель паралога. (234, с.143).

Согласно Лиотару, в современную эпоху, к примеру, в науке, «микронарративы» (малые повествования) должны считаться основным исследовательским инструментом. Наблюдается девальвация метанарративов, великих идей, обеспечивающих единство знания.

Такие идеалы Просвещения и допросвещенческого периода, как свобода, равенство, справедливость,

эволюция, рационализм, претендующие на объяснение и направление жизни, – метанарративы, и они потеряли действенность. В этом смысле Лиотар отмечает «давайте бороться с тотальностью, давайте покажем не представленное, делать действительными отличия» (154, с.159).

В качестве единственного способа отображения реальности в бодрийаровской интерпретации выступает «патафизика – «наука воображаемых решений».

Постмодернизм выдвигает идею о неполноте всех дискурсов, релятивизируя знание и субъект, соответственно научность. Данное положение выявляет диалогическую сущность постмодернизма, признающего разные знания.

Отношение к субъекту

Классический, неклассический и постклассический типы научности характеризует также отношение к субъекту.

Постмодернизм и/или новая философия исходит из того, что больше рациональность не автономна, а полностью прозрачный субъект не находится вне критики, историческое развитие под руководством Просвещения, на которое возлагались надежды, завершилось неудачей и следствием метафизической идеи явилось смена одной большой идеи «локальными» характерами (163, с.358).

Появления фундаментальной парадигмы обуславливает изменения не только в объяснении мира, но и в самом мире. «Опредмечивание» в значительной степени субъекта меняет представление о нём, что меняет и объект изучения, он в определённой степени «распредмечивается», приобретает субъектные характеристики. Однако опредмечивание субъекта и

субъективизация предмета приводит к стиранию граней между ними. (242).

Если классическая рациональность оперирует характеристикой объекта в процессе познания без участия субъекта, неклассический тип научности обращается как к объекту, так и к субъекту, сопоставляя знания, полученные от первого со средствами второго, то постнеклассическому мышлению свойствен аналогичный неклассическому типу процесс, однако с учётом также целевых установок субъекта в познавательном процессе. (269).

Отношение к объекту, определяющее человеческое сознание, в классической философской традиции, текстологически обусловленная субъективность в постмодернистской классике (248, с.83-84) сменяется смертью субъекта.

Тезис о «смерти субъекта» в качестве ещё одной важной составляющей постмодернизма можно проследить, в первую очередь, в концепциях «смерти субъекта» М.Фуко и Р.Барта, деконструкции Ж.Деррида, интертекстуальности Ю.Кристевоу. Данный тезис («смерть субъекта») выражается в размывании идеи единства субъекта, которым может быть представленным Автором (Барт), Богом (Ницше) или Творцом. В этом контексте можно отметить, что супероснования – Бог, автор, человек (гуманитарность) – также подвергаются деконструкции, которая является общим методом постмодернистского анализа.

«Переозначивание», «реконструкция» субъекта, выражающиеся в в постнеклассической философии в деструкции таких источников субъективности, как «самодостаточность и самоналичие» (Ж.Деррида),

свидетельствует об отличной интерпретации субъекта в постмодернистской философии. (248, с.73-74).

Посылка «смерть субъекта» критикуется утверждением о его де-факто существовании, обусловленном отождествлением субъекта с позицией, местом, «место-положенностью». Согласно данному подходу, критика в отношении субъекта в постклассическую эпоху и его переопределение не означает его исчезновение, так как «субъект – не субстантивная категория, а категория обстоятельства места (если использовать лингвистическую категорию). Исчезновение (смерть) субъекта (то, что предлагают постмодернисты) ведёт к потере места в структуре, где основополагающим всё ещё пока остаётся именно место, с которого ты (как конкретный индивид под спасительной личиной субъекта) можешь говорить и быть видимым. Отказаться от субъекта (категории и позиции) невозможно, потому что в этом случае мы теряем точку опоры и точку зрения и не имеем больше возможности ни смотреть, ни быть видимым» (212). Хотя, на наш взгляд, данная аргументация применима к структурализму, а постмодернизм ассоциируется с постструктурализмом, где наблюдается отход от догматичности, критикуемой постструктуралистами.

Отход от традиционной познаваемости мира в силу утверждения, что объект не существует, а возникает, выражаемые в нелинейном мышлении его понятиями флуктуации, бифуркации и когерентности (теории самоорганизации (междисциплинарные исследования: теория самоорганизации (синергетика) Германа Хакена (Германия) (282), (281), теория диссипативных структур Ильи Пригожина (Бельгия) (260) и теория катастроф Тома Рене (Франция)), отражают новый тип познания,

научности с новым характерным, можно сказать, «усложнённым» типом мировосприятия.

На наш взгляд, такие характеристики постнеклассической науки, как сложность, непостоянство, диффузность, недерминированность, деонтологизация знания, сопоставимы с нелинейностью и вниманием к деталям и нерегулярности, хаосу, неупорядоченности, многовариантностью постмодерна.

Одним из главных тезисов новой научной парадигмы был отход от предпосылок классической науки, считающихся «чрезмерным упрощением», что «мир устроен просто и подчиняется обратимым во времени фундаментальным законам». (260, с.16). Сложная конструкция предполагает сложную динамику развития, что предполагает отличное понимание порядка: «...понятие порядка (или беспорядка) сложнее, чем можно было бы думать» (260, с.252).

В этом контексте актуализируется такая важная характеристика установка как «постмодернистская чувствительность» как специфическое децентрированное мировосприятие, предлагающая интуитивный, ассоциативный, метафорический подход в отходе от строгости научной аргументации, рационализма и попыток конструирования «модели» мира. (269). Это важное понятие постмодернизма (постмодернистская чувствительность) предполагает восприятие мира в качестве хаоса, «создаёт формы порядка как беспорядка» (В.Лейч), ибо, согласно Делёзу и Гваттари, «Мир потерял свой стержень... Мир превратился в хаос». (253, с.784).

«Порядок из хаоса», порождённый неравновесностью, согласно синергетическому подходу (260, с.252) указывает на процессуальность самоорганизации и

становится важной характеристикой усложнённого мировосприятия.

Хаотический характер мира вследствие внутренней рефлексии и внешней принудительной казуальности (228, с.639) обуславливает иррациональные вызовы. Возникшая ситуация характеризуется как «революция неопределённости», в бодрийеровской интерпретации. В этом измерении может быть прослежена ещё одна параллель с постнеклассической наукой.

Отмеченные установки постнеклассической науки перекликаются с тем, что в постмодернистской науке доминируют три фигуры: гибридная сеть и нелинейность (127, с.92).

Идея о нелинейной социальности, антиэволюционистской модели общественного прогресса перекликается с фукоистской концепцией о смене эпистем, ризоматичности развития.

Постмодернизм характеризуется избытием разных подходов, не сводимых к общему знаменателю. В то же время постмодернистский дискурс отличается тематичностью, общим понятийным аппаратом, представлениями и мировоззрением, что обусловлено использованием концептуального аппарата постструктурализма при социальном анализе, с чем связывается его методологические и мировоззренческие принципы, его известное концептуальное единство. (269). О корреляции постмодернизма с постструктурализмом, а в целом о философских основаниях постмодернизма речь пойдёт далее¹.

Резюмируя научные принципы постмодернизма, можно отметить, что обыденное знание приобретает

большую значимость и актуальность, по сравнению с научным; нарративность выступает определяющей дискурсивного пространства и задает параметры повседневного и научного дискурсов; утверждается идея языка, моделирующего социальную реальность в отходе от идеи наблюдающего субъекта (269).

2.5. Постмодернизм: философское измерение

Корреляцию философии и постмодерна характеризуют распад философской системности, «нестрогое мышление».

Сегодня некоторые авторы говорят о постфилософии. К примеру, возвращение Рорти, как называют, к «постфилософии» отвержением стандартного повествования, связываемого с традицией западной философии, определяется как характерное постмодерное. (164, с.14).

Постфилософия свидетельствует о конце философии, постигаемой в соответствии с такими идеалами, как автономная рациональность, историческое развитие и метафизическая истина. (163, с.358).

В области философии стали появляться утверждения относительно необходимости новой постмодернистской философии, которая займет место философской традиции, сформированной внутри декартовской-локковской-кантовской традиции, находящейся в состоянии кризиса. (106, с.93).

Постмодерн знаменует конец философии, но не философии в целом, а метафизической философии, продолжающейся с Платона и достигшей своей кульминации модернизмом. Подвергается анализу и в большом масштабе отрицается общепринятость имманентных философии модерна таких понятий, как «эссенциализм», «фундаментализм», «реализм»,

¹ Глава III – 3.2. Дискурсивный анализ.

«объективность», «субъект» или «я». Философия постмодерна исходит из отвержения таких объяснительных систем, как наука, история, религия и искусство, отказа от того, что составило философскую мысль Нового времени – идеи прогресса, эмансипации личности, гегелевской диалектики духа и знания Просвещения и других.

Понятия модернизма, будучи вариативными, время от времени подвергались сильной критике. Именно эти критики подготовили почву для философской концептуализации постмодернизма. (112, с.64).

Постмодернизм как философская тенденция начался с пошатнувшейся веры в то, что рационализм, составляющий основу Просвещения, то есть объективное знание, обретается посредством разума, и привёл к проблематизации основных категорий всей современной философии и вытеснил эпистемологические принципы, согласно которым функционируют эти категории.

Аналогично чтению философии модерна через разум и рационализм, можно сказать, что постмодернистская философия может быть прочитана посредством противного от них.

Именно антирациональность постмодернизма обусловила использование таких понятий, как маргинальность и китчевость при характеристике его философского дискурса.

Постмодернизм иррационален, придаёт значение разуму, но и считает, что у него должны быть границы. Есть научный разум, но он не независим от социальных, психических, воображаемых и технических, экспериментальных переменных. С этой точки зрения когнитивный разум состоит из правил языковых игр. Возникает вопрос о природе знаниевых правил. Вопрос о

причине (*raison*) этих правил означает вопрос о причине причины (*La raison de la raison*). Классицизм был метафизикой. Модернити, по меньшей мере, модернизм Канта признает разум, запрещающий рассуждение на основе рассуждения. Поэтому «постмодернити больше будет экспериментально-критической или прагматической» (68, с.93).

В частности Лиотар отмечает, что разными способами борется с «рациональностью на словах», подчёркивает необходимость не смешивать причины и разумы. Согласно Лиотару, его иррационализм сводится к этому. (112, с.68).

Постмодернистская философия является результатом как взаимодействий между феноменологией, структурализмом, экзистенциализмом, критической теорией и марксистской философией, так и стыка и пересечений теоретических границ таких дисциплин, как лингвистика, антропология, психоанализ, социология. Данное положение указывает на диалогический и междисциплинарный характер, как и было отмечено выше, постмодернистской философии, включающей как разные дисциплины, так и различные философские течения внутри одной области знания.

У постмодернистской философии нет определённых апологетов или учения за исключением общих критических контекстов или тематических сборок, подобно тем, которые могут быть установлены при конкретном подходе. Данное обстоятельство связывается с тем, что её невозможно свести к определённой дисциплине или учению, скорее, она может быть понята как философская плоскость, в которой собраны разные философии нескольких

направлений, отстаиваются отличные друг от друга позиции и взгляды.

Постмодернистская философия направлена на разложение не только плоскости философии модерна, но и в то же время её наследницы и логического продолжения – текстовой конструкции традиционной философии, то есть всех её категориальных функциональных механизмов. В данном случае речь идёт не о поиске содержания, скорее и главным образом о поиске формы.

Можно отметить, что основной особенностью этой формы является её фрагментарность, поверхностность, иррациональность и многослойность в противовес тотальности, цельности, закрытости и серьёзности традиционных форм. Эпистемологическая конструкция, основанная на таких бинарностях, как хороший-плохой, высший-низший или верх-низ, правильное-ошибочное, рациональное-иррациональное, суть-форма, реальное-ирреальное и другие, распадается посредством этих новых попыток формальности.

В то же время, несмотря на то, что в определённой степени постмодернистская философия является полностью эксцентричной областью, мы можем говорить об этой скептической позиции, делающей понятным обсуждение её как в достаточной степени допустимого философского стиля, о таких её некоторых особенностях, как антифундаменталистская тенденция и почти рефлексивное недовольство авторитетами. (164, с.4).

Одной из трактовок постмодернизма как философского течения является его интерпретация как формы скептицизма – скептицизма в отношении авторитетов, общепринятого знания, культурных и политических норм. (164, с.3-4). Постмодернистская

философия, прежде всего, в самом общем смысле, результат глубокого сомнения касательно существования универсального, основного, объективного и рационального знания. С этим сомнением она ориентирована на постепенное разрушение бинарных понятийных оппозиций и эпистемологических согласованностей, являющихся их основаниями. Темой разговора становится проблематизация языка структуралистским языкознанием, дешифрование сознания теорией психоанализа и вследствие выявления глубинных структур, на которых зиждутся культурные явления антропологии, переворачивание отношений «идея – реальность», следовательно, структуры знания в традиционной философии.

Это определение помещает постмодернизм внутрь долгой традиции, простирающейся вплоть до классической греческой философии в западной мысли. Скептицизм – это философия, пытающаяся разрушить другие философские теории, претендующие на то, что они могут предложить окончательные истины или критерии, определяющие то, что считается окончательной истиной. Технический термин, характеризующий такого рода философский стиль – «антифундаменталистский». Анти-фундаменталисты, задавая такого рода вопросы, как «Что при необходимости обеспечивает истинность фундамента (то есть, точки отсчёта)?», обсуждают приемлемость оснований дискурса. Постмодернизм в существенной степени черпал вдохновение в примере, предложенном философами-анти-фундаменталистами, вероятно ведущим из которых был немецкий философ девятнадцатого века Ницше, призыв «переоценки всех

ценностей» которого послужил воинственным кличем для действия. (164, с.3-4).

Эйнштейн, Кант, Гегель, Фрейд, Ницше, Гуссерль, Хайдеггер, Соссюр по-разному выходили за теоретические рамки модерна и заложили, и углубили посылки постмодернистской философии. В особенности, Ницше, Гуссерля, Хайдеггера и Соссюра называют «отцами идеи». Французские философы позже, в 1960-ые и 1970-ые годы, углубляя тропы, проложенные этими мыслителями, оформили основные подходы постмодернистской философии.

Существует точка зрения, согласно которой философия постмодерна в целом вместо того, чтобы создавать своеобразную положительную теорию, должна быть охарактеризована как актуальный вид скептицизма, пытающийся пошатнуть другие теории и их утверждения относительно истины. (164, с.15).

В постмодернистском дискурсе все понятия, так как относятся к различным группам языков и верований, идеологичны. Каждая группа создаёт свою правду и образ жизни. Больше нет понятий, связывающих, объединяющих людей. (112, с. 68).

Согласно Лиотару, цель более не истина, а результат, исполнение (performance) (127, с.87). В этом измерении может быть прочитано оперирование «концептами».

Философская значимость концептов обусловлена степенью их невоплощённости как событий в действительности. (242).

Посредством определённых понятий обозначается особая сфера интереса философии как не относящаяся к действительности. В частности, в этой роли выступает концепт, который «...разумеется, познание, но только самопознание, и познается в нем чистое событие, не

совпадающее с тем состоянием вещей, в котором оно воплощается. Всякий раз выделять событие из вещей и живых существ – такова задача философии, когда она создает концепты и целостности» (215, с.46).

Фокусом нашего внимания является именно социальное, что обуславливает философский анализ условно называемой социальной теории постмодернизма как концептуальных рамок, используемых для изучения и интерпретации общественных явлений в рамках постмодернистского течения.

2.6. Социетальное измерение постмодернизма

Сфокусированность постмодернизма на социетальной сфере предполагает социологический срез познания.

Социальная теория в наши дни переживает кризис. В целом, затрудняется в объяснении и прогнозировании общественных явлений, в частности религиозных движений. Часто акцентируется необходимость отказа от теоретических рамок. (161, с.37). Данный кризис связывается с кризисом модерна, неперспективностью универсальной идеи всеобщего исторического прогресса.

Всё это обусловило новые теоретические интерпретации для репрезентации социальной жизни, созвучные постмодернистским и выражающиеся в отказе от «традиционного теоретико-методологического инструментария классических и модернистских социологических парадигм» (228, с.649).

Скептицизм постмодернизма в отношении социологии объясняется нежизнеспособностью традиционной эпистемологии. Постмодернизм предлагает альтернативные эпистемологию и инструментарий для изображения современных социальных процессов, акцентируя неспособность

толкования последних традиционной социальной наукой. Констатируется, что под влиянием заимствованных у постмодернизма и приспособляемых для социологического анализа подходов, вследствие трансформаций традиционных концепций в социологии в 80-90-х годах, возникает постмодернистский комплекс в социологии, отражающий постструктуралистскую проблематику. (269).

Синтезированный характер новейшей социологии, представленной неомарксистским, феноменологическим и постструктуралистским направлениями, вбирающий в себя эпистемологию как модерна, так и постмодерна, соотносит их к постмодерному, постнеклассическому типу научности. К непосредственно постмодернистской социологии относят постструктуралистское направление. (269).

Отход от традиционной проблематики классической социологии проявляется в новом языке социологии, передающем процессуальность, таких понятиях, как «структурация» (Н.Элиас (N.Elias)), «фигурация» (Э.Гидденс) и т.п. (269).

Утопичность универсальных законов общественного развития и модели общественного устройства, открытость знания о мире, акцентуация культуры как основного объяснительного принципа, нелинейная социальность – всё это свидетельствует о нерациональной природе новой социальности.

Деонтологизация социологического знания осуществлялась на фоне переинтерпретации наличествующих походов и поиска новых. Следовательно, ощущалась необходимость в

«принципиально новом типе теоретизирования о социальном мире» (228, с.640).

Постмодернистский дискурс в социологии был обусловлен тем, что классическая социология, обеспечивающая легитимацию модерна, её рациональность, не подходила для постмодерна, точнее, для репрезентации новой социальной данности. Данное положение обусловило необходимость избавления «от слепой веры в рациональное как нечто замкнутое» и отказа «от идеала достижимости окончательного знания, казавшегося почти достигнутым» (260, с.276).

Отход от полной познаваемости и объяснимости мира как тенденции социологического знания, так и свойственной научному дискурсу в целом, дезавуируется интенцией к объяснимости локального, повседневного, феноменов только внутри контекста, так называемого «текста», в постмодерне.

Отмеченное обусловило использование социальными теоретиками такого понятия, как «социальная теория постмодернизма».

Теория общества постмодерна

Социальная теория постмодернизма основывается на некоторых основополагающих идеях, считающихся общепринятыми и общепризнанными и в большей степени оформленными французским постструктурализмом, хотя при отсутствии системы и аксиом. (269).

В данном случае «в постмодернистской социологии научность не исчезает вообще, но акцент смещается на искусство интерпретации» (228, с.649).

Согласно Бауману, «интерпретативный» разум в постмодернистской социологии, заменяя «законодательный», сводит функцию учёного к

интерпретации, в отходе от выявления объективной картины мира. В данном случае «научность» измеряется только правильностью интерпретации. Данный тезис связан с такой особенностью эпистемологии постмодернизма, как неиерархичность, когда истинность задаётся контекстом, языком и не может претендовать на исключительность, безальтернативность.

Постмодернистское представление о социальности основывается, прежде всего, на плюрализме.

Постмодернистская интерпретация реальности исходит из множественности, мозаичности, конструкций, обусловленных рядом составляющих, в частности, социальными процессами, выражающих одну из основных характеристик эпистемологии постмодерна – конструктивизм. Постмодерная социальность состоит из фрагментов, поэтому конструкции постмодерна отличаются от конструкций модерна, так как не являются результатом традиционного упорядоченного воспроизведения.

Постмодернизм заявляет о дестабилизации и даже исчезновении социальной реальности. (221, с.34). Конец социального (Бодрийяр) – поэтому конец классической социологии со своим объектом исследования – социальным.

Хотя современная социальность или состояние, в котором оно находится, квалифицируется как «не-общество» (А.Турен), оно имеет некоторые основные черты. Исходя из чего З.Бауман в книге «Признаки постмодерна» находит целесообразным не рассматривать постмодернистское общество «как больную или деградированную форму современного общества», а принять «специфику постмодернистской конфигурации» (7, с.27).

В заключение

Следовательно, «именно утверждение существования всеобщих причинно-следственных связей, на котором «стояла» классическая социология, и служило онтологическим основанием возможности позитивной науки об обществе, позитивной, то есть научной политики, вообще победы разума, всеобщей рациональности» (269) входит в противоречие с установками постмодернизма. Таким образом, постмодернистская рефлексия отражает собственные и концептуальные основания в отходе от познавательных принципов модерна, а также теории его общества.

2.7. Культурная проекция постмодернизма

С социальной теорией постмодернизма непосредственно связана культурная проекция постмодернизма.

Как первая и основная идея социальной теории постмодернизма выступает идея культуры как системы знаков, что обусловлено «лингвистическим поворотом» в западной новейшей философии, с которым связано развитие постструктурализма как философской основы постмодернизма. Данное положение фокусирует внимание постмодернизма на проблеме языка, «дискурсивных практиках» как выражениях деятельности и мышления людей, имеющих языковой характер. Общей особенностью постмодернистских текстов являются определяющий характер языка, независимо от связи с «фактами» действительности и установками, что порождает зависимость значений от отношений знаков. В этой позиции постмодернизма прослеживается отказ от референциального языка,

говорения «истины», что обуславливает понимание только в языке и с ним. (269).

Следующим тезисом постмодернизма является восприятие им мира как текста. «Мир как текст» актуализирует такие понятия языка постмодернизма, как «дискурс», «повествование», «нарратив», «текстуальность», «интертекстуальность», значимость которых выражается в определении Ж.Деррида «Ничто не существует вне текста». В этом измерении апеллируют суммой текстов или интертекстом для выражения культуры определённого периода. (269), потому что нарратив – рассказ, который всегда может быть пересказан по-иному.

В этом контексте актуализируется вопрос: «Почему и как сегодня постмодернизм превратился в центральную тему в культурной жизни?».

Понимание обусловлено «дискурсивным полем культуры». Под влиянием релятивизирующей интерпретативности деконструкции язык становится непостоянной средой, демонстрирующей несамостоятельность текста и ненадёжность знания, приобретаемого посредством языка. Последние, будучи главными тезисами постмодернизма, проблематизируют картину действительности определённого периода, называемую М.Фуко эпистемой, единой системы знания, образованной из дискурсивных практик разных научных дисциплин, представляющего собой языковой код, языковую норму, обуславливающую языковое поведение, мышление. (269).

Отмеченное, то есть тезисы постмодернизма, не может быть рассмотрено вне контекста тенденций основательной, онтологической трансформации культуры, выражающейся в глобализации системы масс-

медиа, в мистификации массового сознания, инициирующего мифы и иллюзии, и обнаруживает происходящий под воздействием СМИ внутренний механизм мистификации общественного сознания. (269).

Следующей позицией постмодернистского мышления является критика центрированности как основного принципа модернизма, актуализирующая децентрацию для постмодернизма.

Необходимость суммы текстов и интертекста для получения знания, которое само по себе может быть лишь составляющей культурного дискурса, придающего смысловую нагрузку ей (составляющей), обуславливает необходимость контекста культуры, традиции и языка. Данная установка зиждется на постмодернистском отвержении всей прежней культуры, метафизического и логоцентрического типа мышления и т.п. понятий модерна. (269).

В постмодернистской нарратологии отдельная культурная практика или знание познаётся посредством метода исследования дискурсивных практик – деконструкции, предполагающей расщепление дискурса на составные.

2.8. Постмодернизм: антропологический срез

По Гегелю, каждый индивид – дитя своего времени и не может переступить через дух времени. В унисон этому утверждению звучит следующее: «Человек выбирает время, но и время выбирает человека». (210, с.167).

Постмодернистская философия наряду с тем, что кладёт конец метафизической философии или, более точно выражаясь, метафизической структуре философии, выдвигает также мысль о конце ряда метафизических концептов. Во главе этих понятий стоит понятие

«человек». При обращении к философии Ницше и Деррида наблюдаем идею о «конце человека».

Начавшийся в начале 1960-ых годов с «концом идеологий» всплеск эсхатологических настроений, объявляя под названием новой французской мысли «конец человека», продолжался в 1970-ых и 1980-ых годах. В этой ситуации распрощались с пролетариатом, бунтом, революцией, идеологией, гуманизмом, вкратце, с рядом идеалов, которые Лиотар впоследствии охарактеризует как «большие рассказы». (172, с.10).

Неприемлемость теоретического статуса гуманизма стала ощущаться ещё в структурализме. Альтюссер, обосновывая структуралистский марксизм, для выражения собственных суждений, смело выразил определение «марксизм – это теоретический антигуманизм», и предпринятые им инициативы в этом контексте показывают, как проблематизируется понятие «человек». В тоже время в философии прослеживаются позиции, утверждающие невозможность «я» и в разных аспектах определяющие то, что основания, делающие субъект субъектом, находятся вне него, что делает неизбежным и необходимым повторное толкование субъекта.

В «теоретическом антигуманизме» утверждается независимость «социального целого» от индивида, его участия. (269).

Данная установка актуализируется в постмодернистском нарратологии в контексте отрицания «роли внешней причинности вообще» (228, с.624).

2.9. Религиозный срез проблемы в дискурсе философии религии

Двойной феномен, проявляющийся как в сопротивлении новизне в исследованиях о религии, так и её изменению, является показателем современного процесса, образующего постмодернистскую трансформацию религии, её определение и предмет. (105, с.61).

Постепенно превращается в популяризирующееся утверждение то, что философия религии должна отныне стать не исследованием и оправданием индивидуальной веры в Бога (то есть теизма), а критическим анализом религиозной «практики». В постмодернистской критике утверждается, что навязчивый интерес к оправданию философии, является следствием привилегированного положения разума в современной философии. Роль разума, его беспристрастность и универсальность в оправдании теистических верований становится предметом дискуссий. Отмечается, что вера – западное абстрагирование, в то же время критикуется разум, являющийся способностью не только человеческого тела, но и духа как определённая мужская конструкция. В этой ситуации постмодернизм разрушает современную философию религии посредством генеалогических исследований ритуальных действий и практик тела. Вместо философских анализов понятий ритуальное действие превращается в важную форму означивания. Постмодернистская критика касательно аналитического разума бросает определённый вызов современной философии в той степени, в которой приравнивает религию к вере. Эта критика открывает сферу религии для таких вопросов, как пол, сексуальность, класс, раса и практики тела. (105, с.62).

В то же время положительное отношение некоторых постмодернистов-теологов к постмодернизму обусловлено критикой последним определённой светской рамки, того, что называется «универсальным разумом». (105, с.62).

Каково будущее религии, центр которой сместился в сторону ритуальных действий как форм означивания. Фокус оправдания современной философии теистического верования может быть в корне подорван средоточием практики тела и ритуальных действий постмодерна. Опять же дефиниция и ценность религии остаются неопределёнными: религия стабильна только как практика, определяющая действие, сильна только как власть, создающая ритуал и константна только как пол каждой конструкции. Совместима ли религия как новый метарассказ с постмодернистской критикой метанарратива секулярного разума? На первый взгляд, кажется, что это предлагает альтернативу, успешно заменяющую современный скептицизм в отношении (только) религиозного верования. (105, с.65-66).

Связана ли в постмодернистском мире религия с поиском практики невозможного, открывающегося разумом, силой понимания и текучестью и неопределённостью в пустотах воображения? В итоге можно сказать, что в постмодернистском мире «религия» находится в постоянных натянутых отношениях с понятием плюральных, конкретных, материальных и общественных отличий. (105, с.65-66).

2.1.10. Экономический постмодерн

Постмодернизм объясняет культурное строение постиндустриального общества. Для индустриального общества характерен процесс производства с использованием машин. В постиндустриальном обществе основной движущей силой являются знания. Место труда в индустриальном обществе в постиндустриальном обществе занимают знания, информатика, кибернетика и знак (индикатор). Постмодернизм в бодрийаровской и лиотаровской интерпретации – это состояние, возникающее при переходе от производственных отношений к потребительским, от способов производства к способам информатики, от труда к знаниям, от научности к симуляции (подражанию). (118, с.92). В связи с чем, его характеризуют как культурную логику позднего капитализма. (53, с.125). В этом значении постмодернизм – своего рода его идеология и символизирует способ функционирования индивидуальных отношений внутри этого общества. (118, с.92).

Данное видение исходит из того, что эквивалентами терминов «традиционное» (или иначе «премодерн»), «современное» («модерн») и «общество постмодерна» в экономических терминах усматриваются «доиндустриальное общество» («аграрное»), «индустриальное общество» («промышленное») и «постиндустриальное общество» («информационное»).

Согласно Джеймисону (82, с.78), течение реализма соответствует рыночному капитализму, течение модернизма – монополистическому капитализму, постмодернизм же позднему/ многонациональному/ потребительскому капитализму. С этой точки зрения культура имеет место на «надстроечном уровне» (52, с. XV).

Как отмечают многие критики и теоретики, используя выражение теоретика политики Эрнеста Мандела, которое популяризировал Фредерик Джеймисон, «поздний капитализм» играет важную роль в постмодернистских и постиндустриальных обществах¹. (128, с.19).

В заключение

Резюмируя, можно отметить, что постмодернистская философия, таким образом, может считаться радикальным протестом на понятийные бинарности философии модерна и его эпистемологические основания.

Постмодернистская философия, таким образом, – позиция философии, которая с метафизическим концептом человека отходит от «проекта Просвещения», получившего яркое выражение у Канта, и тенденции абсолютизации разума, вдохновившего все современные философские течения, и, следовательно, науки в теоретической плоскости.

В результате, логику постмодернистской философии можно резюмировать следующим образом посредством нескольких формулировок (это моменты, в которых выражается постмодернистская философия и которые подвергаются основной критике):

Нет *своеобразия*, источником копии служит копия и не может быть речи о достижении *подлинного*. Нет *чистой действительности* или *явлений*, все точки зрения

¹ См. 4.1.3. «Состояние постмодерна в экономике» в 4.1. «Постмодернистская ситуация».

интерпретативны и это неизбежно, в то же время все интерпретации – толкования предыдущих или других интерпретаций. Нет истины, не может быть истины, обосновывающей единственным и абсолютным образом приемлемость помимо повествования и копирования. Нет ничего помимо текста, всякое знание, включающее онтологические и эпистемологические гипотезы, – в итоге текстовое чтение, внешние сообщения постоянно вкрадываются в текст. Как отметил Витгенштейн, границы нашего языка – это границы нашего мира, потому что знание закрыто тому, что вне границ языка. И «я есть Другое», потому что «я» всегда есть творение *Других*.

В то же время, что современность, являясь темой интеллектуальной деятельности, волей-неволей должна быть осмыслена в качества объекта политической борьбы. По этой причине современность действительно должна быть исследована в терминах некоего этоса («ethos[a]»), то есть течения, тенденции, умонастроения (141, с.60) или, по М.Фуко, установки (276). Соответственно это мы можем отнести и к постмодерну.

‘Прошное’ и ‘современное’ (модерн) ссылаются не на временность, обусловленную хронологическим исчислением, а на пространство, разделённое определёнными интеллектуальными микроклиматами. В этом пространстве, в то время как ‘прошное’ актуализирует ностальгическую тоску по прошлому, которое никогда не вернуть, ‘модерн (современное)’ находится в поиске настоящего, устаревающего неизбежным будущим. В то время как первое, в той степени, в которой обобщает неоспоримые ценности прошлого, вынуждает человека оставаться в «безмолвной подчинённости» гетерономии, второе

предлагает посредством автономии, отрицающей это гетерономное принуждение, выход из той «безмолвной подчинённости», «смелость использования познания». Дискуссии о современности по этой причине – некое политическое сведение счётов, потому что обе позиции вызывают к гегемонии определённого представления. Но позицию современности делает «модерн» (современным) то, что его «господство» является не силой, желающей утвердиться посредством своих санкций, а борьбой, отстаивающей путём «критической деятельности» независимое бытие человека от обобщающих навязываний. В этом контексте современность преходяща. Однако эта временность, в противоположность предположению 'прошлых', не является следствием неустоявности; она результат сознательного выбора современного человека, находящегося «на границах» с целью самоанализа. Этот выбор «располагается» на границах, чтобы отойти от универсалий прошлого и не замораживать временные результаты поисков навязыванием общепринятых истин (141, с.61-62). По этой причине «эта историческая онтология нас самих вынуждена повернуться спиной ко всем проектам, претендующих на глобальность и радикальность. Ведь на опыте известно, что притязания вырваться из современной системы и дать программу нового общества в целом, нового способа мыслить, новой культуры, нового видения мира не приводят ни к чему, кроме воспроизведения опасных традиций» (276).

В этой политической борьбе размышлять о диалектической динамичности современности во временном измерении значит исказить эту динамичность; если модерн (современность) в процессе может быть заморожен как «тезис», составляющий

антитезу «постмодерна», пытающегося быть охарактеризованным в различных конфигурациях, – ценой перефразирования – современный исламский радикализм или антипросветительские позиции, накаляющие атмосферу, делающую возможной свободу в условиях иллюзорных представлений о ней, вполне могут быть выдвинуты как постмодернистские антитезисы. Но совершенно очевидно, что этот диалектический процесс будет синтезирован «в самых опасных традициях», потому что антитезис (религиозный радикализм или постмодернизм непросветителей) попытается навязать тезису (модерну), воспринимаемому им как застывшее во времени 'общее', свою 'обобщённость'. Тогда как истинная диалектика современности, то, что делает её современной (модерн), – разделяя, с одной стороны, пространство одного интеллектуального микроклимата вне времени, с другой стороны, быть преодолённой изысканиями «над границами», расширение. Пространственная диалектика современности (модерна) состоит в трансформации самой себя не путём внешнего навязывания, а посредством критической деятельности (141, с.61-62).

То, что сегодня служит репрезентантом прогрессивности, может завтра им не быть. Следовательно, смена культурных парадигм включает и смену идеологических парадигм.

ГЛАВА III. ПОСТМОДЕРН В КОНТЕКСТУАЛИЗАЦИИ МОДЕРНА

3.1. Модернити – постмодернити: параллели

Почему наблюдается отход от модернити или, точнее, почему оно потеряло былую популярность? Какова картина мира постсовременности или, во всяком случае, что она подразумевает?

Пытаясь провести параллели между постмодерном и какими-то явлениями, мы всё продолжаем жить в сконструированном модерном институциональном и языковом пространстве. (197). Следовательно, говорить о постмодерне или его проявлениях вне контекста модерна, без апелляции к нему, на наш взгляд, практически невозможно. В силу неопределённости и неоднозначности данного понятия его содержание формируется в отношении к модерну, что в основном обуславливает усмотрение исследователями генетической связи между обеими парадигмами.

Таким образом, модерн и постмодерн – как различные мыслительные контексты, так и соотнесённые интеллектуальные явления.

Эти две культурные парадигмы объединяет то, что постмодернизм бросает вызов современной действительности, которой некогда был брошен вызов модернизмом. Обе парадигмы возникли на фоне кризиса предыдущей. (283).

Однако есть точка зрения, склоняющаяся к отказу от примитивного противопоставления модерна и постмодерна, обусловленного ложным по содержанию пониманием постмодерна как анти-модерна. (205, с.136).

В соответствии с доминирующим пониманием, модернизм определяют как культуру модернити, а постмодернизм – как культуру постмодернити. (85). В этой связи различают (пост)модерн как историческое условие и (пост)модернизм как идейную философию. (131, с.14).

Современность характеризуется как эпоха «культурной гегемонии», «главенства культуры», что акцентирует внимание на различных текстах культуры, а также актуализирует проблему сосуществования культурных фрагментов. Сегодняшнюю социокультурную ситуацию можно охарактеризовать как упразднение «классической» модели культуры и культа высоких образцов.

Эпоха активной плюрализации, фрагментации определяется как ситуация постмодерна. «Постмодерн... понимается как состояние радикальной плюральности, а постмодернизм – как его концепция» (В.Вельш).

Согласно постмодернистам, будущее будет оформляться на основе поликультурности (153, с.265), «...будущее "вынашивает" "культуру постмодерна". Постмодернити выступает как понятие, указывающее на культурный плюрализм, культурное разнообразие, вкратце на «культуру» (231). Культура постмодерна похожа на представляющий собой огромное многообразие супермаркет, где имеются всякие мировоззрения, ценности, нормы, идеи и символы, благодаря чему растёт свобода выбора» (120, с.106). Таким образом, в глобализирующемся мире может развиться различные предложения и реакции на разные экономические, культурные и локальные ситуации (171, с.56). «...Постмодернизм не только отмечает, что современная культура имеют многообразную структуру,

но и предлагает расценивать это многообразие и плюрализм как положительное явление. Постмодернисты указывают на то, что «наличие у каждого в будущем своей истории, образа мышления и стиля лучше угнетения «террором стандартизации» (153, с.265).

Вопрос корреляции постмодернизма и модернизма характеризуется различными подходами. По-разному интерпретируется и распространённая точка зрения относительно возможности проведения между ними параллелей.

Существует несколько толкований постмодернизма, среди которых можно отметить характеристику постмодернизма как перехода к чему-то принципиально иному и оценку его как продолжения модернизма. Усмотрение связи постмодернизма с модернизмом обусловлено в первую очередь приставкой «пост», которая отсылает к состоянию, следующему за данным, то есть сам термин «постмодернизм» буквально означает то, что после «модерна». Данная связь может быть проинтерпретирована как генетическая.

В этой связи возникает вопрос о том, можно ли утверждать то, что обозначается как «постмодерн», всегда существовало, однако значение придаём только сейчас. (121, с.232).

Постмодернизм также определяется как то, что или сверх модернизма и сопровождается проблематизированием основных понятий и перспектив, относящихся к современной мысли (модерну) и культуре, и даже их отрицанием.

Если исходить из предметно-содержательного, а не лингвосемантического значения данных концептов, то следует отметить следующее: в целом можно выделить

две группы понимания постмодернизма. Первая группа толкований сводится к критике модернити. В этом значении можно отметить подход Гидденса, хотя он не называл ее «постмодерн» (40). Вторая же группа рассматривает и определяет постмодернити как производное от модернити, как особое состояние последней. Примером этой призмы является «классический» источник – «Состояние постмодерна» Ж.-Ф. Лиотара.

В целом, под широким углом зрения и на основе данных из разных сфер можно отметить, что наличествуют показатели, аргументы, подтверждающие оба подхода (144, с.8).

Однако дискурсивные анализы выявляют области и точки пересечения, в которых соотношение постмодернити и модернити обусловлено именно контекстом, а не только подходами, о чём речь пойдёт далее.

3.1.1. Постмодерн и кризис

Постмодернизм воспринимается как определенное умонастроение периода кризиса (222, с.270), (235), (240).

Он характеризуется и как «кризис восприятия», который сегодня вызывают обилие культурной информации и скорость её распространения, как «не чей-то злой умысел, но всего лишь честная реакция homo consumens на цинизм современной истории и нехватку времени для культурной ориентации» (198, с.9).

Данный угол зрения обуславливает вопросы относительно наличия кризиса в культуре и того, что он подразумевает. Культурный кризис оценивается как состояние невозможности прежнего творческого процесса наряду с неконструктивностью нового. В этом

измерении напрашивается вопрос о целесообразности оценки современной смены культурной формации как кризиса. (199).

Подход каждой эпохи в свой час к порогу кризиса (Ф.Ницше «Несвоевременные размышления») обуславливает переосмысление наличествующего состояния.

Постмодернизм считается крайним обострением антиномий модернизма; как только желание, инстинкт, поиск удовольствия освобождаются из оков, структурные напряжённости в обществе возрастают, и усиливается разрыв сфер, логика модернизма доходит до крайней точки. (11).

Точка зрения, согласно которой у любой эпохи есть собственный постмодернизм, отменяет его как фиксированное хронологическое явление и утверждает его как некое духовное состояние (У.Эко). (285, с.636). Данная интерпретация коррелирует с интерпретацией постмодернизма как переходного периода, характерного для всех эпох, расположенного в будущем, а также на переходе от настоящего к будущему. (210, с.168). Хотя существует мнение, что он связан с прошлым, а не с будущим (252, с.113), что связывается с его отказом от идеалов и ценностей модернизма, утверждающих прогресс и свободу, так как считается, что один из проектов модернисти, возможная реализация которого усматривается во включении рационализма и принципов иерархии в разные сферы жизни общества и искусства, – это стимулирование прогресса.

3.1.2. Постмодернизм как континуум модернизма

Единая идейная традиция, обуславливающая генетическую связь модернизма и постмодернизма

усматривается у Ж.Батайя, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, М. Фуко, Ж.-Ф.Лиотара и Ж.Деррида. (214, с.10). В частности, Деррида считает постмодернизм окончательным поражением модернизма, противоположным модернизму типом мирозерцания, когда с концом модернизма наступает начало постмодернизма. (191, с.93), (273, с.98).

В то же время в качестве объединяющего постмодернизм и модернизм фактора указывается глубинное, типологическое родство, обусловленное идеей «тотального и революционного разрыва со всем старым миром и его историей» (214, с.10). Данный подход входит в противоречие с тем, что постмодернизм в большинстве случаев – это сознательный диалог с прошлым (163, с.382), что непосредственно перекликается с тем, что постмодернистский плюрализм включает всё прошедшее и настоящее. Прежде всего, данная тенденции усматривается в том, что постмодернизм, не разрывая связи с предшествующей культурой, нацелен на сохранение духовности как гаранта существования культуры. Однако отмечается, что борьба с властью языка у Р.Барта, и шизоанализ Ж.Делеза, и противостояние симулякрам Ж.Бодрийяра и т.д. противоречат данной установке. (283).

Выдвигается идея о том, что в основе постмодернизма лежат две принципиальные идеи модернизма – марксистская идея скачка «из царства необходимости в царство свободы» и «идея «до-», «вне-» и «сверх-современности» фрейдовского либидо, или принципа удовольствия». (214, с.10).

Постмодернизм рассматривается как «этап в истории модернизма, органически связанный с его основными качествами», которые он развивает до логического

предела (190), то есть как продолжение модернизма (У.Эко). (285, с.636). Таким образом, постмодернизм расценивается как этап и/или стадия внутри самого модернизма или как его специфический период, что исключает его понимание как новой исторической стадии. Этот срез проблемы предполагает усмотрение в постмодернизме анализа модернизма/модернити/модерности и полемику о нём, которая продолжается, включая в себя возражения и критику в отношении себя.

Лиотар понимает модернити как культурную ситуацию, характеризующую как «постоянное изменение вслед за прогрессом» и считает, что постмодернити представляет достижение этим процессом крайней точки – момента, когда постоянное изменение принимает форму статуса-кво и идея прогресса устаревает. Согласно Лиотару, постмодернизм и модернизм в бесконечной последовательности во времени сменяют друг друга, образуя циклическую историю культуры. Из чего следует, что постмодернизмы были и в прошлом. (164, с.15). К примеру, отмечается, что постмодерн у Аристотеля встречается до появления всякого модерна, и у Дидро, отрицающего все предыдущие «великие повествования». Свойственность постмодернизма как определённого духовного состояния общества культуре любой эпохи (даже у Гомера) отмечается и в «Постскриптуме» романа «Имя розы». (285, с.636). Данный подход коррелирует с точкой зрения (к примеру, Майка Физерстоуна), согласно которой неразрывность модерна с постмодерном связывается с тем, что характерные особенности, перечисляемые под термином «постмодернизм», могут быть обнаружены в модерне, даже в премодерне. (121, с. 231-232).

В этом измерении постмодернизм считается константой культуры, исходя из того, что «всё происходит всегда». (199).

«Что же такое в этом случае постмодерн? ...Несомненно, он часть модерна... Какое-то произведение может превратиться в модерн, только если вначале было постмодерн. Понимающийся таким образом постмодернизм – модернизм, который не завершается, а находится в процессе развития, и это состояние постоянно. (166, с.188). В этом измерении, согласно Лиотару, «пост...» постмодернизма указывает на то, что он помещается не после модернити, а до него. (128, с.30). Это представление в определённой степени перекликается с точкой зрения Хабермаса относительно того, что модернизм как проект вечного обновления существует и в современной культурной парадигме и что он не завершён. (277, с.42). Под этим углом зрения концепции современного постмодернизма расцениваются как развитие и трансформация культуры модернизма. Исходя из отмеченного, постмодернизм трактуют как переходный тип культуры, который возник на модернистской основе и использует её язык и понятия, что исключает его рассмотрение как полной ревизии наследия предыдущих эпох (283).

Постмодернити – состояние, выражающееся в тенденциях в каждой сфере, которая формирует человеческое сознание (в лиотаровской интерпретации). Общество модерна – общество, где в силу своей систематичности «политическое», «социальное» и «культурное» разграничены. Однако современный человек определяется и каждым из них в отдельности, и результатом, порождённым их взаимодействием. Этой стороной постмодернистское состояние волей неволей

создало возможность для новых образований на политическом, культурном и социальном уровнях или как понятие используется для определения возникших в этих сферах тенденций. Следовательно, постмодернити можно рассматривать как своеобразную реальность, создающую современное общество и сознание в каждом сегменте (144, с. 8).

В тоже время в этом измерении, характеризующем корреляцию модернизма и постмодернизма, проводится разграничение, то есть отмечается, что «постмодерн хотя и появляется «после Нового времени», но по сути дела никак не «после модерна». (205, с.132). Есть такая точка зрения, что определение постмодерна через модерн означает игнорирование утверждающего, репрессивного и повелевающего характера модернизма. Потому что в этой точке вопрос перестаёт быть проблемой современности, стремительно становится компромиссной проблемой и «модернизмом». (144, с.147).

В характеристиках, отличающих постмодернизм от философии модернизма в основном акцент делается на два момента: первый момент связан с отрицанием метафизики как «возможной формы единообразия», критическим выпадом в отношении зависимости всего эмпирического бытия от Абсолюта, который реализует свою волю через социальные и политические структуры. Предпочтение постмодернизмом демократической массовой культуры исходит из отрицания постмодернизмом цельности бытия как в сфере материальной жизни человека, так и в духовной, основанное на обусловленности «высшей» духовности принципиальным неравенством людей по степени духовного развития и определенными отношениями

власти и подчинения. (218, с.167). Под данным углом зрения он рассматривается как принципиальная реакция модернизму, модернисти и тому, что считается их общественной, политической неудачей. (163, с.XII).

Между модернизмом и постмодернизмом разграничение проводится и в силу следующих особенностей: если целью модернизма были определённость и незыблемые основания, то постмодернизма – повседневность, радикальный плюрализм, неопределённость. Истоки данного видения усматриваются в поиске модернизмом истинного идеала и модели сверхмира, отвергая реалии существующего мира, в то время как постмодернизм стремится к замене модели реальности на саму реальность. (210, с.168, 171, 176).

Если с точки зрения модернизма постмодернизм – показатель и признак культурной вольности, то с точки зрения постмодернизма модернизм же вместе с постепенно популяризирующейся и связанной с ним современностью (модерном) – стабильность, делающая акцент на представления порядка, объединения и последовательности.

Здесь примечательна мысль, озвученная Мартином Хайдеггером в статье, что граница является не только границей или концом определённой вещи, но и в то же время местом, где начинает существовать новое. (49).

3.1.3. Постмодерн как критический дискурс модерна

Наряду с дискуссиями о том, является ли постмодернити историческим продолжением модернисти или разрывом с ней, утверждается бесспорность того, что она серьёзная критика модернисти (114, с.231-239).

Постмодернизм характеризуется как восстание против тупиков модерна. (106, с.75), «реактивный ответ на великую историю проектности». (263).

Наряду с теми, кто отстаивает идею о том, что постмодернизм – разрыв с модернизмом, есть и те, кто считает его критикой внутри самого модернизма. (139, с.108).

Постоянное развитие и свобода человечества усматривались в прогрессе в сфере техники и искусства, а субъект как самосознание в этом прогрессе и освобождении должен был выступить хозяином исторического знания и законов истории. Критика модернизма наблюдалась и на этапах формирования и развития непосредственно модернизма, то есть задолго до постмодернизма, в определённой степени взламывая модернизм изнутри и разрушая его границы. Акцентуация неуспешности модернизма в достижении своих целей прослеживалась от романтизма как первой критики модернизма до марксизма как теоретической критики, впоследствии постмодернистской философии.

Как известно, такие учения, как марксизм, основываются на идее о субъекте истории. Субъект истории и переплетённое с ним понятие конечности, в сущности, несёт универсалистское понятие/акцепт, что обусловлено развитием истории, трансформацией, прогрессируя. В то время как отмеченное входит в противоречие с постмодернизмом, который отвергает модели радикальной теории и практики (марксистской). (22).

После распространения точки зрения о недостижении целей модернизации Просвещение в первую очередь стали критиковать и проблематизировать Маркс, Ницше и Фрейд.

Маркс критиковал модернисты, в силу этого его называют первым крупным постмодернистским интеллектуалом, так как Маркс анти-гуманист и характеризует прогресс не как реализацию идеи человека, а как освобождение природы. (118, с.89-90). Объясняется данная точка зрения тем, что Маркс отвергает гуманизм Просвещения и идею субъекта, выдвигаемую буржуазной мыслью. Эта критика Маркса в отношении модерна, по Турену, – камень, брошенный в озеро, и волнения, порождённые этим камнем, брошенным в озеро модернисты, более не утихали. (174, с.123-125).

Среди критиков модернизма можно отметить Ницше, которого в силу этого причисляют к постмодернистам. Он, утверждая, что «прогресс – это только современная идея, однако ошибочная»¹, выступал против основных принципов модернизации. Ницше проблематизировал такие основные просветительские понятия, как прогресс, свобода и истина, и зачастую отрицал. Мировоззрение и представление (современная мысль), которые были общепринятыми до тех пор в интеллектуальных кругах, стали терять свою силу. Пришёл конец тоске и иллюзиям по более хорошему и прекрасному миру, стала подвергаться критическому анализу и отрицаться приемлемость идей и их теоретических оснований, служивших источниками этой тоски и иллюзий.

На конец современной мысли (модерна) указывал также Зигмунд Фрейд. Теория психоанализа и в особенности открытие бессознательного проблематизировали в другом направлении понятия, лежащие в основе принципов Просвещения. Субъект,

¹ 'Der Fortschritt ist bloss eine moderne Idee, das heisst eine falsche Idee'

субъективность, реальность, личность, знание, познание и т.п. понятия, дискуссии относительно характеристики разума с Фрейдом и после него приобрели новое направление и положили начало многим переменам. В трактате «Недовольство культурой» (*Das Unbehagen in Kultur*) Зигмунд Фрейд давал разъяснения относительно наличествующей общественной системы и структуры модели цивилизации, структуры культуры, на которые она основывается.

Следовательно, «постмодерн» настроен «критически» в отношении западной рациональности, логоцентризма, гуманизма, наследия Просвещения, централизованного субъекта и др. «Во имя чего критика?» – наиболее часто повторяющееся выражение среди оппозиционеров постмодернизма. Согласно Ричарду Бернштейну, «сама «грамматика» критики требует некоего стандарта, мерила, основы для критики, в противном случае, как утверждает Хабермас, критический мотив несёт в себе угрозу исчерпания себя» (см. 14).

Постмодернизм критически настроен в отношении двух основных компонентов модернизма: первый – придание позитивизму как учредительной идеологии модернизма догматического характера и его гегемонии над социальными, культурными и политическими процессами, второй – создание посредством социальной инженерии утопии будущего, доминирование телеологической и воображаемой идеологии будущего и организация социального и политического процесса согласно этой задаче. В действительности, постмодернизм не только критиковал идею об утопии, но и связывал все сегодняшние универсальные и общественные проблемы с утопическими идеями

модернизма. Потому что модернизм никогда не интересовался «несуществующими» вопросами, а только «существующими». (144, с.14, 45).

В отличие от модернизма и основных тенденций теорий, которые он охватывает, постмодернизм не ставит задачей социальную инженерию, производство решений и моделей, определяющих будущее общества. Постмодернизм характеризуется как комплекс в высшей степени критичных, по этой причине могущих быть охарактеризованными как «несистематичные» подходов, направленных на урегулирование существующих положения и состояния, включающих его (то есть состояния) полемизирование. (144, с.21).

Постмодернизм как философский дискурс, предлагающий в то же время радикальную критику общества модерна (современного общества), согласно Фуко и Деррида, и постмодернити с критикой позиции модернити, основанной на гипотезе об объективности, универсальности, независимости от социальных актов, предусмотренной модернити рациональной, основанной на субъекте науки, выдвигают идею, что в самой модернити лежит понятие современной личности (индивида). Сведение понятий различных индивидов к понятию «современная личность» в той степени, в которой модернити пренебрегает отличиями и своеобразиями, – нормализующее и дисциплинирующее, а не освобождающее явление. Эти критики и составляют основу постмодернизма. (118, с.92-93).

Модернизм, превратив человека в мерило всего, в результате абсолютизировал человеческий разум и мир. (137, с.67). Ошибочность данной установки связывается с возникновением постмодернизма. Разум стал

оправданием; оправдал политические, экономические, военные, технологические, культурные и интеллектуальные силы, основанные на разуме. (145, с.161-162).

Абсолютизация человека, следовательно, человеческого разума, а, таким образом, мира обусловила превращение средств в цель; по этой причине средства поменялись местами с целями; контролирование таких производящих силу средств, как наука, технология, военная технология, стало единственной целью. Однако в результате стало неизбежным контролирование со стороны средств человека, освящающего средства. По этой причине определение современности (модерна) Максом Вебером посредством метафоры «железная клетка» и его утверждение, что современность привела к двум крупным кризисам, достаточно многозначительны. По Веберу, современность вызвала как кризис смысла, так и потерю свободы. (145, с.162-163).

В то же время, высказывания как Ницше, так и Зиммеля (Simmel) относительно субъекта как ценности и его активности перекликаются с постмодернистскими идеями. (108, с.118-119). В частности, это наблюдается в идее об сверхчеловеке. Сверхчеловек (в ницшеанской интерпретации) – это человек, выступающий против морали и моральных ценностей. Ницше критиковал философские понятия субъекта, репрезентации, причинности, истины, ценности и системы и вместо западной философии, где доминировали эти понятия, предложил перспективистское направление, состоящее не из явлений, а только из конфигураций индивидов или групп. (111, с.39). Следовательно, вселенная (космос) имеет не одно, а много значений, и знание не может представлять одну истину. Вместо этого утверждается,

что истинное знание относительно и существуют толкования. (108, с.116-117).

В то же время постмодернизм отходит от универсализма, предлагаемого на разных уровнях модернизмом, вместо этого отдаёт предпочтение локальному (144, с.14), (см. 72).

Постмодернизм сформировался вокруг понятия «матезис»¹ (“mathesis”) (см. 33) и не принимает считающееся самым важным положением универсального разума состояние детерминистической предопределённости. С этим связано отвержение последовательности и линейности в пользу относительности. Постмодернизм критикует дарвинскую эволюцию и идею прогресса в силу того, что идея прогресса, которую содержит в себе позитивизм, в сущности дарвинистская. Она проистекает из предопределённости понятия «последовательность». В то время как постмодернизм, выступая против категоризации, отвергает эту логику. (144, с.15).

Этот комплекс (постмодернизм), критикуя выводы модернизма, в то же время включает сознание и основные тенденции, которые модернизм хочет развить. Структура модернизма от эпистемиологического подъёма, начавшегося в особенности в 18 столетии, идеализма до режимов, которые можно охарактеризовать как тоталитарные, – первый шаг, определяющий то, что анализирует постмодернизм (144, с.21).

В этом значении постмодернити трактуют не как разрыв с модернизи или его отрицание, а как его соединение, даже своего рода его реконструкцию

¹ Используется в значении «эпистеме».

(восстановление), реставрацию, то есть не как полное отвержение модернисти, а, наоборот, как обновление тех ее аспектов, которые в историческом процессе обнаружили свою безуспешность и недостаточность. В то же время постмодернисту характеризуется как своего рода шаг назад, отступление, оттачивание крайностей. (115, с.124-126).

Данный подход корреспондирует с характеристикой постмодернизма как «переписывания современности». Недостаточность постмодернизма в этом случае усматривается в том, что он не отражает позиции «сейчас», в отсутствии корреляции с «теперь», с неким «позже». В этом измерении постмодернизм трактуется не как новая эпоха, а как всего лишь переписывание некоторых черт в соответствии с вызовами современности, а приставка «пост» указывает на переосмысление постмодернизмом классической стадии эволюции новоевропейской культуры. (232, с.103).

Следовательно, формирование основных концептуальных положений постмодернизма объясняется безуспешностью модерниста.

С этой точки зрения, примечательно утверждение, что постмодернисту в контексте «рефлексивности модерниста» может быть охарактеризована как «модернисту, которая рассматривает себя в большей степени не изнутри, а на определенном расстоянии, проводит инвентаризацию достижений и проблем, подвергает себя психоанализу». (163, с.VII).

Однако модернисту – не «сейчас (теперь)» того, что абсолютно модернисту. Модернисту – долгий период исторической трансформации, стимулируемый научным и технологическим развитием и распространением капиталистической рыночной экономики – в большом

масштабе на мировом уровне и ощутимо духовно. В период модернисту культурные, философские и политические дискуссии указывали на интеллектуальное пространство между, с одной стороны, ослабевающим авторитетом церкви и, с другой стороны, экономическими и техническими трудностями, оказывающими давление на темп изменений. На протяжении долгой истории модернисту характеризуется напряженностью в отношениях между критическими и скептическими импульсами во всех проявлениях – деструктивными или негативными и более положительными, утверждающими другими импульсами – импульсами надежды и тоски. Динамика модернисту порождена сплетением этих конструктивных и деструктивных тенденций (166, с.183, 186).

Хабермас проблему, с которой сталкиваются в позднем модерне, определяя как «дробление жизненных миров» с развитием всевозрастающего абстрагирования в области знания (науки), практической жизни (политики) и художественных практик и специализации во время модернисту, предлагает реконструировать проект Просвещения, направляющий прогресс на идеальное благо человеческого рода. В силу этого, представителям этих высших практик необходимо доказать правомерность своих абстрагирований, касающихся жизненного мира. Лиотар предлагает не оказывать давление, больше акцентировать непримиримость и даже экспериментально ее усиливать. Вариативный опыт породит новые правила «снизу вверх», чем будет принимать нормы и правила, навязываемые «сверху вниз» условиями или проектом (128, с. 22-23).

Брайан Тёрнер также определяет постмодернизм как культурную критику модернисту и как

интеллектуальное течение в общественной мысли. (175, с.156).

Следовательно, своим сверхмодернистским характером постмодернити – не только критика модернисти, а процесс как сумма компонентов, обеспечивающих его трансформацию (144, с.25).

Характеризуя постмодернизм как критику модернистской проблематики и Просвещения, необходимо иметь в виду, что постмодернизм характеризуется плюрализмом, фундирован её идеей и в отличие от всякого антимодернизма включает в себя именно модернизм.

3.1.4. Постмодерн как антипод модерна

Модернизм в той степени, в которой является программой модернисти, является также его антидотом. (166, с.184).

Хотя впервые слово «постмодернизм» было отмечено в 1870-х годах, однако во второй половине XX века оно приобрело значение контрреакции модернизму и модернисти. Теоретически возникновение постмодернизма связано с показателями новых культурных форм в таких сферах, как архитектура, литература, изящные искусства для характеристики ряда культурных идей. Эти дискуссии со временем распространились на многие области и дисциплины и в результате превратились в полный анализ модернисти и его преодоление.

Постмодернизм – это комплексное культурное движение, скептически относящееся ко многим принципам и гипотезам, на которых построено западное мышление и общественная жизнь на протяжении последних нескольких столетий. Модернизм как

культурный этос бескомпромиссно поступателен (обращён в будущее) и выдвигает гипотезу о том, что настоящая цивилизация, по меньшей мере, в завуалированной форме, с точки зрения знаний и технической сложности, должна считаться лучше прежней. Постмодернизм, вызывая сомнение в приверженности модернизма прогрессу и его идеологии и стимулируя диалог между прошлым и настоящим в мышлении и искусствах, перевернул такого рода идеи (163, с.362).

Следовательно, в ряде случаев постмодерн определяется как отрицание модерна или его преодоление, как и было отмечено выше.

Постмодернизм рассматривается также как сохраняющая свою актуальность на определённом этапе развития культуры в целом «традиция контпросвещения» (Ю.Хабермас) (265, с. 202).

Постмодернити – оппозиция, протест против того, что присуще модернисти как продукту, в особенности Просвещения: гуманизма, отрицающего всё то, источником чего не является человек; рационализма, отрицающего всё то, что вне разума; универсальности, отвергающей каждую ценность, не могущую выйти за локальные рамки. (160, с.13-14). Однако зачастую разрыв, характеризующий связь модернизма с постмодернизмом, определяется и как преемственность, но отрицательная. (210, с.168).

В этом измерении отмечается взаимопроникновение модерна и постмодерна. Однако отрицается «состояние постмодерна» как таковое и конфронтационное сосуществование модерна и постмодерна объясняется продолжением модерна и отказом последнего от

радикальных притязаний, а наличие всё ещё модерна – как постоянная реакция на угрозу последних. (263).

Данная точка зрения связывает культурный кризис с кризисом мультипарадигмальности.

Постмодернизм может рассматриваться как продолжение критического, скептического, оппозиционного, даже нигилистского импульса модернити. Многими критиками оценивается именно таким образом и именно в этом усматривается проблема. Оппозиция в «состоянии постмодерна» принимает общий характер: это может делать необходимым «принципиально оппозицию» или даже «оппозицию всему возможному. (166, с.187).

Постмодернизм, постоянно выступающий с оппозиционных позиций, как заявляет своё отличие от предыдущей традиции оппозиции – модернизма, так и делает ударение на позиции, которые разделяет со своими предшественниками. Этого постмодернизм добивается двумя способами: как конец модернизма и его низвержение и как модернизм под новым управлением. (166, с.186).

Однако постмодернити, ставя многоточие (то есть указывая на недосказанность) после универсальности, развития (прогресса), рациональности в противовес модернити, которая . приобретает репрессивный характер, признавая все локальности, принимая универсальную действительность и т.п., сама превращается в другую недосказанность. Дискуссии ведутся относительно того, насколько эта ситуация отражает реальность. Этот подход можно резюмировать следующим образом: если модернити – «чрезмерность», то постмодернити – «крайность» (118, с.107).

В контексте преемственности можно отметить, что в то же время «сейчас на повестке дня пост-постмодернизм», а «постмодернизм умер». (76, с.364). Существует мнение, что в настоящее время мы живём в пост-постмодернистском мире, где ощущается наличие различных культурных идей (аналогично реконструированию метанарративов). (164, с.15). Отличное от постмодернистской классики называют пост-постмодернизмом – современная (поздняя) философия постмодернизма.

«В конце концов, модернизм, по большому счету, есть не что иное, как предпочтение одного *Zeitgeist*¹ другому, каждый из которых заявляет права на исключительное положение, каждый отклоняет маятник слишком далеко в свою сторону, каждый прибегает к военной тактике шока, боевого клича и исключения». (284). Следовательно, постмодерн характеризуют как интеллектуальное состояние (умонастроение) среди других, но в существенной степени очевидное.

3.2. Дискурсивный анализ

Связь постмодернизма и модернизма и их философских оснований может быть рассмотрена в ряде дискурсов, каждый из которых раскрывает различные аспекты проблемы. Идея дискурсивного анализа репрезентативна в силу выявления контекстуальных точек соприкосновения модернизма и постмодернизма, а также определения спектра флуктуаций этих терминов. Данный подход обнаруживает связь, в определённой степени и опосредованную, отмеченных концептов друг

¹ В значении «дух времени», «эпоха».

другом и вариативность понятийных полей, в которых эти концепты и их дериваты могут быть «прочтены».

В частности, постмодернизм рассматривается как культурная логика позднего капитализма, как объяснение культурной структуры постиндустриального общества, как своеобразный стиль искусства, как «философия идентичности», как критика модернистской проблематики и Просвещения. Всё эти дискурсы основаны на различных подходах к нему.

Параллели между постмодернити и модернити можно провести в плоскости *искусства*. Эта та сфера, где связь постмодернити с модернити проявляется наилучшим образом. Это в большей степени связано с эволюцией, которую претерпела модернити, нежели с самой постмодернити. Целью такого сопоставления, даже ассимиляции является осмысление постмодернити внутри аналогии и как области внутри модернити. Однако эта корреляция действительна в большей степени для сравнительно ограниченного постмодернизма, нежели для «постмодерна», который может считаться общей ситуацией. Опять же эта ситуация вызвана не тенденциями «модернити», корни которой уходят в 16-ое столетие, а «модернизма», который вышел на первый план в особенности в первые двадцать лет 20-го столетия и проявил себя в творческом производстве (144, с.7).

Следует отметить, что общество современно (модерн) в той степени, в которой может выразить себя посредством искусства и осмыслить посредством социальных наук. Модернизированность (модерн) – это не только использование техники, технологии, но и в то же время роман, кино, социология. Считается, что западная культурная модель обеспечена

дистанцированием общества от себя посредством критики, перенося личность и общество посредством искусства и социальных наук по ту сторону верований и идеологий, трансформируя через произведения. (126, с.45-46).

Постмодернити в первую очередь может быть понята посредством «чтений»¹ тенденций, выражающихся в плоскости искусства. Это в то же время не умаляет значение и сферу постмодернити. Прежде всего, это интеллектуальное состояние, порождённое каким-либо общественным явлением, так как искусство, в конечном счёте, – форма времени. С другой стороны, искусство, самостоятельно являясь областью творения (созидания), в то же время сохраняет все элементы, отражающие определённый период и систему мышления. Поэтому «ответы» (реакция) искусства, если будут внимательно прочтены и правильно проанализированы, могут считаться более важными, нежели политические показатели. (144, с.8).

Это свойственно и модернити. Модернити, распространяясь от физики до политики и сооружая себя во времени, в XX столетии нашло выражение в первую очередь в сфере искусства. По этой причине разница между теоретическим модернити и его отражением в искусстве может быть понята через выражение последнего под названием «модернизм» в истории западной цивилизации. Поэтому и модернизм, являющийся творческим восприятием, как сейчас и предлагается в контексте постмодернити, – процесс и определяющий модернити как явление, и полностью её критикующий. В этом значении модернити по

¹ Кавычки наши.

отношению к модернизму – и внутреннее, и внешнее явление. Примечательно, что фактическая связь модернисти – модернизм проявляет себя в отличной форме: модернизм является сферой производства модернисти, в то же время модернисти его сооружает (создаёт), то есть речь идёт о двустороннем, взаимном влиянии (144, с.9).

При перенесении этой фактической ситуации на постмодернисти, мы сталкиваемся с аналогичными результатами. Если оставить в стороне другие области, самые значительные и впечатляющие примеры могут быть приведены из мира искусства. Это свидетельствует о том, чем обусловлена трансформация внутри модернисти, какими восприятиями, другими словами, как формируется время, что обуславливает поиск причин этого формирования. С этой точки зрения, то есть в бытийном аспекте (в онтическом отношении) искусство априори сознанию. К тому же, когда речь идёт о сугубо постмодернисти, это неизбежно, так как постмодернисти вызывает не надлом, радикальный разрыв, а трансформацию, изгиб, если посмотреть на ее внутренние особенности. Следовательно, имманентна модернисти. Однако, с другой стороны, она занимает критическую позицию по отношению к ее наследию посредством дискурса вне ее и воли развития позиции и, приобретая преобразующую особенность. Это историческое измерение постмодернисти, в котором она пребывает для преодоления модернисти. Эти явления обнаруживаются во время проявления постмодернисти как творческой реальности и в формах выражения. В этом контексте интеллектуальный фон постмодернистского искусства входит в асимметричную и анахроничную связь с модернисти. Его

проблематичность в отношениях с модернисти связана с этим (144, с.9).

С другой стороны, речь идёт и о более специфичной причине, делающей необходимым «чтение» постмодернисти как проявления искусства. Появление постмодернисти как стиля архитектуры, более того, как понятия, в сущности, это возникновение его в очень «экспрессионистской» форме и в той степени, что его невозможно было игнорировать. И до этого понятия, являющегося предметом дискуссий в истории архитектуры и мастеров, его создающих, давших первые его образцы, в разных сферах производства искусства можно обнаружить много названий и произведений, отличных от «ставших классическими» дебютов модернизма. Это произведения, характеризующиеся как новая модернисти, когда впервые появились, или как новый этап внутри модернисти. Последующие апостериорные чтения же фиксировали их как ранние постмодернистские тенденции (См. 97).

Это противоречие и очень интересное, и очень многозначное. Прежде всего оно показывает, где начался разрыв. Характеристика произведений 1970-х годов как модернистских, несмотря на все различия, наряду с определением произведений 1980-х годов как постмодернистских, хотя они и включали некоторые классические элементы, особенности модернисти, указывают на внутренние проблемы восприятия какой-либо реальности в культурном и интеллектуальном контекстах. Вместе с тем, это свидетельствует о более динамичном подъёме в 1980-х годах. Эти произведения были созданы уже не из желания компромисса, а из протеста, включающего и компромисс. Они демонстрируют новое восприятие, в особенности в

вопросах времени, пространства, идентичности. Попытка осмысления того, что за импульс способствует их оформлению в такой форме, – точка отсчёта определения постмодернити как интеллектуального состояния, так как критичность, свойственная постмодернити и синхронная ей, связанная с модернити генеалогия проявляют себя в этот момент. Это точка, когда она как интеллектуальное состояние аналогична и симметрична модернити (144, с.10).

Еще одна призма, в которой может быть проведена параллель между постмодернизмом и модернизмом – это *диалог*, где диалогичность постмодернизма противопоставляется монологичности модернизма.

Коллективизм и, в особенности, индивидуализм сменяется радикальным плюрализмом, свойственным постмодернизму как новой социальной парадигме. (210, с.171).

Следовательно, постмодерное общество плюралистично. Эта установка проявляется в крушении Целого, проявляющегося в поощрении многообразия, множественности». (205, с.133). Постмодерн – это как диалог традиции и новации, так и «культурная полифония».

В этом измерении диалогизм выступает в качестве принципа постмодерна.

Следующая призма, в которой можно провести параллели между модернизмом и постмодернизмом, – это *разум и/или рациональность*. Если модернизм связывается с разумом, с рациональностью, то постмодернизм с иррациональным.

Разум и наука составляют один из ключей к дискуссии модерн-постмодерн. Метафизический характер модерна показывает органическую связь

разума, науки и капитализма. «Состояние постмодерна» в одном из своих измерений – нарушение органической связи. (156, с.66-67).

«Модернизмом» именуется социальный проект, основывающийся на принципы Просвещения – системы мышления, выводящей на первый план знание в противовес вере, науку в противовес теологии. Для модернизма характерна вера в прогресс и усмотрение в разуме и науке средства прогресса.

В действительности разум модернизма – это математика, потому что любая отправная точка и проект модернизма основываются на причинно-следственную связь. (144, с.149).

В противовес иерархии, созданной модернити, опосредованной рационализации и целостных социальных урегулирований, постмодернити выдвигает равенство, ценностную рационализацию и индивидуалистические урегулирования (86, с.117-18).

В силу конфликта между Просвещением и иррациональным, модернизм против иррационального, в то время как в период постмодерна темой разговора становится некое возвращение к иррациональному. Это проявляет себя в том, что религиозная мысль выходит на передний план и становится действенной как политическая практика. (144, с.183).

Демократия считается последней политической стадией, которую пережил систематический западный разум. Здесь речь идёт о полной и неразрывной связи между демократией как проектом модернити в этом значении и разумом. Демократия характеризуется и как контрольный механизм рациональной реализации, могущей выйти за иррациональное, и как способ

систематизирования разума. В то же время демократия – процесс, строящийся с помощью разума. (144, с.184).

То, что разум является инструментом и его превращение в инструмент, – не одно и то же. Его инструментальная сторона акцентируется тогда, когда разум характеризуется как сама плоскость абстрагирования, необходимая для достижения какого-нибудь результата. Это имманентный всем и пишущийся с маленькой буквы разум. В то время как после модернизма разум – это уже сама система, конституирующая всё с целью направления, контролирования человека и соответствия его определённой дисциплине. Разум используется только для того, чтобы построить систему, её воспринять и оставаться внутри неё и в той форме, в которой система его характеризует и оформляет. В данном случае он берётся безотносительно к человеку. Имеет абстрактную центральную власть. Этот процесс – отчуждение личности от себя внутри себя. Индивид, который не может ощущать свою свободу, не отчуждаться с помощью разума, используя его силу абстрагирования, вынужден постоянно быть гомогенным и единообразным посредством включения Разума, находящегося на другой стороне и контролирующегося с центра. Таким образом, отныне Разум – унифицирующее явление. В этом случае отпадает возможность говорить о специфичности субъекта. Выдвигается мысль о том, что сегодня субъект поменялся местами с конституирующим разумом-объектом. (144, с.186, 193).

В социокультурном измерении процесс характеризуется как борьба постмодернизма с современностью, созданной Новым временем.

Социокультурное содержание Нового времени, то есть современности, характеризуется триединством – Разумом, Прогрессом и Эмансипацией (свободой, даруемой научным знанием), в котором главным является Разум, от которого зависят другие (210, с.168).

В то же время отмечается, что постмодернистская критика разума не связана с абсолютным разумом. Постмодерн оспаривает идею прогресса, опирающуюся на материалистический и позитивистский проект и его инициативу, постепенно сковывающую индивидуальность. (144, с.193), то есть критика постмодернизма направлена на просветительский проект, а не сами по себе разум, прогресс и эмансипацию. Объектом критики становятся чрезмерная инструментальность и недостаточная коммуникативность, универсальность разума, исключая локальность и индивидуальность, техногенность прогресса с негативными последствиями для культуры. (210, с.176).

Постмодернистский дискурс отстаивает право на определение своих судеб зонами, регионами, которые должны принять решение. Однако есть точка зрения, согласно которой там, где предпринимается попытка преодолеть Разум Просвещения, хаотический подход нуждается в изучении и развитии (148, с.194-195), так как отмечается, что постмодернисты приняли хаос как факт и прониклись к нему «чувством интимности». (223, с. 211).

Напряжённость между модерни и постмодерни в конечном счёте сводится к спору между разумом и нигилизмом. (86, с.117).

Кроме того, эту призму стали характеризовать некоторые метафорические понятия, одним из которых является «Новое Средневековье». Критики постмодерна

относительно «охватывающей»¹ и контролирующей рациональности, вызывая предположение о преодолении конституирующей логики модерни, привели к мысли о том, что в новое время это приведет к возвращению в Средневековье, где господствовали суеверия, религиозные предрассудки, софизмы. По существу, самой важной скрытой определяющей этого контекста является религиозная мысль. Категоричным считался антагонизм разума и религии. Наряду с этим была выработана ещё одна дополнительная логика. Выдвигается мысль о том, что религиозная мысль сама по себе не ошибочна, однако, политизируясь, деградирует и в основных чертах отстает от методологии. В этих условиях современный разум (разум модерна) характеризуется как единственный стабилизирующий элемент религии как политической практики. Конституирующий процесс модерна – превращение разума в средство. Однако противоречие заключается в том, что разум, который предполагается будет средством, превращается в цель и таким образом становится трансцендентальной (квази) реальностью. (144, с.184).

Погрешности модерни демонстрируют конец процесса модерни, построенного если не разуме, то, во всяком случае, на господстве рациональности. Эта критика в определённой степени направлена на технологизм. (144, с.185).

Постструктурализм считается завершением подрыва позиций универсальной рациональности. (238).

¹ Кавычки наши.

3.2.1. Постмодернизм – постструктурализм

Другая призма: постмодернизм включает *постструктурализм*, а модернизм отождествляется со структурализмом.

Самостоятелен ли феномен постмодернизма? Тот же вопрос может быть задан и в отношении постструктурализма. Имеют ли место концептуальные связи между ними? Может ли каждый концепт быть изолирован от другого и обособленно стать предметом анализа?

Существует мнение, что постмодернистская мысль не может быть рассмотрена в отрыве от постструктуралистской и что она следующий пункт после последней. (144).

Постмодернизм отождествляется с постструктурализмом (М.Саруп, С.Сулейман, В.Вельш и др.), точнее, считается, что постмодернизм наиболее адекватно описывается теориями постструктурализма. (223, с.232). Наличествует мнение, что в целом философия постмодернизма основана на едином постструктуралистско-постмодернистском комплексе представлений и установок. Этот процесс может быть охарактеризован также как процесс перехода от постструктурализма к постмодернизму. Оба течения объединяют также более или менее единый понятийный аппарат и аналитический инструментарий.

Постструктурализм, а именно французский постструктурализм, выраженный в работах таких ведущих его представителей, как Ж.Деррида, М.Фуко, Ж.Делёз, Ж.Лакан и др., отмечается в качестве мировоззренческой и теоретико-методологической основы постмодернизма. (269).

Попытаемся проследить параллели между упомянутыми явлениями.

Параллель между постмодернизмом и постструктурализмом может быть усмотрена, в первую очередь, потому, что постструктурализм как и постмодернизм расценивается как пришедшая на смену предыдущей системе – структурализму, как его самокритика, продолжение и развитие.

Постструктурализм характеризуется как наследник структурализма, претерпевшего процесс трансформации, модификацию исходных постулатов. (222, с.270), (245), (252).

Явление системы не может быть рассмотрено безотносительно к модернизму.

Постструктурализм так же, как и постмодернизм, критически относится к позитивным знаниям и к попыткам рационального обоснования тех или феноменов. Сведение универсализма к догматизму в силу объяснительных схем и обобщающих теорий и предлагаемых ими логических обоснований: закономерностей, критика «поступательности» в области научных знаний, социально-исторического развития, рациональности, интерес ко всему нестабильному, противоречивому, фрагментарному и случайному (223, с.225) – те вопросы, по которым могут быть проведены параллели между постструктурализмом и постмодернизмом.

Следующее определение: «постструктурализм проявляется как утверждение принципа «методологического сомнения» по отношению ко всем «позитивным истинам», установкам и убеждениям, существовавшим и существующим в западном обществе и применяющимся для его легитимации, то есть само-

оправдания и узаконивания. В самом общем плане теория постструктурализма – это выражение философского релятивизма и скептицизма, эпистемологического сомнения, являющегося по своей сути теоретической реакцией на позитивистские представления о природе человеческого знания» (223, с.225), может быть в равной степени использовано и в отношении постмодернизма.

Как и постмодернисты, постструктуралисты выступают как критики «метафизического дискурса».

Перечисленное – в целом основные направления и параллели, которые могут быть проведены между указанными концептами. Попытаемся более подробно проанализировать семантические составляющие, их образующие, исходные постулаты.

Постструктурализм как критика структурализма

Появление постструктурализма как комплекса идей и представлений мировоззренческого порядка и деконструктивистской критики (13) было связано с кризисом структурализма, в том числе и феноменологии. (223, с.233).

В развитии теории постструктурализма как критики структурализма выделяют четыре основных направления: проблемы структурности, знаковость, коммуникативность и целостность субъекта. (223, с.227).

Философы и теоретики культуры выступили против таких теорий, как структурализм, сводящих мир с его внутренними динамиками или глубокой конституцией к ряду взаимосвязанных систем. В середине XX столетия (особенно во Франции) при интеллектуальном анализе господство структурализма вызвало такую реакцию, как постмодернизм, начинающий бросать вызов гипотезам, на которые основывается структурный анализ. В то

время как структуралисты отмечали тождественность и взаимосвязь, постструктуралисты отмечали отличие и открытоконечность. Структурализм был всеобъемлющей теорией; постмодернисты старались показать обречённость этих теорий на неудачу. (163, с.XII).

Французский структурализм занимает особое место в развитии философии постмодерна. Определяющая роль в становлении философии постмодерна принадлежит теоретическим дискуссиям и постструктуралистской теории, вызванным структурализмом, который стал особенно влиятельным во Франции после основателя Соссюра и Витгенштейна, анализирующего философские проблемы в контексте языка. Архитекторами этого процесса считаются антрополог Леви-Стросса, психоаналитический теоретик Лакан, семиотик Барт, философ-марксист Луи Пьер Альтюссер.

Структурализм нацелен на выявление логики порождения. (275, с.7). Основным тезисом структурализма является то, что мир постижим, пока мы можем обнаружить своего рода порядок, структуру или систематическое сплетение событий, слов или каких-либо феноменов. В соответствии с этим, феномены могут быть восприняты как структуры, но как нет заранее определённого структурного сплетённого пакета или закона структуры, расценивающего явления внутри структуры, так и структура не понятна (не открыта) наблюдателю. В силу того, что структурирование делает явления более понятными, культуры и знания сознательно или неосознанно строятся на основе структурированных идей и структурных явлений. (173, с.176).

Постструктуралисты выступили против равномерности структурализма, где не может быть

недостатков и каждому отведено соответствующее место. По этой причине, согласно Клоду Леви-Строссу, или в более ранний период Роланду Барту, каждая деталь повествования была важна с точки зрения структуры последнего продукта (без единой случайности), и повествования делились на специфические виды, где определённые примеры были только разнообразными вариантами, основывающимися на центральную тему. В такой перспективе система становится кажущейся очень похожей на другую, и анализ её грамматики и искомое как заранее предполагаемое превращается в достаточно предусмотренное применение. Даже можно было выдвинуть мысль о том, что аналитические техники, используемые структуралистами, определяют результаты, и постструктуралисты выдвинули эту идею. Структурализм расценивается как позиция, не дающая возможности случайности, творчеству или неожиданному. Согласно постмодернисту, это намного важнее всех аналогий между системами, и постструктуралисты пытаются найти несхожесть, отличие и непредусматриваемость анализа. (164, с.5).

В определении постструктурализма как «течения, которое отмежевывается от постулата структурализма о неснимаемости различия, которое считает, что можно переступить через любое различие по пути к единству» (96, с.141), акцентуация делается на различие как важный характеризующий фактор.

Критика таких структурообразующих принципов как бинаризм, оппозиция, различие, выражена в теориях деконструкции Ж.Деррида, текстуальной продуктивности Ю.Кристевоу, шизофренического дискурса и ризомы Ж.Делеза и Ф.Гваттари, а также М.Фуко в продолжение критики, начатой представителями

Франкфуртской школы «Kulturkritik» Т.В.Адорно, М.Хоркхаймером и В.Беньямином.

Если при характеристике постструктурализма отмечается его возникновение как чисто французского явления, зиждущегося на традициях национальной культуры, то в деконструктивизме усматривается феномен культуры США, что связывается с оформлением впервые этого направления в США. (269).

Параллели можно проследить и в системе координат структурализм – постструктурализм – деконструктивизм.

В узком смысле этого термина деконструктивизм «является теорией литературы и специфической практикой анализа художественных произведений, основанных на общетеоретических концепциях постструктурализма». Постструктурализм и деконструктивизм очень часто употребляются как синонимы, в частности термин «деконструктивизм» используется для характеристики явно общетеоретических постструктуралистских предпосылок и в качестве эквивалента «неоструктурализма». (223, с.231). Следовательно, можно сказать, что постструктурализм означает деконструкцию.

Превращаясь в общую методологию постмодернизма для анализа любого феномена культуры и текста, деконструктивизм выходит за пределы США, как было отмечено выше, и литературоведения. (269).

В сугубо философской компаративистике в отношении этого вопроса мы можем говорить о деконструктивизме постмодернизма. Это связано с тем, что деконструктивизм позиционирует себя как антифилософия (283), что является одной из характеристик постмодернизма. В этом измерении деконструкция представляется как теория и механизм

особого рода мыслительной деятельности, когда постмодерн ассоциируется с эпохой. (229, с.22). Деконструкция Жака Деррида стала самым сильным выражением постструктуралистского этоса.

Три разные позиции – структуралистская позиция Леви-Стросса, постструктуралистская, самым известным примером которой является позиция Фуко и деконструктивистская Жака Деррида, – не придают значения утверждениям консолидирующих герменевтиков, до сих пор сохраняют нерешительную позицию по отношению к ним. (173, с.175).

Структурализм Деррида открыто критикует в особенности Леви-Стросса. Эдвард Саид, будучи ортодоксальным структуралистом, завуалировано занимает критическую позицию по отношению к Деррида. Связь Эдварда Саида и Деррида обеспечивает Фуко, с которым вместе работал Деррида, и на чьи идеи основывалась критика ориентализма Саида. (173, с.176).

Позиции Фуко и Деррида можно проследить на следующих примерах: так, Фуко специально интеллектуальные дисциплины включает в дискурсивные формации, связь этих дисциплин минимум может быть подвержена сомнению. (32, с.186-87). Деррида утверждает, что существует много способов чтения текста. В то же время он выдвигает идею о том, что цель, которую преследует автор, работая над текстом, превосходит первоначально задуманную и что полная оценка какого-либо текста связана с предложением одновременно разных значений. (73), (23), (65), (19).

Деррида говорит об «освобождении» (в значении эмансипации) текста, в особенности, в контексте открытости текста всем возможным смыслам. Однако эта открытость всем смыслам не означает интерпретацию

текста и его постижение посредством герменевтики. Деррида больше проявляет интерес исторической закрытости (замкнутости) текста. То есть, если мы можем извлечь из текста более одного смысла, этот текст становится «свободным», то есть независимым. Согласно Фуко, к тексту можно подойти археологическим методом для раскрытия культурно и исторически установленных первопричин дискурсивных формаций текста. Следовательно, этот рационалистский подход Фуко, то есть то, что успешным толкованием является выявление единственного и истинного смысла текста, противоречит взглядам Деррида. В этом контексте можно сказать, что задачей деконструктивизма является освобождение (эмансипация) текста. Потому что, согласно Деррида, закрытость, метафоры, смещение смыслов и семантические расхождения – то, что Деррида резюмирует словом “*difference*” – основная черта всех текстов. (173, с.180).

Однако в дискурсе постмодернизма и постструктурализма и проведения между ними параллелей, «герменевтический» деконструктивизм, выходя за пределы чисто литературоведческой проблематики, по своим общеметодологическим ориентациям отождествляется с постструктуралистскими установками. (223, с.231). Здесь примечательно утверждение, что язык в эпистеме XIX века превращается в объект познания и обладает собственным бытием и историей. (275, с.16).

В целом, постструктурализм – это деконструкция с точки зрения исторической хронологии. (210, с.171).

Деконструкция была нацелена на системообразующий аспект структурализма и выступила против мысли о том, что все феномены сводятся к работе

системы и что мы можем полностью контролировать окружающее. Деррида пытался указать на неустойчивость языка, в действительности, в общем, на неустойчивость системы. Согласно ему, символы не были такого рода предусматриваемыми сущностями, никогда не было безупречного соединения означаемого и означающего для обеспечения непроблематичной коммуникации. Всегда происходило «смещение» смысла. Причина заключается в том, что слова характеристиками звука, к примеру, постоянным приравнением слов к ряду аналогичных звуков, всегда включают отголоски и следы других слов. Деррида посредством понятия, производного от французского слова *différence* (означающего, как отличие, так и отсрочку) и получившего название *differance*, предлагал функциональное доказательство этого смещения. Согласно Деррида, здесь акцентуация делается на неопределённость, присущую самой природе значения. В деконструктивистском тексте цель игры слов, наряду с неустойчивостью языка демонстрация бесконечного творческого потенциала для производства новых и неожиданных значений. По этой причине значение – в большей степени непродолжительный (мимолётный), почти что испаряющийся (либо же приобретающий новые значения), появившись в устном или письменном языке, феномен, нежели нечто константное, не меняющееся со временем для ряда разных слушателей. Деррида утверждает, что вся западная философия построена на посылке, что всё значение одного слова без существенного смещения «существует» в сознании говорящего в той форме, в которой он может это передать слушателю. Это убеждение легло в основу того, что он называет «метафизика присутствия (или

наличия)». Согласно Деррида, это заблуждение: *difference* всегда оккупирует коммуникацию для предупреждения существования смысла или достижения полноты. Акцентуация деконструкции на отличие и на то, что не согласуется с нормой и образованием системы, – характеристика философского этоса постмодерна. (164, с.5-6). Данные положения перекликаются с постструктуралистской критикой коммуникативности, а также с введённым Деррида принципом организации текста – «смысловой неразрешимостью».

Движение в направлении от критики языка к критике «метафизического дискурса», или дискурсивных практик, как у Фуко, в целом характеризует динамику постструктурализма как своеобразного научного и социально-культурного явления.

Наследие ряда культурных течений было переосмыслено в постструктуралистской нарратологии Ж.Деррида, М.Фуко, Р.Бартом, Ю.Кристовой, Ж.Делезом, Ф.Гваттари и Р.Жираром.

Постструктурализм, являясь важной частью культурной панорамы после 1960-ых годов, сегодня может считаться частью более общей реакции против авторитарных идеологий и политических систем, которую определяем как постмодернизм. (163, с.XII).

Борьба различных идеологических систем за «власть интерпретации», согласно постструктуралистам, осуществляется посредством языка как инструмента социальной коммуникации. По представлению постструктуралистов, манипулирование языком как научным, то есть научными дискурсами, так и повседневным, осуществляемое «господствующими идеологиями» в современной «индустрии культуры», является признаком «отношений господства и

подавления» (223, с.226-227) и перекликается с определением Фуко знания как «продукта властных отношений».

Фуко «дискурсивными практиками», обусловленными языковым характером мышления, акцентирует наличие эпистемы – «проблемного поля», «культурного знания» как совокупности знаниевых дискурсов. Трактую «волю-к-знанию» как «волю-к-власти», Фуко утверждает, что «волю-к-знанию» скрывает «волю-к-власти».

Постструктурализм скептически относится к культурным категоричностям, которые структурализм начал конкретизировать, таким категоричностям, как убежденность (вера) в том, что мир по своей природе познаваем и что структурализм предоставляет нам методологический ключ (инструментарий) для раскрытия различных систем, составляющих этот мир. (164, с.4).

В этом измерении ситуацию, когда отталкиваются от идеи о том, что нет абсолютных критериев, Лиотар называет «паганизмом». И это в постмодернистском мире превращается в идеальный образ действия, которым должны руководствоваться. Поздняя философия связана с тем, что он называет «событием», а также такими понятиями, как «дифференд» и «возвышенное». (164, с.10).

Теория Иммануила Канта («Критика практического разума», 1788) предполагала согласованность наших понятий и перцептивного опыта касательно мира. Наряду с этим, при обращении к «высшему» мы оказывались лицом к лицу перед «бесконечным» и «абсолютным», то есть «непостижимым», и таким образом вызовом нашим притязаниям на знание. У Канта

это вызвало отчаяние, а Лиотар внедрил это в постмодернистскую мысль как доказательство того, что ни одна философская теория не может предоставить всеобъемлющей картины существования. «Возвышенное» всегда находится по ту сторону нашей способности представить или объяснить, и в результате это приобрело огромное символическое значение для постмодернистской мысли. Все усилия, направленные на создание большого повествования, будут в корне подорваны явлением «возвышенное». (164, с.11).

Согласно Лиотару, желание лишить человеческого, сводя человечество только лишь к мыслительному процессу, – в конечном счете, авторитарное действие. («Бесчеловечное» (69)). Бодрийяр, отвергая концепт, что за всеми феноменами стоят скрытые конструкции, которые необходимо проанализировать и пояснить, сильно критиковал структурализм и марксизм. Другим аргументом Бодрийяра, вызывающим сегодня большую полемику, является мысль о том, что сегодня нет необходимости выступать против систем, вместо этого системы могут быть «соблазнены» – тем самым подразумевает покорность (см. «Соблазн» (5)). Соблазн считается ещё одной характерной постмодернистской попыткой свергнуть системы, определив слабые места. В целом, философия постмодерна в большей степени фокусируя своё внимание на том, как силовые системы (в качестве примеров можно назвать марксизм и коммунизм) «взорвутся внутрь»¹, не считает необходимым их непосредственно дискредитировать. (164, с.12-13).

¹ Имплотация – взрыв, направленный внутрь.

Постструктурализм, являясь широким культурным течением, включающим разные интеллектуальные предметы, требует отвержения не только структурализма и его методов, но и идеологических гипотез, стоящих за этими методами. По этой причине постструктурализм в общем смысле, как и постмодернизм, может считаться как философским, так и политическим течением. (164, с.4).

Мишель Фуко выступал против тенденций структурализма образовывать систему и исключать отличия. В очередной раз акцентируется факт отличия. Имеются в виду маргинальные группы, душевнобольные, заключённые и гомосексуалисты. Культура после Ренессанса, создавая свои нормы поведения, пытается показать маргинальность, извращённость отличия. Фуко принадлежит ряд исследований о том, как в XVII и XVIII столетиях в Западной Европе эти нормы, вся сфера новых организаций (психиатрические больницы, тюрьмы, больницы) использовались для борьбы с «отличными». Согласно Фуко, эти учреждения являются формой выражения навязывания со стороны политической власти, господствующей в обществе группы своей воли другим. (164, с.6-7), (см. The History Sexuality (34)).

«Анти-Эдип»¹ («Anti-Oedipus» (283)) Жюль Делёза и Феликса Гваттари представлял другое постмодернистское наступление на авторитаризм, переплетённый с психоаналитической теорией, пытающейся контролировать свободное выражение человеческого желания. Согласно Делёзу и Гваттари, индивидуумы – это «машины желаний», в основном,

¹ Фр. L'Anti-(Edipe) (1972) – первый том двухтомника «Капитализм и шизофрения» (второй том называется «Тысяча плато», вышел в 1980 году).

связываемые с индивидуальной идентичностью, лишённые чувства общности, находящие возможность выражать свои желания, контролируемые только социополитическими авторитетами. По мнению авторов, психоанализ превращается в символ того, как желание может быть подавлено, и они против этого – что в их проектах превратилось в своего рода модель поведения идеального человека – выдвигают «шизоанализ», основанный на шизофреническом опыте. Политический аспект постструктурализма, в основном скрытый в какой-то форме в смутных метафизических дискуссиях деконструкции, здесь определённно выходит на передний план. (164, с.7).

Что касается критики концепции целостного субъекта, то в постмодернизме она представляется как развитие процесса, начатого ещё в структурализме. (223, с.227). Ассоциативно можно отметить концепцию децентрализации Фуко.

Феминизм отличия в силу анализа принятой неизменности категорий пола может быть включен в постструктурализм. Аргументом может служить то, что половая идентичность, в особенности женская – не нечто стабильное, а текучий процесс, не сводимый к какой-то сущности или норме поведения (в этом примере к норме поведения, формируемой в патриархальной форме). Такие теоретики, как Люс Иригарей (Luce Irigaray), эту форму аргументации используют для того, чтобы выступить против гипотез патриархата, гипотезы формы мужского и женского пола, вызывающих половые стереотипы, которые до сих пор распространены и которые используются как основание для того, чтобы притеснять женщин. (164, с.7-8).

Следует отметить, что этот подход исходит из представления о субъекте – мужчине, которое характерно для модернизма и структурализма и претерпевает модификацию, переопределяется в силу доводов постструктурализма и постмодернизма.

Критика субъекта в определённой степени носит политический характер. Он (субъект) «представляет собой основание для политической, социальной и любой другой активности, всё ещё означает место, из которого любой индивид говорит...». (212).

Субъект постмодернистского дискурса – субъект, критически анализирующий практики подчинения и покорения, и который может сконструировать новые способы субъективности. (106, с.83). Формирование субъектов через механизмы подчинения – один из основных объектов критики субъекта, осуществляемой (пост)феминистскими теоретиками. Одновременно, это проявление деконструкции категории субъекта. (212), так как «...в силу своей подчинённости политическим структурам управляемые ими субъекты формируются, определяются и воспроизводятся в соответствии с требованиями этих структур». (192, с.299). В то же время существование не вне, а внутри существующих систем, то есть «сконструированность субъекта» определяется как «предусловие его свободы действия». (193, с.247). Данный угол зрения, на наш взгляд, перекликается с восприятием Деррида всего мира как бесконечного, безграничного текста, в котором индивид находится «внутри текста», так как «ничего не существует вне текста», отождествляемого с определённым историческим сознанием, и со «смертью субъекта», через которого «говорит язык». (М.Фуко).

Заключение

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что интенция постструктурализма, как и постмодернизма, – дезавуировать безусловную рациональность философских построений и доказательств – и что постструктурализм как комплекс идей мировоззренческого порядка, критикующий предыдущую парадигму – структурализм, идентичен постмодернизму. А постструктуралистская философия – общее название для определённой философской тенденции после структурализма, выдвинутой разными мыслителями в разной формах, и составляет самую важную теоретическую базу постмодернистской мысли.

Анализ параллелей между постструктурализмом и постмодернизмом выявил генетическое родство деконструктивизма и постструктурализма с постмодернизмом. Редукция сознания человека до письменного текста и сведение постструктуралистами общества, культуры и т.д. к тексту свидетельствуют о том, что в постмодернистско-деконструктивистско-постмодернистском комплексе критика языка экстраполируется на критику культуры, а также в целом на критику сознания, эпистемы.

Постструктурализм, в целом выступающий как общеметодологическая основа, на базе которой деконструктивисты и постмодернисты выстраивали свои концепции, можно сказать, на наш взгляд, определил установки мышления и мировосприятия, характеризующие состояние постмодерна.

3.2.2. Субъект и объект: от модерна к постмодерну

В контексте смены модернизма постмодернизмом прослеживается, что к постмодернистскому языку

(стилю) и образной реальности постмодерна некоторые общества («северо-западные», по А.Гюлердже, которая в то же время отмечает проблематичность термина), даже отдельные личности и организации переходят только после того, как переживут свои условия «модерна». Считается, что гипотетически для остальных это также достижимо подобным образом, потому что постмодернизм – не что иное, как самокритика западных обществ и мышления, острая ставка и даже своего рода «мужское», «белое», «западное» раскаяние и исповедование. Однако, как бы не назывался этот язык, он и не определяет свои предпосылки, и не имеет, как модернизм, иерархическую и рациональную грамматику. Нет и «означаемых» (содержания) (по аналогии с соссоровской дихотомией «означающее – означаемое»), «означающие» (формы) же приобретают смысл, оценку, функцию и ценность в результате жизненного опыта, на практике (131, с.13).

При осмыслении ситуации в контексте «кризиса иерархической системы миропонимания в целом» (235, с.117), констатирующие достигнутую современными обществами эту стадию изнутри, отмечают, что исчез субъект, потому что не в состоянии пояснить объект (то есть общества) посредством наличествующих научных понятий и методов. (98, с.45). Процесс исхода объектов из своей сущности, которую приписала им метафизика с её «принципом Добра», превращающим объекты в отражение субъекта, теперь непродуктивен, поэтому мир, по Бодрийяру, теперь невозможно рассматривать с позиций субъекта. (266, с.45). Постмодернистская теория, аннулируя рациональный и единый субъект модернистской теории, заменяет его социально и в языковом плане расчленённым субъектом (108, с.115) и

актуализирует новый «тип философствования – философствование без субъекта». (266, с.238).

В современном обществе разрушение субъекта указывает на конец модернити. Потому что последняя утверждает необходимость отождествления личности с универсальным разумом вместо отведения ему своего собственного частного места. Ницше и Фрейд выступают как выразители этой критики. Начиная с Ницше и Фрейда, личность не расщепляется как только социальное существо, в то же время становится индивидуальным частным существом. (174, с.149-151).

«Сущностный человек» модерна сменяется «человеком отношений» постмодерна – сочетание фрагментов, обусловленное локально-историческими и культурными особенностями, трансформируется в текст, который его поглощает. Деструкция философской абстракции – субъекта как центра мироздания, независимого и самодостаточного в постмодерне акцентирует обусловленность последнего языковыми структурами в мыслительном процессе. (269).

Современная мысль преодолела дихотомическую связь объект/субъект. Подобно тому, как постоянное акцентирование объекта притесняет субъект, продолжительное акцентирование субъекта также обусловит притеснение объекта. В этом значении, как отметили Адорно и Хоркхаймер, ни субъект, ни объект только в одиночку не будут достаточными для объяснения природы и общественных явлений. По этой причине и субъект, и объект, и частное, и общее друг друга дополняют. Следовательно, современная мысль (включая Фуко) обращает внимание не на противостояние, а, наоборот, а на сосуществование обоих. (108, с.129).

Вместо заключения

На наш взгляд, вне зависимости от того, как мы расцениваем постмодерн, – как автономное явление, парадигмальное понятие, – мы сегодня имеем дело с новыми явлениями и тенденциями, которые в определённой степени могут быть мотивированы кризисом модерна, в большей степени, его нереализованностью, точнее, нереализуемостью или неудачей в западных странах и исчерпавшим себя модерном в «современных» западных странах. В то же время, равно как вопрос о преодолении модерна постмодерном, так и вопрос, является ли постмодерн кризисом модерна, обуславливают его рассмотрение в континууме модерна.

В лиотаровской интерпретации соотношения постмодерна и модерна отсутствуют всяческие стереотипные представления о транс- и анти-модерне, и постмодерн помещается не после модерна и не против него, а выдвигается идея о том, что он содержался в модерне, только скрыто. (232, с.103). В этом смысле современная социальная реальность ещё раз свидетельствует о своего рода слиянии модерна и постмодерна в современном мире, в определённой степени стирает грани между ними и, на наш взгляд, исключают интерпретацию постмодерна как контр-концепции модерну.

Проблематичным является следующее: 1) даже если модерн характеризуется как «то, что именно сейчас и здесь», не замечается то, что это отныне перестало быть существенной, абсолютной и нормативной ценностью; 2) сведение свободного мышления и креативного образного к символической или материальной

действительности или «заточение» в неё. К тому же при рассмотрении с точки зрения постмодернистской культуры/мышления/философии/языка/дискурса универсалистский и распространяющийся из одного центра на периферию экспансионистский модернистский подход сам также локален. Вчерашняя культура премодерна какого-либо общества/отдельной личности вполне может разделять представление сегодняшней культуры постмодерна «другого». (131, с.14).

В контексте вышеотмеченного можно отметить, что постмодернизм, несмотря на наблюдаемые в дискурсах крайности, не выражает разрыв, означающий конец одной эпохи и начало другой. Аналитические дискурсы свидетельствуют о парадоксальной связи с модернизмом, которая определяется по ту сторону границ, достигнутых модернизмом внутри себя, попытке коренной проблематизации ретроспективно, исходя из этих границ, и его переоценке.

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что «постмодернизм» и «модернизм» не тождественны, однако тесно связанные между собой концептуально. И тот, и другой – неотъемлемая часть характеристики современности и составляют сегодняшний культурный контекст. Данные положения обуславливают необходимость философского анализа данных концептов – постмодернизма и модернизма – с учётом разных подходов и выведения стержневых параллелей между их основными закономерностями.

ГЛАВА IV. ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК КУЛЬТУРНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ

4.1. Постмодернистская ситуация

Под состоянием постмодерна, прежде всего, имеется в виду рефлексия постмодерна, точнее, его индикаторов, того, что может быть охарактеризовано термином «постмодерн» в обществе, что составляет социальную составляющую постмодернистского комплекса и обуславливает экстраполирование этой плоскости на философию.

Постмодернити (выражаясь другими словами, состояние постмодерна) – термин, который используется для выражения социальных и культурных рефлексий постмодернизма. Этот термин используется философами, гуманитариями и критиками искусства для характеристики культурной, экономической и социальной ситуации, являющейся следствием трансформаций в конце XX – начале XXI столетий. Состояние постмодерна с этой точки зрения – не только выражение лишь ряда экономических и социальных показателей, но и в то же время в теоретической плоскости название метафизического конца.

Отличительными особенностями этого состояния среди ряда прочих можно отметить деидеологизацию, деполитизацию, неопределённость, мультикультурализм. Отмеченные тенденции в первую очередь проявляются в постмодерне как кризисе метасценариев (великих проектов).

4.1.1. Конец метанарративов

Одним из самых распространённых утверждений является то, что в качестве признаков постмодернистского состояния обществ можно назвать переоценку прошлого, а в частности, проектов, нарративов, претендовавших на глобальность и универсальность, ярким примером которых является марксизм.

Особое философское и научное мировоззрение – модернизм, характерное для модерна как исторической эры, символизируется такими фигурами, как Бэкон, Декарт, Ньютон, Гегель, Маркс и др. Среди влиятельных комментаторов прошлого, чьи произведения были либо вновь интерпретированы постмодернизмом, либо существенно оформили дискуссии о нём, можно назвать Маркса.

Метанаррации критикуются из-за утверждения, что они имеют потенциал всегда выдвигать разные решения для каждой проблемы. Помимо того, из-за отсутствия аргументов, свидетельствующих о превосходстве одного из них, постмодернизм, критикуя идеологии, религии и т.д., которые называет «высшими рассказами» (метарассказами), отмечает предпочтительность маленьких рассказов вместо них, придаёт значение относительности, различиям (120, с.108). Он, основываясь на релятивизме и скептицизме, отвергает стереотипы мышления, выработанные господствующей идеологией, и скептически относится ко всем позитивным истинам, установкам, убеждениям, существующим в обществе.

Особое философское и научное мировоззрение – модернизм, характерное для модерна как исторической эры, символизируется такими фигурами, как Бэкон,

Декарт, Ньютон, Гегель, Маркс и др. Среди влиятельных комментаторов прошлого, чьи произведения были либо вновь интерпретированы постмодернизмом, либо существенно оформили дискуссии о нём, можно назвать Маркса.

В упрощённой форме методологическое представление о наиболее развитом современном обществе исходило из двух моделей: модели, связанной с именем Т.Парсонса (См. 79), (78) и марксистской модели, построенной на принципе борьбы классов, сопровождающей вклад капитализма в традиционное гражданское общество. (234, с.35-39). Сегодня в свете такой мыслительной модели, как постмодернизм, эти два основных вида дискурса об обществе, ассоциирующихся с модерном, уступают место модели, основанной на плюралистическом видении.

Выдвигается идея о том, что постмодерн появился в результате радикализации и абсолютизации принципов модернизма, осуществленных в теории и социальной практике. (203, с.84-92). В отношении марксизма это объясняется тем, что социальная основа принципа разделения, классовой борьбы исчерпала себя и даже утратила всякую радикальность, что, в конечном счёте, поставило модель под угрозу утраты теоретической основы и сведения её к «утопии», или к «надежде» (234, с.40).

Таким образом, постмодернизм расценивается как принципиальная реакция против того, что считается социально-политической неудачей модернизма и модернисти. Постмодернизм отмечен скептицизмом в равной степени как по отношению к вере в культурный «прогресс» (необходимость продолжения развития национальных экономик, неограниченного улучшения

качества жизни и др.), так и к политическим системам, поддерживающим эту убежденность.

Одним из самых известных комментаторов философии постмодерна считается Ж.-Ф.Лиотар, его линия последовательного антиавторитаризма проходит через все философские тексты, которые безапелляционно многими авторами характеризуются как постмодернистские. (164, с.8).

Лиотар был членом французской политической организации «Социализм или варварство» (*Socialisme ou barbarie*), подвергшей резкой критике марксистскую теорию изнутри. В 1960-ых годах Лиотар, уйдя из «Социализм или варварство», сознательно порвал с марксистским прошлым. Как и многие французские интеллектуалы его поколения, был разочарован тем, что Французская коммунистическая партия встала на сторону руководства и в таких произведениях, как «Либициональная экономика» (*Libidinal Economy*, 1974), показал разочарованность в официальном марксизме, которое он чувствовал до этого периода. За сильным наступлением на марксизм в книге стоит убежденность в том, что человеческая природа или исторический процесс не могут быть предусмотрены и по этой причине не могут быть управляемы, как отмечает марксистская теория. Книга может расцениваться как начало критики «высших повествований», лежащих в основе самого удачного и влиятельного произведения Лиотара «Состояние постмодерна». (164, с.8).

Широко распространено мнение, что книга Жан-Франсуа Лиотара «Состояние постмодерна: доклад о знании» (*The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*, 1979) – самое сильное теоретическое выражение постмодернизма. Его воззвание о

необходимости отказа от «Великих Нарративов» (то есть универсальных теорий) в силу того, что они потеряли сегодня убедительность, резюмирует этос (умонастроение) постмодернизма умалением авторитета во всех его формах. (164, с.3).

4.1.2. Знание в постмодерне

Знание в последние десятилетия расценивалось как главная производительная сила. Об этом писал и Маркс в «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie (1857-1858)» («Рукописях 1857-1858 гг.» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 49). Вхождение общества в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуры – в эпоху постмодерна (См. 12) знаменуется изменением статуса знания.

«Состояние постмодерна» выдвигает идею, что сегодня знания являются самым лучшим товаром в мире и могут быть источниками международных столкновений (учёные дискутируют по поводу того, что такое влияние будут иметь супер-компьютерные поколения будущего или искусственные интеллекты). Лиотар подчёркивает, что в современную эпоху политический контроль в руках тех, кто контролирует знания, и категорически требует максимально открытого распределения знаний. Альтернативой централизованного контроля знаний является открытие всем всех банков данных, «...нужно, чтобы доступ к носителям памяти и банкам данных стал свободным». «Банки данных являются энциклопедией завтрашнего дня. Они превышают способности каждого пользователя и по своей «природе» принадлежат человеку постмодерна». (234, с.125, 158-159).

Марксизмом руководило такое понимание функции знания, которое может быть в нем произведено и получено. (234, с.39).

Кажется, что знания передаются посредством повествований. Лиотар критикует теории, утверждающие, что могут всё объяснить и противостоять попыткам преобразования их форм (или «рассказов»). К примеру, марксизм имеет свою особое повествование мировой истории, согласно которому оно верно и в силу этого не может подлежать критике или пересмотру. Это не меняющаяся со временем непобедимая теория, в авторитете которой никогда нельзя усомниться, а не «нарратив», который будет постоянно интерпретироваться в свете культурных изменений. По Лиотару, такого рода позиция авторитарна и он восхваляет вместо неё «микронарративы» (малые повествования) (*petit récit*). «Малые рассказы» для осуществления некоторых особых целей собирают с помощью тактики малые группы индивидуумов и не претендуют на то, что располагают решениями для разрешения проблем всего общества: в идеальной форме существуют, пока нужны для осуществления только краткосрочных целей. Лиотар считает, что «малые рассказы» – самый креативный путь для производства знаний и их распространения и что они способствуют устранению монополий, используемых традиционно «великими рассказами». (164, с. 9).

Согласно Лиотару, необходимо разрушить авторитет, который, как он считает, используют метанарративы, чтобы подавлять индивидуальное творчество. «Больше не обращаемся к «высшим рассказам»; то есть больше не можем полагаться на метанарративы как на ориентиры наших действий как на государственном, так и на и

частном уровнях. Надо просто перестать им верить, а не бороться с ними; предполагается, что в этом случае они «испарятся». Хотя это видение достаточно идеалистического политического процесса, такое «испарение» осуществилось спустя несколько лет после публикации «Состояния постмодерна» при крахе коммунизма в Восточной Европе без сильного крупномасштабного столкновения с политическими авторитетами. В постмодернистской перспективе народ перестав верить в распространённую идеологию, положил конец авторитету, который будет навязывать свою волю. (164, с.9-10).

Это недоверие к метанарративу и его авторитарной тенденции может считаться отличительной особенностью философии постмодерна, наблюдаемой на протяжении различных выражений свободолобивой позиции. В англо-американском философском мире мы сталкиваемся с такого рода взглядами, поддерживаемыми известным апологетом новой континентальной философской традиции американским прагматистом-философом Ричардом Рорти. Рорти тоже критически относится к большим теориям; в прототипном прагматистском стиле интересуется в большей степени полезностью или интересностью теорий, нежели их верностью или ошибочностью. По этой причине постмодернистская философия – это использование философии для разрушения авторитарных повествований как в теоретической, так и в политической проекции. (164, с.14-15).

В этой призме особое значение приобретает формулировка ответа на вопрос: «Что такое «великий рассказ» или метанаррация?»

В Лиотаровской интерпретации «рассказы ...определяют критерии компетенции и/или иллюстрируют ее применение. Они, таким образом, определяют, что имеет право говорить и делаться в культуре и, поскольку они сами составляют ее часть, то тем самым оказываются легитимными». Причина утраты Великим рассказом своего правдоподобия или в целом краха рассказов истолковывается, как «результат быстрого технического и технологического подъема после Второй мировой войны, перенесшего акцент с цели действия на средства ее достижения, а может быть – результат активизации внешнеэкономических связей либерального капитализма, развившегося после периода его отступления перед моделью Кейнса в 30-ые – 60-ые годы, обновления, устранившего коммунистическую альтернативу и придавшего ценность индивидуальному обладанию благами и услугами». В то же время данное объяснение обуславливает анализ связей рассматриваемых тенденций с упадком объединяющей и легитимирующей силы великих рассказов о спекуляции или об освобождении, что предполагает обращение к великим рассказам XIX века для обнаружения ростков утраты легитимности – «делегитимации» и нигилизма, чтобы понять, каким образом современная наука оказалась восприимчивой к указанным воздействиям еще до того, как они проявились в действительности (234, с.61, 92-93).

Постмодернисты, подразумевая либеральную гуманистическую идеологию, которая, начиная с восемнадцатого столетия, господствовала в западной культуре и пыталась освободить человечество от экономической бедности и политического давления, часто обращаются к проекту Просвещения. Согласно

постмодернистам, этот проект, даже, несмотря на то, что когда-то заслуживал похвалу, в своё время стал оказывать давление на человечество, не всегда принимая во внимание их самые допустимые интересы, и обрёл на определённые ряд идей и стиль поведения. По этой причине вызовет противодействие, и постмодернисты, придерживаясь антиавторитарной точки зрения, всегда критически настроены по отношению к всеобъемлющим (универсальным) теориям.

«Состояние постмодерна» объявляет, что вероятно самым эффективные среди «чрезмерных упрощений» связаны со статусом «метанарративов». Такие большие повествования, как Просвещение, связанное с безграничным развитием знаний и свободы, или нарратив марксизма о прогрессирующем освобождении трудящихся от «оков» индустриального капитализма, сыграли важную роль в отождествлении знаний и политики с модерном, постмодерн же обуславливает кризис доверия в отношении их. Одна из причин этого кризиса – подъём критической философии в иронической форме с Просвещением. Кант, который положил начало критической философии в конце восемнадцатого столетия, проецируя обеспечение человеческого мозга средствами самоуправления вместо того, чтобы полагаться на священного арбитра или другие неизвестные феномены, утверждал, что разум, чтобы познать себя и свои границы, должен подвергнуть себя критике. Наряду с этим, в конце девятнадцатого столетия вместе с Ницше, считающим, что Бог умер и что истина, мораль и знания – только иллюзия, критика стала направляться на достижения самого Просвещения, достигнутые с трудом. И Маркс, выдвигая мысль о том, что политика Просвещения сконцентрировалась на

идеалах прогресса ценой потери реального развития в вопросе человеческой свободы, и что этот идеализм – смешанная рефлексия идеалов руководящего класса, разрушал блестящее здание Просвещения, в то время как сам марксизм ещё не осуществил обещанную свободу. (128, с.18).

По этой причине противоречие, растущее среди нарративов, ослабило всех их; так что в начале двадцать первого столетия не наблюдается ни одной кандидатуры, которая сменила бы эти рассказы в объединении наших знаний и поступков в последовательном историческом плане. Оставалось только поле, где мерились силами оставшиеся части эти метанарративов друг с другом и новыми конкурентами. Вместе с тем, это поле регулируется новым союзом между технологией и капитализмом, создавшим структуру, называемую некоторыми теоретиками «постиндустриальным обществом». (128, с.18-19).

Между двумя мировыми войнами среди имён на странице содержания каждого произведения доминировали «три английское «Н»: Гегель, Гуссерль и Хайдеггер. После войны Сартр, который довёл до кульминационной точки французское выражение экзистенциалистской философии этой священной троицы, в итоге начал двигаться в направлении достижения компромисса с марксизмом (128, с.26), который объявил в «Критике диалектического разума» «единственно возможной антропологией, которая должна быть одновременно исторической и структурной», однако, отметив, что марксисты «полностью утратили смысл того, что есть Человек»; истинное предназначение экзистенциализма, согласно Сартру, – «вернуть человека в марксизм». (84, с.59). Это

отразило возвышение интеллектуальной славы Маркса, Ницше и Фрейда, которых называют «мастерами сомнения» («философы подозрения», «мастера подозрительности»). Марксизм превратился в нарратив, в отношении которого должна измеряться легитимность всех других нарративов. В результате необходимо, в особенности, объяснить крах этого нарратива для того, чтобы понять переход от Парижа, насытившегося марксизмом, к крушению марксизма в постмодернизме. (128, с.26).

Отрицание постструктурализмом интеллектуальной традиции структурализма составляет другую скептическую позицию по отношению к действующим авторитетам и может быть рассмотрено как часть интеллектуальной картины постмодерна. (164, с.4).

Жан Бодрийяр, являющийся другим важным выражением философии постмодерна, сильно критиковал марксизм и структурализм. Реакция на доктринёрский марксизм в произведениях таких мыслителей, как Лиотар и Бодрийяр, считается частью другого культурного течения, которое сегодня известно как постмарксизм. Постмарксизм превратился в важный теоретический вопрос и включает не только тех, кто желал отказаться от своих марксистских убеждений (к примеру, Лиотар и Бодрийяр), но и тех, кто хотел пересмотреть марксизм с точки зрения новых теоретических и культурных сдвигов. Эрнесто Лаклау с Шанталь Муфф, опубликовав работу «Гегемония или социалистическая стратегия: к радикальной демократической политике» (Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics), стали представителями второй группы. Они выдвинули мысль о том, что марксизм должен поставить себя в один ряд с

появившимися разными новыми общественными течениями, другими словами, марксизм должен принять политический плюрализм и отказаться от притязаний на то, что он институт истины в качестве критерия истины. К тому же марксизм должен принять во внимание разнообразные новые теории, которые становятся популярными, – деконструктивизм или постмодернизм. Ошибкой марксизма считается то, что он не смог идти в ногу со временем и заметить, как изменилось общество (или каким оно стало «плюральным»). Вместо этого марксизм, исходя из того, что самостоятельно является истиной, остался на уровне попыток навязать другим свои теории. В этой перспективе марксизм является авторитарной теорией. С другой стороны, Лаклау и Муфф предлагают более «открытый» марксизм, который может быть адаптирован к другим культурным условиям и в процессе соберёт новых последователей. Как предполагается, марксистский «институт» исключил притязания Лаклау и Муфф относительно необходимости основательно пересмотреть марксизм или того, что он должен стать плюралистичным, хватаясь за истину на словах марксизма и всеобщность осуществления (164, с. 13).

Поражение безупречного некоммунистического отвержения Феликсом Гваттари постмодернизма, марксистских анализов Шанталь Муфф и Эрнесто Лаклау, доходящих до смеси постмарксистского марксизма и постмодернизма, связывается с отказом от метанарратива об эмансипации человеческого труда и постмодернистского безучастия в отношении таких крупномасштабных политических феноменов, как экономика или революция. (128, с.24).

4.1.3. Состояние постмодерна в экономике

Вне зависимости от того, связывается ли постмодернизм как процесс реконструкции с развитием капитализма, считается ли он коренным изменением, не связываемым ни с одной макропеременной, нельзя не принимать во внимание большую и всемирную трансформацию, переживаемую за последние 25-30 лет и состояние постмодерна, его выражающее. (106, с.82-83).

Если «Гегемония или социалистическая стратегия» (1985) Лаклау и Муфф – один их марксистских источников, на который чаще ссылаются в вопросе постмодернизма, то «Постмодернизм или Культурная логика позднего капитализма» (1991) известного марксистского критика и теоретика Фредерика Джеймисона – самая обширная книга, которая была написана о постмодернизме до сих пор (128, с.24), где анализируются пути «выражения глубокой логики» «позднекапиталистической или многонациональной» капиталистической общественной системы таким культурным изменением, как постмодернизм. (53, с.125).

Название книги Джеймисона, характеризующее постмодернизм как культурную логику позднего капитализма, повторяет ортодоксальное марксистское разделение между экономическим базисом общества и культурной надстройкой, отражающей условия этого базиса. Искусство и философия – среди надстроечных феноменов общества; таким образом, как выдвигает Маркс в вопросе философии, в обществе руководящие идеи – просто идеи руководящего класса. Книга Джеймисона, подчёркивая, что корни постмодернизма находятся в культурных феноменах или, другими словами, располагаются в этом надстроечном

пространстве, вносит вклад в долгосрочную дискуссию с точки зрения отнесения искусства и философии к простым выражениям основных экономических изменений в основе общества. По этой причине «постмодернистская политика» – неправильное наименование; однако постмодернистская культурная политика может быть раскрыта посредством анализа теоретических, философских и культурных конструкций. (128, с.24).

Следовательно, Джеймисон в противовес Лиотару выдвигает мысль о том, что недоверие к метанарративам не является последним пунктом в постмодернизме, его корни, скорее всего, находятся в экономических феноменах. Таким образом, в основе недоверия к широкомасштабным политическим метанаррациям лежит и то, что в 1960-ом году Даниэль Белл назвал «концом идеологий», провоцирующее выраженное во многих современных философиях и теориях разрушение этой экономической утопии внутри режима позднего капитализма; так-что превозносимые постмодернистские теории распада превращаются в выражения этого состояния или в анализ этих выражений. (128, с.24-25).

Наряду с этим, Джеймисон не считает, что марксизм без адаптации своей теории к новым конструкциям экономического базиса, являющегося результатом того, что такие социологи, как Ален Турен, называют «постиндустриальным обществом», сможет существовать после этих экономических и культурных изменений. По этой причине, постмодернистский культурный анализ, как и постмодернистская политическая теоретизация, несёт уроки и для марксизма; во-первых, для принятия во внимание диалектического воздействия, лежащего в

основе культурных феноменов, необходимо изменить жесткое разделение «базис-надстройка». (128, с.25).

Широкомасштабную переоценку марксизма такими группами, как «Социализм или варварство» («Socialisme ou barbarie»), членами которой являлись и Дебор, и Лиотар, связывают с постепенной усиливающейся бюрократизацией международного марксизма. Основной тезис организации был связан с тем, что в какой степени бюрократизация международного коммунизма выявляет то, что он превратился в орган бюрократического капитализма. (128, с.28).

Несмотря на то, что экстренная революция в мае 1968 года обнаружила непригодность марксизма как политической программы, крах марксистского метанарратива, который должен был достичь самого высокого синтеза в Великой Пролетарской революции, порождённой самим капитализмом, обусловливает не отвержение марксистского анализа, а лишь вновь определение проблем и переоценку его задач. Таким образом, в «Состоянии постмодерна» ставятся следующие вопросы: «Какую форму приобретает капитал в обществе постмодерна?», «Чем отличаются средства производства в постмодернизме от предыдущих общественных формаций?». (128, с.28-29).

Как и было отмечено, одним из важных элементов постмодернистских обществ является союз, оформившийся между капитализмом и технологией. Таким образом, одним из основных составляющих истории состояния постмодерна является превращение капитализма в техно-капитал. (128, с.29).

Периодизация этой третьей стадии капитализма как многонационального капитализма после Второй

Мировой войны основывается на схеме в работе Э.Манделя "Late Capitalism" (Поздний капитализм). (71).

Литературный критик Фредерик Джеймисон и географ Дэвид Харвей определили постмодернити как поздний «капитализм» или «гибкую кумуляцию»; другими словами, определили как стадию капитализма, следующую за финансовым капитализмом.

Согласно Джеймисону, подобно тому, как модернизм связан с монополистической стадией капитализма, постмодернизм, будучи связан со стадией позднего капитализма после Второй Мировой войны, – его «культурная логика». Данный тезис объясняется тем, что постмодернизм базируется на роли воспроизводства в «централизованной глобальной сети» многонационального капитализма в современном мире, придавшем всему культурный характер. (161, с.6).

Многие комментаторы склоняются к тому, что культура постмодернизма/позднего капитализма/постиндустриального общества не такая комбинированная, как культура раннего капитализма (к примеру, Белл, Турен и Хабермас). (121, с.99).

Распространение постмодернизма связывается также с экономическим уровнем развития, то есть утверждается, что постмодернистские индикаторы возможны только в развитых западных странах.

В частности, согласно Джеймисону, в Японии и Германии постмодернистское состояние невозможно в силу того, что там процесс модернизации ещё продолжается. В качестве аргумента данного тезиса выдвигается то, что в этих странах действуют законы капитализма, функционирует индустриальная систематика. В то время как Джеймисон также утверждает, что период позднего капитализма,

начинающийся в особенности после 1960-ых годов, и самая важная реальность постиндустриальных обществ, являющихся продуктом этого периода, свидетельствует о том, что для индустриализации больше не характерны классические капиталистические законы. (144, с.19).

Когда новые капиталистические концепции, появившиеся в особенности после 1970-го года, новые экономические понятия стали подчёркивать эту тенденцию, превращать понятие «межнациональное» в «сверхнациональное», эта ситуация стала более ощутимой. Понятие «сверхнациональное» не ограничивалось только экономикой. Следует понимать, что попытки национальных капиталов присоединиться к международному финансовому капиталу с целью, чтобы капитал оставался в международном обороте, волей неволей порождает новый правовой, социальный и культурный процесс. Постмодернистская тенденция – точка кристаллизации этого психологии. (144, с.19-20).

Постмодернизм вскрывает то, что результатом сильной индустриализации не является формирование общества с высокой индустрией; наоборот, это отделение культурного мира, порождённого этим процессом, от технического мира. А это разрушает правила современной социологии, то есть разрушает идею о взаимосвязи современных экономики, политики и культуры. (174, с.44).

В социологических теориях общества постмодерна акцентируется независимость каждой сферы жизни – экономической, религиозной, политической и т.д. друга от друга, развивающих собственную логику действий, с отходом экономики от своей прежней доминирующей и системообразующей роли. (269).

Выдвигается мысль о том, что эта стадия совпадает по времени с распадом системы Бреттона Вудса, характеризующей экономический порядок после Второй Мировой войны.

Новый союз технологии и капитализма формирует «постиндустриальное общество». (128, с.19). Логика позднего капитализма возникла из понятия «постиндустриальное общество» и, согласно Джеймисону, это общество сформировалось путём массового производства, коммуникации и подделывания (симуляции). Кроме того, это общество, в котором классовая борьба и индустриальное производство не являются категорически приоритетными, как раньше, и преодолены законы классического капитализма. (144, с.22).

Логика модернизма формировалась посредством единичных понятий или «единизации» понятий. Однородность и гомогенность являются последним пунктом этого. А фордистская логика производства, её метод ленты – конкретное обобщение системы. (144, с.58).

Фордизм – способ накопления капитала, обеспечивающий послевоенное региональное и городское развитие в зависимости от массового производства и регулятивного государственного вмешательства. Эта форма накопления воспроизводится на основе таких двух важных факторов, как быстрое, массовое и интенсивное накопление капитала и государства всеобщего благосостояния, обеспечивающего социальную и политическую организованность этого накопления. Фордизм, начиная с 1960-ых годов, достиг своей кульминации и с безработицей и инфляцией стал наблюдаться

экономический кризис. В результате появился постфордизм, акцентируя замещение прежнего серийного производства «гибкой специализацией». Согласно Холлу, постфордизм указывает как на максимизацию индивидуальных предпочтений, так и на более сильную социальную раздробленность, плюрализмом на ослабление прежней коллективной солидарности и единых идентичностей. (184, с.109-111).

В условиях сегментации рынка развивается процесс индивидуализации, способствующий ослаблению традиционных связей (семья, социальный класс, знакомые, друзья), когда рыночные отношения превращаются в единственное связующее звено самостоятельных индивидов, движимых собственными предпочтениями, формирующих собственные идентичности и биографии. (269). Индивидуализация стиля жизни выражается в потреблении индивидуализированных товаров и услуг, формируя образ жизни и стратегию поведения на рынке – консьюмеризм как главный симптом перехода к постмодерну. (221, с. 35).

В противовес отмеченному, аргументацией идеи о том, что капитализм выйдет победителем из конфликта нарративов, является следующее: при обращении к метанарративу о прогрессивистской реализации индивидуальной свободы посредством рынка, нет больше необходимости в легитимации прибыли; потому что прибыль свой единственный критерий успешности, разделяя с технологией, превратившуюся в производительное средство знаний, информации и власти, непосредственно легитимизирует. Каждый раз, когда компьютер при минимальном вводе данных, выдаёт максимум информации, при каждой возможности

экономии времени и труда за счёт использования технологии капитализм непосредственно выигрывает. Капитализм неоспорим, потому что в нём нет никакой роли, возлагаемой на дискурсивный разум. Не нуждается в апологетике, потому что следует закону довести производительность до максимума без зависимостей. Здесь можно говорить о макрополитической реальности, состояние постмодерна порождено этими новыми социальными конструкциями. В этом состоянии постмодернистская политика должна стать предметом радикального эксперимента медиа техно-капитала, вбирающей знания, власть и информацию. (128, с.29).

4.2. Показатели постмодерна

Анализ социальных показателей в философской плоскости обнаруживает несколько дискурсов, в которых рассматриваются характерные черты постмодерности. Их, на наш взгляд, можно обобщить следующим образом: состояние знания и метанарративов¹, мировоззренческие предпосылки и дискурс культуры.

В целом основные особенности постмодерна, касающиеся статуса метасценариев и знания, могут быть резюмированы следующим образом:

1). Выступление против форм объяснения, включающих такие большие повествования, как диалектика духа, прогресс человечества, развитие, Просвещение;

2). В силу того, что гомогенное общество может быть создано только посредством прессинга, необходимо выступить против такого рода подходов;

3). Никто не владеет какой-то теорией или языком, постигающими и транслирующими то, что происходит внутри общества «независимо от времени и места». Язык и общество неразрывны;

4). Нет «мета-языка» и «мета-рассказов», охватывающих всех;

5). Оценка должна осуществляться в соответствии с критерием маленький/большой рассказ вместо критерия верности/ошибочности;

6). Чтобы не уничтожать самобытности ради достижения универсальных ценностей, необходимо стремиться к локальным ценностям; объектом науки должны стать отличия людей и обществ, нежели их аналогичные особенности;

7). Нет единой абстрактной рациональной категории, способной указать людям путь. От «тоталитарных» дискурсов следует отказаться, придерживаясь общей рациональной категории;

8) Знания действительности не могут быть сведены к конечным сущностям и основам. Истины – не производящиеся, а достигаемые категории. (117, с.93-94).

Постмодернистское миропонимание

Постмодернизм делает акцентуацию на границы разума. Мировоззренческие предпосылки могут быть проанализированы в следующих координатах: «распад – объединение», «частное – универсальное», «Другие – Я», «относительное – абсолютное», «плюральность – униформизм», «желание – разум», «туманность – чёткость», «предположение – истина».

1). *Распад – объединение.* Одной из важных особенностей постмодернистской мысли является дробление идейных единств, потому что эти союзы в

¹ Были отмечены в предыдущем подпункте.

действительности, – единства, субъективно проявляемые в отличной и раздробленной реальности. В своей основе – это отвержение Просвещения, пытающегося сформировать объединённое мировоззрение. Часто критикуемый постмодернистами Гегель, утверждая, что вся действительность рациональна, рациональное реально, разработал всеобхватывающую и всеобъясняющую метафизическую теорию. Постмодернизм же против введения действительности в абстрактные и общие идейные рамки/единства. В этой точке постмодернисты, отмечая, что только Бог может видеть мир как целое, вспоминают Кьеркегора, критикующего Гегеля. (178, с.186). В интерпретации Гидденса эта основная черта постмодерна характеризуется как разрыв в познании, личности индивида, придающий фрагментарный характер жизненному опыту. (39, с.150).

2). *Частное – универсальное.* Модернистские мыслители усматривали в частном часть универсального. Кьеркегора стали относить к пионерам постмодернизма в силу того, что он ставил частное выше универсального. (178, с.186)

3). *Другие – Я.* «Другой», «другость/отличность» – очень важное понятие в постмодернизме. Хотя все люди принадлежат к общему человечеству, каждый из них единственен. Следовательно, *Другой* не может быть сведен к чему-то внеличностному, его единственность не может быть принесена в жертву коллективному. Вновь постмодернистский подход прослеживается у Кьеркегора, расценивающего личность как более высшую категорию, нежели общество. Однако многие постмодернисты нашли справедливой критику Кьеркегора Бубером и поддержали Бубера. Бубер критикует Кьеркегора за

чрезмерную сфокусированность на индивидуальном (личном) опыте, в то время как истина проявляется только во взаимном диалоге «Я – Ты». (178, с.186-187).

4). *Относительное – абсолютное.* В постмодернизме присутствует стержень, доходящий до нигилизма. Постмодернисты выступают против авторитетов, традиций и не соглашаются с идеей о том, что человеческий разум может постичь объективную действительность. На постмодернизм существенно повлияли Ницше, Кьеркегор и Бубер, но, в особенности, заявление Ницше о смерти Бога. Следовательно, многие постмодернисты придерживаются мнения о том, что наши верования или нравственные оценки не имеют абсолютного базиса или критерия. Важнее всего то, что действительность относительна по отношению к социокультурному контексту, устоявшемуся языку и образу мыслей, внутреннему состоянию человека. Нет конечной и универсальной, объективной действительности, а это приводит к полному релятивизму и нигилизму. Многие постмодернисты во главе с Лиотаром пытались показать, что даже универсальные права человека относительны. (178, с.187). Данная установка постмодернизма проявляется в контекстуальном характере истины. (39, с.150).

Одной из основных составляющих постмодернистского видения является релятивизм. С этой точки зрения все знания относительны. Ценности и моральные правила вариативны в зависимости от времени, общества, личности, культуры и условий жизни. Следовательно, и истина, не будучи единственной, у каждого своя. (112, с.69).

5). *Плюральность – униформизм.* В качестве важного показателя «состояния постмодерна», обусловленного

концом «великих рассказов», выдвигается то, что мы находимся в состоянии разнообразия и часто конкуренции повествований (158, с.125). Следовательно, постмодернизм, в отходе от метатеории и системности, предлагает плюральность.

Отсутствие абсолютного и объективного и относительность действительности по отношению к образу жизни обуславливает отличные и все допустимые и правильные миры. Следовательно, почти все постмодернисты одобряют плюрализм в противовес униформизму/абсолютизму, потому что плюрализм требует признание отличия и выступает против господства какой-либо группы или идеи. Постмодернизм уважителен к многообразию и убеждён в том, что общество будет обогащено только за счёт такого разнообразия и плюрализма. (178, с.187). Эта черта постмодерна характеризуется З.Бауманом в книге «Признаки постмодерна» как распространение плюрализма культур буквально на всё: традиции, идеологии, формы жизни и т.д. (см. 7), делая жизненные формы равноценными.

6). *Желание – разум.* Вместе с Кантом разум был возведён на достойное место и обрел право единовластия. Естественные науки, проявляя интерес только к доказанному наукой и оставляя в стороне всё субъективное, имели целью освобождение от ценности. Однако человеческая жизнь нуждается в большем, чем только могут дать фактические знания, наука. Человек не только мыслящее, но и желающее существо. Мы нуждаемся в верном (правильном), однако, в то же время в любви, добре, прекрасном и священном. Многие постмодернисты желали расширить основания человеческого знания. (178, с.187-188).

9). *Туманность – чёткость.* Философия модерна нацелена на понятийную чёткость. Каждое понятие имеет категорическое и определённое значение, и в философии могут найти себе место только чёткие идеи и понятия. Задачей аналитической философии является придание чёткости понятиям, в то время как для постмодернизма характерна изменчивость, ошибочность, неясность языка, использование неопределённых и трудно понимаемых предложений, игра слов. (178, с.188).

10). *Предположение – истина.* Всё, не являющееся результатом рационального аргументирования, считается неверным. Для позитивиста, ограничивающего истину эмпирическим, всё вненаучное – предположение. Следовательно, постмодернизм извлёк истину из узких рамок и предоставил ей более широкое пространство. Для постмодернистов истина имеет ценностную нагрузку. Язык заранее определяет, что может считаться истиной. (178, с.188).

В этом измерении можно выделить несколько классификаций черт постмодернистского состояния. В большинстве своём характерные черты постмодерна даются в сравнении с модерном:

Модернизм / модерн	Постмодернизм/постмодерн
Иерархия, порядок, централизованный контроль	Анархия, нарушение порядка, отсутствие центрального контроля
Большие политические инвестиции (нация-государство, партия)	Микрополитические инвестиции, институциональные силовые столкновения, политики идентичности
Дискурс национальной идентичности и культуры; миф	Локальные дискурсы, ироническое разрушение больших повествований: противоположность мифов,

культурных и этнических начал	относящихся к основам
Дискурс большого прогресса посредством науки и технологии	Скептицизм в отношении прогресса, оппозиционные реакции технологии, религии новой эпохи
Вера в «действительность», открытую представителям и медиа, искренность «подлинного»	Чрезмерная реальность, насыщенность образами, большая жизнеспособность имитации по сравнению с подлинным, репрезентация того, чего в действительности нет, и их большая жизнеспособность по сравнению с существующим
Специализация в знании, охватывание всего: энциклопедии	Руководство, управление знаниями, знание только в случае необходимости, Web, интернет
Массовая культура, массовое потребление	Немассовая культура (demassified culture), маленькие рынки, малое производство
Медиа трансляция	Распределение медиа, которая влияет друг на друга и оказывает услуги клиенту, появление множества маленьких медиа (Network и Web)
Централизованное знание	Распределённое, распространённое знание
Разделение на высшую и низшую культуры; консенсус в отношении нормативности и авторитарности высшей или официальной культуры	Разделение власти высшей культуры и высшей популярной культурой; смешение популярной и высшей культур; поп-культура приобретает новые значения
Превращение деятельности и цели в искусство	Искусство как процесс, перформанс, производство

Искусство – оригинальный объект, сотворённый мастером	Искусство – переработка культуры, сотворённой слушателями (зрителями) и низшими культурами
Общие границы и чувство единства (в искусстве, музыке и литературе)	Гибридность, вновь связывание культур друг с другом
Архитектура и дизайн Нью Йорка	Архитектура и дизайн Лос Анджелеса и Лас Вегаса
Корни, восходящие глубоко /глубина	Корневища /поверхность
Серьёзность в намерениях и усилиях	Игра, ирония, реакция официальной серьёзности
Чувство объединённости, центральное положение личности; «индивидуализм», объединённая идентичность	Чувство разделённости и децентрализованное положение личности, множественные и конфронтационные идентичности
Открытая разница между органическим и неорганическим, человек и машина	Органическая и неорганическая смесь киборга; человек-машина-электроника
Соотношение сил, оформленное в соответствии с полом, однополость, недопущение порнографии	Двуполость, порнография
Детерминизм	Индетерминизм
Книга как толкователь мира, библиотека как система письменного знания	Высшие медиа как преодоление физических границ письменных медиа

Машина	Знание
Примитивный	Передовой
Объект	Субъект
Действительность, реальность	Иметь название, не существуя де-факто, (виртуальное /нереальное); образ
Материальное	Духовное
Притягательность	Отталкивать /отталкивающий характер/
Правило	Анархия
Место /пространство/	Отсутствие места; время
Дом	Метрополия

В вышеуказанной схеме можно не согласиться с пунктом «материальное-духовное», так как постмодернизм характеризуется, скорее, утратой духовного¹.

Сравнительная таблица² модернизма и постмодернизма по Ихабу Хасану. (47, с.6)³:

Модернизм	Постмодернизм
Романтизм / Символизм	Патафизика/Дадаизм
Форма (конъюнктивная, закрытая)	Антиформа (дизъюнктивная, открытая)
Цель, намерение	Игра
План	Случай
Иерархия	Анархия

¹ Данный тезис развит в главе «Постмодерн и сознание» (подглава 1.1.2. «Ценностный “синдром” постмодернизма», 1.1.3. «Постмодерн: аксиологический ацентризм»).

² Перевод приводится (выборочно) по: Орлова Э. А. Культурная (социальная) антропология. М.: Академический проект, 2004, с.394-395; непереведённые на русский части переведены Р.О.Рзаевой.

³ Имеется в виду следующий источник: Hassan, Ihab. *The Postmodern Turn: Essays in Postmodern Theory and Culture*, 1987.

Мастерство/логос	Исчерпанность/молчание
Произведение искусства/завершённая работа	Процесс/перформанс/хэппенинг
Дистанция	Участие
Созидание/порождение целостности/синтез	Деструкция/деконструкция/антисинтез
Синтез	Антитезис
Присутствие	Отсутствие
Центрирование	Рассредоточение
Жанр/границы	Текст/интертекст
Семантика	Риторика
Парадигма	Синтагма
Гипотаксис	Паратаксис
Метафора	Метонимия
Отбор	Комбинация
Корни/глубина	Ризома/поверхность
Интерпретация/прочитывание	Контринтерпретация/неверное прочтение
Обозначаемое	Обозначающее (субъект)
Читаемое	Написуемое
Нарратив/большая история	Антинарратив/малая история
Код мастерства	Индивидуальные особенности
Симптом	Желание
Тип	Мутация
Генитальность/фалличность	Полиморфизм/андрогинность
Паранойя	Шизофрения

Порождение/причина	Отличие-различие/след
Бог-Отец	Святой дух
Метафизика	Ирония
Определённость	Неопределённость
Трансцендентность	Имманентность

Сравнительная таблица отличий по Брайнину-Пассеку (198):

Модернизм	Постмодернизм
Скандальность	Конформизм
Антимещанский пафос	Отсутствие пафоса
Эмоциональное отрицание предшествующего	Деловое использование Предшествующего
Первичность как позиция	Вторичность как позиция
Открытие новых стилей	Цитатность
Оценочность в самоназвании: «Мы — новое»	Безоценочность в самоназвании: «Мы — всё»
Декларируемая элитарность	Недекларируемая демократичность
Преобладание идеального над материальным	Коммерческий успех
Вера в высокое искусство	Антиутопичность
Фактическая культурная преемственность	Отказ от предыдущей культурной Парадигмы
Отчётливость границы искусство-неискусство	Всё может называться искусством

4.3. Культура постмодерна

Культурные рефлексии или, другими словами, характерные черты постмодернити в культуре имеют

ярко выраженный характер. Отличительной тенденцией культурного пространства постмодерна является его демогенизация.

Гидденс (37) указывает на культуру как на четвёртое измерение современности и выдвигает мысль о том, что потенциально постмодернизм при построении всемирной карты современной культуры может предложить более превосходный метод анализа. (121, с.64).

Культура постмодерна, согласно Лачу (350), представляет собой процесс дедифференциации (обратный процесс культурной дифференциации – различение эстетических форм и реальной жизни, на что ссылается Вебер и Хабермас), когда культура постмодерна акцентирует в большей степени первичные процессы (желание), нежели вторичные процессы (эго), образы, нежели слова, вместо соблюдения дистанции – погружение наблюдателя в объект и желание объекта. (121, с.121).

Постмодернизм выражает современные культурные изменения со многих точек зрения и обращает наше внимание на отношения между сферами или «уровнями» культуры и направляет его (внимание) на рефлексивность, обуславливающую участие в процессе академических интеллектуалов как сторон, имеющих общественные интересы. (27, с.110).

Черты постмодернизма проявляются в разных измерениях:

Первое включает отчётливо наблюдаемые изменения в таких отдельных областях, как сфера искусства, интеллектуальная и академические области. (27, с.110).

Второе измерение включает изменения, проявляющиеся в производстве, циркуляции и формах

распространения символической продукции, в более широкой культурной сфере, понимаемой в рамках изменений, выражающихся во властных отношениях между группами и классовыми фракциями внутри общества и между обществами.

Третье измерение включает изменения, проявляющиеся в повседневной практике и опытах различных групп, начинающих в разных формах использовать режимы означивания как следствия отмеченных первых и вторых изменений и развивающих новые ориентации и конструкции идентичности. (27, с.110)

Наррации

Одной из важных черт культуры постмодерна выступает её нарративность. Отмечается, что даже само состояние постмодерна – это история существования самого подходящего нарратива. (128, с.19).

Ориентация на «повествовательные стратегии» акцентирует нарративность культуры постмодерна и обнаруживает плюральность самодостаточных и самоценных «нарративов», или рассказов. (248, с.77). Важная социокультурная особенность, имманентная постмодерниту, – преумножение популярных нарративов. Даже в этом значении популярная культура, созданная отмеченными нарративами, вырисовывается как признак постмодерниту. (21, с. xiii).

В гадамеровской интерпретации наррации свойственна процессуальность, конституирующая смысл. В Джеймисоновской интерпретации творящая реальность (56) нарративная процедура обуславливает её относительность. (248, с.78).

Следовательно, можно отметить, что нарративность характеризуется процессуальностью, плюральностью и относительностью.

В этом контексте постмодернизм, концептуализирующий и выражающийся в интеллектуальных и художественных практиках, может считаться индикатором или вестником более широкой постмодернистской культуры, ряда более масштабных изменений в производстве, потреблении и циркуляции культурной продукции и практик. Отмечается, что в результате эти тенденции, возможно, кладут конец одной эпохе и свидетельствуют о сдвиге в направлении постмодерности. (121, с.69).

Отсутствие каких-либо абсолютных категорических различий в постмодерне между «высшей» и «низшей» культурами не означает, что какой-нибудь текст или практика не может быть «лучше» какого-нибудь текста или практики (всегда должны сравниваться и открыто оговорено в сравнении с чем/для кого). Однако это значит, что больше не существует простых инстанций, в которые можно обратиться, которые нам позволяют с самого начала автоматически отличить хорошее от плохого. Такого рода ситуация (или даже определение такого состояния) вызывает страх – конец стандартов. Наоборот, если нашей задачей является отличить хорошее от плохого, пригодного от непригодного, прогрессивное от реакционного, не прибегая к категориям константных ценностей, это предполагает жёсткие стандарты, хотя и всегда допустимые. (167, с.182).

В особенности, в модернизирующихся обществах, в то время как, с одной стороны, осуществляется восстановление традиционных форм повседневной

жизни и /или соединение разными сложными и неожиданными путями способами традиционных и современных форм (89, с.86); с другой стороны, происходит устранение дифференциации (дедифференциация) и люди вновь обращаются к поискам корней. (146, с.231).

Среди характеризующих постмодернизм особенностей можно отметить стиль ретро и конец традиции. (181, с.46).

В этой призме наблюдается конструирование Культуры как свободного варьирования, в которой разнородные элементы свободно, произвольно соединяются в единое целое, что обуславливает фрагментарность.

Плюральность

Постмодернистский тип культуры характеризуется термином «ризомы» (фр. rhizome – корневище) Ж.Делёза и Ф.Гваттари. Организация, основанная на внеструктурности и нелинейности, предполагает вариативное конфигурирование. (270, с.656).

Принципы формирования ризомы отражают логику возникновения новых культурных форм: «принципы связи и гетерогенности, объясняющие связь любой точки ризомы с любой другой, и, наконец, принцип множественности». Аналогия между ризомой и мультикультурализмом усматривается в объединении в себе последним разнообразия и множества. (239).

Ризоматичность показывает децентрализацию постмодерна. Принцип децентрированности выражается в движении от Культуры к культурам, что перекликается с плюрализмом постмодерна. С этой точки зрения постмодернистский подход в объяснении истины

признает более одного принципа. Он признаёт плюрализм в культуре. Данная тенденция выражается в утверждении плюрализма субкультур, идеологий стилей жизни, усиливающейся толерантности.

Плюральное понимание в культуре подразумевает потерю действительности господствующей культуры. Не признается разница между низшей и высшей культурами. (112, с.69), (182, с.267). Постмодернिति возвышает массовую культуру, придавая значение низшей культуре в противовес высшей. (161, с.90).

Исчезновение расстояния обуславливает популярную культуру, освящение личности – релятивизм и субъективизм как характерные черты постмодернизма. (161, с.10).

Основные черты постмодернизма, наряду с вышеперечисленными, могут быть резюмированы в искусстве следующим образом: смесь (гибридность) стилей, поддерживающая эклектизм и смешение кодов; приветствование пародии, пастиша, иронии, игры и поверхностной «неглубокости» культуры; потеря уважения к оригинальности (своеобразию) /гению творца искусства; предположение, что искусство (творчество) состоит только из повторов. (121, с. 28-29).

Стирание границ элитарного и массового искусства, искусства и повседневной жизни, высшей и массовой/популярной культур, общая произвольность стилей и игровая смесь кодов приводят к отсутствию представлений о нормативности и девиации.

В обществе постмодерна негативное отношение к субкультурам и контркультурам – девиации в силу того, что последние не являются общепринятой культурой – нормой, то есть разделительная грань отсутствует.

Эти формы, акцентирующие тенденцию разрушения постмодернистскими теориями культурной классификации, уравнивание и урегулирование символических иерархий, антифундаментализм, могут быть связаны с тем, что считается характеристикой постмодернистских опытов. (121, с.114).

В этом контексте акцентируются эстетизация повседневной жизни и превращение реальности в образы (6).

К стиранию разницы между высшей и низшей культурами приводит «сжиживание знаков и образов». (53, с.112).

Симулякры способствуют размыванию границ китча и высокого искусства, так как в культурном плюрализме каждая субкультура имеет право на существование. Потребление зрительскими массами посредством телевидения симулякров культурных продуктов также способствует исчезновению разграничения «нормативность – девиация».

Художественная практика постмодернизма характеризуется эклектичностью, мозаичностью, ироничностью, игровым стилем, пародийной интерпретацией традиций. (269).

Постмодернистская эклектика

Как антипод модернистской упорядоченности эклектичность постмодерна, проявляющаяся в различных сферах общества, выражается в трансформации последовательной системы в конгломерат (произвольное соединение разнородных элементов и фрагментов). (221, с.35).

«Эклектизм является отравной точкой современной культуры: по радио слушают реггей, в кино смотрят

вестерн, ланч в McDonald's, ужин в ресторане с местной кухней, используют парижскую парфюмерию в Токио и одеваются в стиле «ретро» в Гонконге». (70, с.76).

Джеймисон наряду с разнообразием стилей, гетерогенностью, симуляциями отмечает и пастиш, обуславливающие потерю референта (обозначаемого), «смерть субъекта», конец индивидуализма. (53, с.15).

Пастиш как индикатор постмодерна в текстовом измерении – «практика письма», представляя своеобразную форму самопародии и самоиронии, ироническую игру цитат и аллюзий, отражает сознание писателя. (223, с.232). Пастиш, для характеристики которого зачастую использую слово «винегрет», используется также для характеристики распада западной ментальности на несвязанные фрагменты, их выстраивания в разные конфигурации.

Одной из важных особенностей отмеченного образа жизни, начавшегося укореняться, в особенности, в городах, является потеря субъектом центрального значения, наблюдаемого в модернити. Таким образом, чувства выходят из-под контроля, на передний план выходят сиюминутные чувства и эмоциональные опыты (которые раньше были контролируемыми и считались угрожающими особенностями). Самым важным результатом потери субъектом центрального значения является то, что чувство привязанности к общине становится заметным и это породило новую «эстетическую парадигму». Некоторые социологи общины, концентрирующиеся вокруг такого рода общин, называют «постмодернистскими племенами». (27, с.101).

Дезинтеграция общества, центробежные тенденции, проявляющиеся в преумножении локальных идентичностей, способствуют большей видимости в

обществе маргинальности, так называемого «нового трайбализма». Такая «племенная социальность» отличает постмодерное общество от классического. (269).

Отмечается, что в таком мире не будет места беспокойству и отчуждению, вызванным модернизи (142, с.75); отвергается господство какого-либо тотализирующего образа мышления. (146, с.237). Следовательно, общества вошли в «состояние», называемое «постмодернити», бросающее вызов всем характеристикам модернизи, противопоставляющее реакцию прогрессу, прошлое – сегодня, репрезентацию – абстрагированию, китч – авангарду и др. (161, с.86).

В целом можно отметить, что всё это свидетельствует о центробежном и беспорядочном характере социальных трансформаций. (39, с.150).

В 1980-ых годах финансовый взрыв, вызванный «поздним капитализмом», не только выдвинул класс, называемый “уирру”, но и породил постмодернистскую «культуру», присущую этому классу и сбивающую с толку цели концепции модернизи. (94, с.5). Эта культура вышла на передний план как новое «состояние общества». Повествуя о «культуре постмодерна» необходимо не упускать из виду то, что постмодернистский образ жизни идентичен “уирру” нового среднего класса. В этом контексте усвоение данного образа жизни (выражающееся в предпочтении одежды, свободного времяпровождении, продуктах потребления и телесных особенностях) символизирует общественную структуру, где нет устойчивых статусных групп. А это означает в итоге распространение социальных отношений, оформляющихся вокруг нестабильной и иеиерархической культуры потребления, для которых

характерно множество имиджей (образов) и обилие информации. (93, с.211).

Образность – симулякр

В качестве двух основных индикаторов отмечается следующее: превращение реальности в образы и разложение времени на ряд хронических «сегодня». В качестве показательной рамки отмеченного разложения отмечается шизофрения, так называемая шизофреническая разорванность времени в джеймисоновской интерпретации.

Шизофренией считается разложение отношений между означающими, преходящесть, разрушение чувства памяти и истории. Опыт шизофрении – это опыт «несвязуемых в гармоничной последовательности изолированных, несвязанных, непродолжительных материальных означающих». (53, с.119).

С культурными акцентами постмодернизма в большей степени связывают Бодрийяра. (181, с.52). В рамках шизофрении как компонента постмодернизма анализируется Бодрийяром фрагментарное мировосприятие зрителя – любителя телевидения, постоянно меняющего каналы. (3).

Сегодня то, что раньше достигалось путём расколдовывания мира, в период позднего модерна достигается путём его заколдовывания. (156, с.66-67). Бодрийяр передаёт эти изменения через симулякры и симуляции как механизмы формирования гиперреальности и представляющую собой их совокупность. (109, с.171).

Гиперреальность – стирание различий между реальным и воображаемым. Отсутствие референтов обуславливает симуляцию, образность, формирующуюся

в результате серии трансформации первых (референтов): отражения сущности, искажения и маскировки, сокрытия её отсутствия, разрыва с реальностью, отсутствия соотносимости с последней, то есть эмансипации и превращения в автономный симулякр. (109, с.14, 20). Апелляция к «реальному» объекту отсутствует на фоне воображаемого представления о реальности, её иллюзии. В результате происходит полная трансформация отношений человека с миром, когда символические системы, масс-медиа конструируют своеобразную гиперреальность, искусственный культурный текст, в рамках которого может быть прочитано то или иное явление¹.

Создание гиперреальности

В этом контексте примечательно, что Бурдье отмечает угрозу превращения телевидения в «инструмент символического угнетения». (201, с.24).

Эффект создания реальности определяется как непредвиденное, латентное последствие телевидения: «Телевидение показывает и заставляет поверить в то, что оно показывает... Мало-помалу телевидение, которое по идее является инструментом отображения реальности, превращается в инструмент создания реальности». (201, с.34-35).

Таким образом, гиперреальность конституируется через способность телевидения «скрывать, показывая: ...показывая события таким образом, что они приобретают смысл, не соответствующий действительности». (201, с.31-32).

¹ О симулякрах и симуляции более подробно на примере конкретных индикаторов постмодерна во второй части исследования.

Телевидение посредством символической власти «оказывает структурное давление на другие поля». Имеется в виду поле политики, поле культуры, поле религии и т.д. и, в частности, наделение символическим капиталом определённых социальных акторов. (201, с.73).

В этом измерении актуализируется необходимость «общими усилиями бороться с угрозой инструментализации телевидения». (201, 26).

4.3.1. Постмодерн и социальные медиа

Социальные медиа как одно из многозначных и ёмких понятий современного мира могут быть проанализированы в контексте понятия «постмодерн», используемого для характеристики современных явлений.

В дискуссиях о постмодернизме большинство интерпретаторов сходится в том, что он связан с развитием популярной культуры в конце двадцатого века. То есть, как бы ни характеризовали постмодернизм, как новую историческую эпоху, новое мироощущение или новый культурный стиль, популярная культура считается областью, где присутствуют яркие примеры этих изменений.

В этом ключе можно проследить ряд параллелей между социальными медиа и постмодерном. Они могут быть проведены как между положительными, так и между отрицательными аспектами понятий, и прослежены в следующих измерениях:

- ✓ Смерть автора
- ✓ Обилие информации
- ✓ Чувство принадлежности к определённому сообществу

- ✓ Коммуникации
- ✓ Виртуальные миры

Замена прежней реальности «новой реальностью», так называемой «виртуальной», характеризует констатацию ситуации завершения процесса овеществления общества (221, с.39-40), которая в Бодрийеровской интерпретации была определена как «утрата» реальности. (109, с.14).

Ситуация, когда читатель в то же время выступает автором, перекликается с таким индикатором постмодерна, как «смерть автора».

В то же время, такие тенденции постмодерна, как обилие информации, распределение и обмен ею, корреспондируют со многими проявлениями социальных медиа.

Апелляция социальных медиа к чувству принадлежности к определённом сообществу в отличие от СМИ, опирающихся на авторитет, созвучна ситуации, когда идентичность в постмодерне актуализируется и формируется множество идентичностей на основе общности интересов, вкусов, символов, характеризующих эту принадлежность и т.п.

Такие особенности социальных медиа, как доступность информации и отсутствие пространственных ограничений, соотносятся с такими проявлениями постмодерна, как гиперреальность и сокращение времени-пространства.

В частности, термины «симуляция» и «гиперреальность» в книге «Симуляции» (Simulations, 1983) Жана Бодрийера используются для описания «медиазации» реальности в современном обществе. (109).

Вероятно, сложно будет сказать, где заканчивается посредством соответствующей технологии компьютерная симуляция и начинается реальность. (163, с.373).

Социальные медиа, являясь группой интернет-приложений, основанной на идеологической и технологической базе Web 2.0, обеспечивают переход от одностороннего к двухстороннему и одновременному обмену информацией. (60, с.59-68).

Очень важной особенностью социальных медиа, отличающей их от традиционных, является то, что первые могут быть изменены посредством комментариев и пересмотра, в то время как вторые после создания не могут быть подвержены изменениям (например, статья после её издания и распределения не может быть изменена).

Исчезла чёткая грань между производителем контента и тем, кто его отслеживает. (15). Зачастую эта ситуация интерпретируется также следующим образом: обрели значение идеи, а не факты, стало важным быть не объективным, а искренним.

Всё это актуализирует понятие «гипертекста».

Гипертекст – это электронный текст, который обеспечивает связь между важными элементами, позволяя читателю продвигаться непоследовательно среди информации. Идея гипертекста является сегодня ключевой технологией мировой Интернет-сети.

Термин был введён Теодором Нельсоном: «Под «гипертекстом» подразумеваю непоследовательный, расширяющийся и предлагающий читателю альтернативы письменный текст, хорошо читающийся на взаимодействующем экране». Нельсон запланировал гипертекст в утопическом стиле как энциклопедическое

собрание всех напечатанных текстов в глобальной гипертекстовой системе «Xanadu». (163, с.291).

Согласно некоторым критикам и теоретикам, нелинейность, связность и централизм гипертекста, эмпирически демонстрируют концепции, связанные с чтением и текстуальностью, развитые Деррида, Бартом и Фуко. Джордж Ландау (George P. Landow) в книге «Гипертекст: конвергенция современной критической теории и технологии» (*Hypertext: The Convergence of Contemporary Critical Theory and Technology*, 1992) выдвигает следующее: «критическая теория обещает теоретизировать гипертекст, и гипертекст, конкретизируя стороны теории, связанные в особенности с текстуальностью, повествованием и ролями или функциями читателя и автора, обещает таким образом их испытать». В то же время такие критики, как Ландау и Дэвид Болтер, считают, что гипертекст стимулирует более «естественный» и ассоциативный стиль чтения. В последнее время критикуется утопизм, существующий в природе многих теорий гипертекста: например, в то время как очевидны сходства между гипертекстом и произведениями Деррида, неясно, что значит «реализация» или «выполнение» такой философии, как (не являющейся в традиционном смысле проектом) деконструкция. (163, с.291-292).

Интернет, который является электронным пространством, которое основатель «киберпанк» Уильям Гибсон назвал «компромиссной галлюцинацией», объединяющий политически технологическую реальность за счёт потенциала обширной галлюцинации, во многих отношениях является показательной постмодернистской темой и даже дискуссионно

архитектурой постмодернистской культуры. С тех пор оно (пространство) увеличивается в геометрической проекции и развивается без наличия отношений собственности информации, где каждый может наладить контакт с другим. Демонстрируя развитие того, что Говард Рейнгольд назвал «виртуальными сообществами», отстаивается как источник и (являясь проблемой географии киберпространства) как пространство нового утопического, политического порядка. (163, с.298).

В результате, сегодня со многими политическими противоречиями, относящими к постмодернизму, и посланиями, которым приходится существовать в постмодерне и постиндустриальных обществах, ведут борьбу через «Нет». К примеру, как и следует из «Состояния постмодерна» (*The Postmodern Condition*, 1979), желание Жан-Франсуа Лиотара открыть все базы данных основывается на его тезисе, что в компьютеризирующемся обществе информация – власть. (234, с.20). Заявление Лиотара перекликается с убежденностью идеологов интернета «информация хочет независимости»; в то же время, общие интересы, обеспечивая поток демократизированной информации, способствуют коммерциализации интернета. (163, с.298).

В этом ключе можно отметить «доткомы» (точкакомы, dot.coms) – термин, применяющийся по отношению к интернет-компаниям, которые пользуются новой технологией, чтобы создать новую компанию, основанную в большей степени не на производстве, а на услугах, и ведущие комплексную торговлю через интернет. Переход от производства к услугам, именуемый постфордизмом, с точки зрения этоса можно характеризовать как постмодернистский. (163, с.345).

Метафорическая абстракция «киберпространство», используемая в философии и в компьютерах, выражает виртуальную реальность, которая также характеризуется как положительными, так и негативными сторонами.

Киберпространство – это отсутствующее пространство, которое везде и в то же время нигде. Это пространство есть: оно как не имеющая центра сеть глобальных сетей называется Интернет. Взаимодействуем: это называется MUD (Multi User Domain, русский вариант – МПМ (многопользовательский мир)). Промежуточную плоскость человек/машина можем сделать проницаемой, это называется виртуальной реальностью. (163, с.378).

Отсутствие референциальности – связи между образностью и воображаемой реальностью порождает независимый симулякр – виртуальный артефакт. Данная ситуация является выражением утраты означаемого (Ж.Деррида), его замену правилами языковых игр. Появление фантомного объекта в результате исчезновения означаемого, порывающего с онтологической основой, не отражающего реальность и вытесняющего её гиперреальным дублемом, выражает логическое продолжение этой темы в виртуальном мире. (241, с.23).

По мнению некоторых, киберпространство создаёт глубокие эпистемиологические и онтологические проблемы, однако многие склоняются к тому, что демократия Интернета – это потенциальная свобода, не уступающая половой, расовой и физическим идентичностям материального мира. (163, с.378).

Существует мнение, что в силу того, что в использовании социальных медиа все индивидуумы, воздействующие на контент, равны, то это создаёт

соответствующую среду для укоренения демократического мышления. Таким образом, пользователи платформ социальных медиа находят возможность свободно выражать свои мысли. Эта ситуация, комментарии к мыслям, которые пользователи интернета выдвигают, обмен информацией с людьми, с которыми они знакомы или не знакомы, комментарии других людей и ответные сообщения формируют среду социальной коммуникации и постепенно виртуальные сообщества.

Интенсивный и быстрый обмен информацией, который обеспечивают социальные медиа и который перекликается с постмодернистской концепцией мультикультурализма, уподобляющейся ризоме, вбирающей в себя и плод, и сорняк, в то же время вызывает опасения, обусловленные её неизбирательной, необработанной несистематизированной передачей, что может привести к ассимиляции культур, потере ими самобытности. В этом измерении интенция диалога культур, расцениваемая как положительная черта постмодернистского дискурса, может привести к негативным последствиям. (239).

Следовательно, социальные медиа, являясь неизбежной реалией сегодняшнего дня, потенциально содержат ответы на многие вызовы современности, и соответствует многим ориентирам постмодернистской культуры.

4.3.2. Интеллектуалы и постмодерн

С постмодернити в целом культура более перестаёт быть связующей устойчивой категорией. В результате этого культура перестала быть возможно

контролируемой со стороны интеллектуального класса. (21, с.2, 9).

Постмодернизм в то же время – вызов традиционным ролям интеллектуалов. Одна из важных социальных функций интеллектуала – опекать высшую культуру и оберегать от популярной тенденции лишения её обоснования. (175, с.155). Утверждается, что интеллектуалы определённо заинтересованы в сопротивлении демократизирующему, популистскому духу постмодернизма и в поддержании авторитета говорить от имени человечества. (55, с.5).

В постмодернизме интеллектуалы переживают кризис идентичности и статуса в результате снижения спроса на их продукцию.

Девальвация интеллектуальной продукции есть более общее общественное обесценивание. Исходя из этого Хасан (45) выделяет следующие тенденции в постмодернистской теории: называемое «неопределённостями» – открытость, плюрализм, произвольность, эклектизм, непоследовательность, паралогизм, интертекстуальность, приоритет множества перед единичным, а называемое «имманентностями» – обращённость в духовный мир, формирование себя посредством расплывчатой символичности и попадание в «ловушку» распространения и распределения знаков, предупреждающих реализацию всех других метанарративов. Отстаивается точка зрения, что появление усвоенной под флагом постмодернизма антифилософской, антифундаменталистской философии выражает потерю веры западных интеллектуалов в превосходство своих проектов, то есть, веры в то, что человечество имеет потенциал и влияние сформировать нацеленные стандарты истины, морали и стиля. Бауман

это признание мультикультурализма связывает с изменением социальных ролей интеллектуалов, что связывает с тем, что сегодня для воспроизводства формы господства государство не нуждается в легитимности, как раньше. Наблюдается ещё большее ослабление статуса интеллектуалов с увеличением масштаба производства неконтролируемой культурной продукции. (121, с.79-80).

Постмодернизм изменил социальное положение интеллектуалов и обусловил потерю ими авторитета и чувства миссии, которую они взяли на себя. (161, с.109). Отмечается утрата интеллектуалами универсального авторитета. (67). Открытое признание интеллектуалами своих интересов и появление «частных интеллектуалов» в противовес «универсальным» оценивается как положительный шаг. (см. 18). В то же время наличествует точка зрения, что разрушение универсальных интеллектуальных проектов «последних интеллектуалов», у которых нет последователей в поколении, вызывает интерес. (51).

Постмодернизм смешивает высшую и низшую культуры посредством пародии и иронии в новой культуре китча. Таким образом, он критически анализирует традиционные иерархические узоры высшей и низшей культур. В то же время последствия глобализации расплавляют локальные и глобальные культуры в новом плавильном котле мультикультурализма. Так как высшая культура не может быть локальной, это оказывает важное воздействие на интеллектуальную возможность этого эффекта глобализации как социальной роли. Несомненно, постмодернизм в то же время открывает

новые возможности для интеллектуала как интерпретатора состояния постмодерна. (175, с.155-156).

Эта трансформация их роли, отдавая их от позиции законодателя, отвела им роль интерпретатора, играющего многослойными жизненными пространствами и языковыми играми в культурном архиве человечества, транслирующего их расширенной, популярной «временной» аудитории. (8). Эти интеллектуалы обладают постмодернистским мышлением, выполняя коммуникативную функцию путём передачи идей одного общества другим, обеспечивают интерпретацию и предотвращение искажения в процессе трансляции, «перевода». (См. 70, с.156).

При анализе связи между процессом постмодернизации и новой мелкой буржуазией, состоящей из новых посредников культуры, предлагающих символические товары и услуги, наблюдается, что эти «новые интеллектуалы», открытые для изучения жизни, – любители идентичности, репрезентации, видимости и образа жизни. В основном, «новые интеллектуалы» испытывают такое уважение к образу жизни людей искусства и интеллектуала, что сознательно изобретают искусство жизни, являющееся продолжением их персоны, которой необходимо стилизовать тела, дома и автомобили для проявления индивидуальности носителя. Этот поиск дифференциации путём достижения более утончённого образа жизни, «делает различительные манеры, игры и другие внешние показатели ранее причисляемого интеллектуалам духовного богатства практически доступными для всех» (17, с.370-371). Поэтому новые посредники культуры способствуют передаче как новой

культурной продукции, так и интеллектуального образа жизни более широкой публике.

В заключение

В целом локальное и глобальное – две стороны постмодерна, перетекающие друг в друга. Выражение в социологии этого «двуличия», следовательно, обезличивания, потери лица, стало быть, состояния серости и бесцветности (невыразительности) осложняет процесс отождествления, то есть в смысле толкования чего-то посредством прямой или опосредованной идентификации с чем-то другим, и приводит к гибридности, смешанной идентичности; в философии – к различным формам релятивизма, доходящим в крайней степени до нигилизма, следовательно, к бессмыслице; в религии – к плюрализмам, то есть сведению всякого рода религиозных форм к плоскости «религия» и «религиозность», формам нео-секуляризма и др. (145, с.144). Таким образом, постмодернити можно охарактеризовать и как переход от категоричности позитивной науки в модернити к обобщённой неопределённости (неизвестности). Но можно сказать, все, кто характеризует постмодернити, придерживаются одинакового мнения относительно того, что современный мир переживает тяжёлый кризис. (143, с.23).

Итак, история состояния постмодерна заключена в следующем: с одной стороны, история эволюции капитализма в техно-капитал, с другой стороны, история подхода к концу марксистского метанарратива и реакция на вакуум, оставленный этим самым успешным критическим репертуаром. (128, с.29-30).

Согласно Лиотару, событие – феномен, драматически меняющий наше мировоззрение и в процессе вызывающий скепсис в отношении всех идеологических гипотез. Знать, что существуют непредусмотренные и неохваченные в любой упорядоченной универсальной теории явления, значит знать не только границы метанарративов, но и в то же время знать отчётливо будущее. Эта позиция превращается в принцип, убеждение постмодернистов. Будущее не должно рассматриваться как заранее определённое, когда все человеческие усилия бессмысленны.

По сути дела, постмодернистская философская мысль не исходит из категорического предварительного принятия или отказа относительно их верности или ошибочности. Она признаёт ценность в отдельности суждений людей, придерживающихся этих идей. Однако выступает против выдвижения их приверженцами своих взглядов и убеждений как безальтернативных моделей (110, с.500) с посылкой на тезис, что определённая идея не может быть поставлена в центр. (179, с.72).

Такие часто связываемые с постмодернизмом послышки, как «конец социального», «конец нормативности», «конец интеллектуалам», «конец авангарда» и, в целом, «конец миллениума» могут свидетельствовать не только об упразднении всех прежних рамок, но и о развитии более гибких способов классификации. Это может быть новым дискурсом, обуславливающим более гибкую плодovitую структуру, в которой признается ряд отличностей и по отношению к последним проявляется толерантность. Такая ситуация может возникнуть на фоне отсутствия реакций строгого исключения и подавления столкновений, которые раньше воспринимались как угнетающие.

обременительные или представляющие угрозу самим себе. (27, с. 232-233).

Данное представление имплицитно постулирует новый тип миропознания и мироощущения в отходе от дихотомических, то есть взаимоисключающих категорий.

ГЛАВА V. ПОСТМОДЕРН: МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И ДИАЛОГ

5.1. Постмодерн: дискурс глобализации

В современную эпоху тенденция расширяющегося взаимовлияния культур способствует размытию различий между «своим» и «чужим». Сегодня можно говорить о существовании всемирной культуры, которая, в отличие от мировой культуры как совокупности различных культурных образований, представляет собой единую интегрированную систему общечеловеческой культуры, в то время как постмодерн характеризуется мозаичностью ценностей и норм, культурных фрагментов внутри национальной культуры, зачастую сосуществованием плохо совместимых фрагментов культуры, неоднородным социумом. В то же время, обе тенденции – глобализация и постмодерн выступают как характерные черты современности.

На фоне указанных явлений вырисовывается соотношение постмодерна и глобализации как двух тенденций современности, провозглашающих гетерогенность и гомогенность, соответственно имеющих противоположную направленность.

Время и пространство

В качестве характерных черт конца двадцатого столетия отмечается постмодернистами дробление опыта и сжимание времени и пространства (так называемая глобальная «компрессия»). Сегодня изменения в структуре многонациональных компаний способствуют глобализации производства. (181, с.51).

С ослаблением односторонности времени стало расширяться понятие «репрезентативного» пространства. (158, с.126). «Постмодернистская глобализация» – процесс, когда виртуальная реальность становится последней стадией. (161, с.213).

При анализе глобализации в дискурсе постмодерна предметом дискуссий становится в большей степени вопрос корреляции глобализации с постмодернизацией, а не с постмодернизмом, то есть процессуальным проявлением этой ситуации и её экономическими показателями.

Глобализацию связывают с постмодернизацией ещё и потому, что гипер-потребительство связано с постмодернизацией.

Постмодерн имеет важные связи с глобализацией в двух направлениях, то есть два важных результата глобализации выступают в качестве главной причины культурной постмодернизации: первая – релятивизм и мультикультурализм, перекликающиеся с анализами «аномии» Дюркгейма в значении кризиса норм, появившегося вместе с урбанизацией, вторая же – культура потребления, выпаривающая ценности, верования и всякого рода затвердения, смягчая всякую твёрдость. (172, с.20-21).

Существует точка зрения, согласно которой глобализация является одной из социальных причин культурной постмодернизации. Под данным углом зрения утверждается, что глобализация приводит к растущему разнообразию и смешиванию культур посредством навязывания разнообразия традиций какому-нибудь сообществу. Таким образом, культурная глобализация ориентирует современные общества и, в особенности, интеллектуалов на новую рефлексивность в

отношении аутентичности культур, социальных статусов и культурных иерархий. Хотя общества всегда сталкивались с другими культурами и инородным вмешательством, глобализация порождает совершенно новый мультикультурализм и уровень культурного разнообразия. (175, с. 152-153).

При анализе глобализации и культуры потребления в контексте постмодерна акцентируется неопределённость в констатации роли глобализации в процессе постмодернизации, так как сущность глобализации, как и модернизации и глобализации, не обладает определённостью как в математическом уравнении. К тому же корреляция глобализации с современностью (модерном) туманна параллельно связи с сущностью интеллектуального конструирования понятия «глобальности». (172, с.23).

5.1.1. Глобализация и глокализация

Наблюдаются колебания между акцентированием своеобразия и глобализацией современности. Эта напряжённость между идентичностью и современностью в западных контекстах принимает более привлекающее внимание характер и драматическую форму. Возможно ли креативное напряжение между приверженностью своеобразию и основными принципами современности, не допускающее уничтожения одного другим? Как может быть понято диалектическое сосуществование современных преходящести и постоянства? (126, с.135).

Под влиянием глобализации постмодернизм распространяется на западные общества.

В противовес утверждению, что ислам выступает как «субглобальная культура», убеждённость большинства

исламских обществ в том, что ислам самодостаточен, сохраняющееся нежелание открываться другим культурам также означает отказ позиционировать себя в качестве субглобальной культуры. Даже, наоборот, благодаря сильному развитию в области коммуникаций, информации, становление легкодоступными самых отдалённых частей мира или, выражаясь словами Рональда Робертсона, превращение мира в «единое пространство» (single place) включает глобализацию «незападной» культуры. Таким образом, вопрос сводится не к отрицанию глобализации, а к её оформлению, что, в конечном счете, способствует ориентации на альтернативное универсальное в отказе от универсального вне себя. (161, с.211)

В соответствии с модернистской теорией изменений, которую характеризует только экспансионистский и односторонний, однобокий, линейно-причинный подход в одной плоскости, чем больше модернизируются общества и индивиды, тем более они будут походить друг на друга. (35).

Одна из аналогий между глобализацией и постмодерном – в обоих случаях наблюдается тенденция «возврата к корням», который выступает реакцией на происходящие процессы. В качестве протеста унификации отмечается уход в себя, в свою внутреннюю сущность, поиск своего внутреннего «я» на основе национального, обусловленные глобализацией, интеграционными и интернационализационными процессами, вызывающими стирание границ, введение евровалюты и т.д. Однако процесс интеграции, ставя людей над национальными границами, в то же время может сопровождаться повышенным интересом к проблемам какой-то одной нации. (255).

Постмодерн и локализация

Сегодня с усилением глобализации наблюдается усиление локализации, что находят неудивительным, так как определяемые экспансионистским модернизмом процессы социализации и субъективизации – диалектический процесс дезинтеграции/интеграции. К примеру (как усиление локализации), можно отметить опыты модернизаций незападных обществ, «теорию культурной модернити» (например, Тэйлор) или разнообразные дискурсы «мультикультурализма» (например, Геллнер, Рорти, Тэйлор). (131, с.16).

Под глобализацией подразумевает некий процесс теоретизации, в большей степени, когда локальность замещает глобальные образования, чем наличие глобальной продукции внутри локального. (173, с.20-25).

Акцентуация в большей части постмодернистских дискуссий значения отличия и инаковости обуславливает связь постмодернистской критики универсалистских категорий и процесса локализации. (177, с.44).

Понятие «глокализация» (glocalization), образованное из соединения английских слов "globalization" и "localization", – одно из понятий, которое в последнее время широко заимствуется и используется. (100, с.151). В Оксфордском словаре новых слов (74, с.134) термин «глокальный» (glocal) и название процесса «глокализация» (glocalization) образуются посредством редуцирования «глобальный» (global) и «локальный» (local).

Глокализация выражает вкратце «глобальное мышление, исходя из глобальных реалий в международных отношениях; открытость внешнему, интеграцию с мировой экономикой вместо автаркии;

внутри страны же большее усиление местных властей вместо направления экономики и политики посредством каналов центрального управления». Отмечается, что локализация предупредит сосредоточение политической силы в одних руках. В том же значении, что и локализация, используются понятия «децентрализация» и «децентрализованное управление». (100, с.151).

Явление глобализации связывается с большой революцией в коммуникационных технологиях. В мире есть «всеобщая сеть», созданная средствами коммуникации. Одни и те же меседжи (сообщения), изображения средств коммуникации достигают всех локальностей одновременно. Глобализация на основе дихотомии универсального-локального осуществляет также функцию приращения локального к универсальному. (180, с.43).

Глобализация характеризуется как превращение культурных кодов обществ в цели, которых необходимо достичь, и их гомогенизация. В этом смысле могут быть рассмотрены в современном мире появление идентичностей, становление личного политическим, уменьшение влияния или исчезновение центральных организаций и структур, наконец, соответствие стереотипов поведения индивида глобальной платформе и введения лозунга этого в такие парадоксальные рамки, как «глобально мысли, локально живи». (161, с. 218).

В целом вышеотмеченный вопрос (глокализация) характеризуется вариативными дискуссиями.

5.1.2. Глокализация и идентичность (гибридность)

«Глокализация» (83, с.1, 131), «производная культура» (149, с.144) и «третьи культуры» (30, с.114) – отдельные и различные индикаторы соединительной модели.

Основная цель Робертсона в использовании этого понятия (глокализация) состоит в выдвижении тезиса о том, что современные локальности в большинстве случаев производятся в схожих с глобальными терминами вещах, однако это категорически не означает, что все формы локальности по этой причине гомогенизированные. Это в настоящее время показатель желания акцентировать взаимодействие между глобальным и локальным. Понятия «производные» и «третьи культуры», помимо дифференцирующих намёков, также используются для анализа моделей формирования новой идентичности поверх глобального и локального. К тому же необходимо отметить, что данные понятия – отдельные показатели желания акцентировать отношения глобальное-локальное не через антагонизм, а через соотносительность. (см. 158).

Отмечается, что идентичность – сосуществование, соединение глобального и локального. Глобализация не может считаться только гомогенизацией культуры или идентичности. Обратному процессу свойственна как гомогенизирующая-кооперирующая, так и гетерогенизирующая-разделяющая функция. Общественное воображение как имеет схожие черты, формируется общее воображение человечества, так и фрагментарно. Другими словами, контексты глобализации и локализации должны считаться процессами, в которых тайные истории, отличия имеют свои собственные воображения, фрагментарные воображения – желание стать видимыми. (104, с.242-243).

Соединение глобального и локального как экономическое, так и связано с политическими и культурными факторами. Глобальный капитализм

вместо того, чтобы «другизировать» локальное, включая его в глобальный процесс, ставит задачей расширить потенциал рынка. В ряде случаев же локальное конструирует себя в качестве альтернативы, исходя из противоположной позиции. Рост расистских тенденций религиозных движений и субэтничностей основано на таком противостоянии. Однако мы не можем сказать, что эта оппозиция полностью подпитывается локальным. В той степени, в которой локальное имманентно глобальному, глобальное также имманентно локальному. К примеру, религиозное движение (как локальное), выражая себя через интернет, участвует в глобальном, в то время как его цель – мечта об оппозиционной, альтернативной социальности. Для реализации этой мечты использование возможностей, обеспечиваемых глобальным, неизбежно. Аналогичным образом и глобальное свое воспроизводство осуществляет за счёт включения локального. (104, с.243).

Существует точка зрения, согласно которой новый тип глобализации или «глобальную массовую культуру» характеризуют две особенности. Первая – то, что эта культура, как и прежде, продолжает оставаться западоцентристской. Вторая же – «странная форма гомогенизации. Эта культура – форма гомогенизирующей культурной репрезентации, крайне сильно вбирающая в себя, как и раньше. Однако гомогенизация ни в коем случае не завершена и не пытается быть завершённой». Признаёт отличия, вбирает их в себя и желает поместить их в более крупную, всеобхватывающую рамку, являющуюся на самом деле американским восприятием мира. Продолжительность же функционирования этой рамки обнаруживает испытываемую потребность. Капитализм

нуждается в местном капитале, использует его, вместо того, чтобы его проглотить или устранить, и в такой форме продолжает эксплуатирование. «Удовольствие» – важная концептуализация для вбирания отличий. Капитализм, стимулируя потребление, в котором всё связано с наслаждением, включает в себя и контролирует отличия. Это децентрированное возникновение капитала с включающей особенностью перекликается с перекрыванием Западом истории или, другими словами, концом истории. (134, с.72, 74). Это одна сторона картины, на другой стороне находятся самовыражения вновь на исторической сцене «скрытых историй». Это область этничности и эта область, согласно Холлу, – область сопротивления и свободы. На всей этой двусторонней картине Запад всё ещё занимает господствующее положение, и гибридность производится опять же этим господствующим положением. Это в действительности интерпретация гибридности через капитализм, империализм или эксплуатацию. (104, с.239-240).

Историческое измерение гибридности, конечно, должно быть принято во внимание или «не взято в кавычки», однако, посредством корреляции с интенсификацией контактов, ей (гибридности) могут быть приданы и новые смыслы. (104, с.240).

Наконец, идентичность – общий продукт глобального-локального соединения. Следовательно, можно говорить о метисации, переплетении границ, ассимиляции. Однако это не должно быть истолковано как полное исчезновение отличий. Каждая идентичность в данное время, «другизируя» другую идентичность, продолжает оставаться собой. То обстоятельство, что она может «другизировать», также является свидетельством

невозможности глобальной идентичности. Метисация или ассимиляция – не одинаковость, интеграция, а основной инструмент, делающий возможным метисацию, – бесконечная циркуляция символов, мифов и значений, информационные технологии, делающие возможным подвижность. (104, с.243).

В контексте эпистемологического значения понятия «гибридность», наряду со смысловой нагрузкой термина в биологии, в дискурсе социальных наук понятие может быть выражено как третья форма идентификации вне Запада и Другого. Гибридность – показатель того, что Запад не остался Западом, а Другое – как чистое другое, как в период до интенсификации контактов. «Метисация», которая зачастую используется как синоним гибридности, отождествляется с переплетением культур. Сегодня невозможно говорить о «чистоте» в современном мире, где наблюдается интенсификация глобальных контактов, «переплетение опытов времени и пространства и сильное влияние глобализации. (107, с.269). Культуры транслируются, сталкиваются и время от времени проникают друг в друга. «Метисация» – понятие, используемое для выражения состояния такого переплетения. (104, с. 238).

Понятие «метисации» появляется как неизбежное следствие культурных реалий. Культурная смесь – результат практики смешанных корней. «Метисация» как термин обозначает соответствие и синтез значений, полученных из далёких источников, и понимается как состояние, возникшее в глобальном масштабе только недавно. (122, с.102, 105).

Концепт «метисация» ... выражает надлежащим образом и содержательно культурный процесс, получивший сегодня широкое распространение в мире.

Понятие ссылается на процесс частого смешения значений и смысловых форм, которые вначале находились порознь в смысле местопребывания, происходили из разных исторических источников. (42, с.96).

Превращение гибридности в собственно идентичность происходит только в особых условиях социализации. Здесь выдвигается следующий тезис: «гибрид» – форма идентификации других; эта форма стабилизировалась, укоренилась посредством гегемонистских урегулирований, возникающих в глобальной системе. Синтезированная природа культур других народов возникла только посредством создания социальных идентичностей, даже их институализации. Возникновение и сохранение гибридной идентичности – общественное действие, нежели культурное явление. То есть определение гибридности указывает на признание далёких друг от друга корней. (122, с.104).

«Метисация» реализуется как постоянно воспроизводящийся динамичный процесс идентификации в результате увеличивающегося числа контактов во всех сферах жизни. (104, с.235). Как при концептуализации как «третьей культуры» (30, с.114), так и при охарактеризовании как «гибрид» или «производная культура» (149, с.144), или «crioller», получится модель соединения частного с универсальным, глобального с локальным. Общая тенденция выражается в большей степени в признании культурной действительности, включающей отличия, нежели глобализации культуры. (104, с. 235).

Глобализация и религия

Релятивизирующее воздействие постмодерна в общественных системах – намного более систематичный

и глубокий вызов традиционным религиозным практикам в мировых религиях. Если постмодернизм – критический скептицизм в сравнении с великими рассказами, тогда метанарративы широко распространённых религий являются мишенью иронии и пародии. По этой причине может быть предусмотрен союз между феминистической критикой патриархальных форм метанарративов в христианстве и исламе и постмодернизацией культурного потребления посредством систем глобального дифференцированного товара, производства и потребления. Постмодернизм возможно критика однобокого феминизма, создающего свои метанарративы только в вопросе женщин и истории, но не критика дифференцированной феминистической реакции на сложность современной религии, культуру и общество. (122, с.102).

Эта культура потребления несла с собой усиливающуюся секуляризацию. Однако эта секуляризация, в противность полагаемому, никоим образом не протекает по пути регрессирования утверждений религий посредством рационально-аргументативных действий, демонстрации погрешностей. Наоборот, даже если такая аргументативная процедура никогда не будет иметь место, культура потребления, являющаяся следствием глобализации, так охватывает повседневную жизнь, включив в это все компоненты религиозной жизни, и практически сделает бессмысленной веру в одну религию. В контексте габитуса Бурдьё в силу того, что повседневные жизненные практики, в которых воплощается религия, больше не имеют возможность сохраниться в той степени, чтобы установить между людьми коллективное чувство и восприятие в суматохе

общества постмодерна, то даже если отвечают положительно на вопрос относительно веры в религию, это на самом деле не отвечает действительности. (172, с.21).

Глобализация и «Другость»

Глобализация делает бессмысленной многие дискуссии относительно Востока и Запада в ориентализме. Сформированное ориентализмом с 17 века восприятие «другости» в действительности в традиционном обществе составляло основу антропологического проектирования. (175, с.151).

С глобализацией и появлением многокультурных политик как важного измерения всех политических систем усложнилось продолжение восприятия «чуждости» внешнего мира, потому что *Другой* вследствие глобальной мобильности, миграции и туризма был импортирован во все общества. «Другость» «одомашнилась». (175, с.152).

5.1.3. Глобализация и нация-государство в контексте постмодерна

Вопрос нации-государства невозможно рассмотреть в отрыве от модерна, равно как и от глобализации.

К внешним факторам, вызвавшим кризис нации-государства, относят глобализацию, то есть, если речь идёт о кризисе, то он порождён тем, что проблемы, вызванные глобализацией, выходят за рамки нации-государства. (161, с.202).

Согласно одной точке зрения, среди различных, в то же время противоречащих друг другу подходов, глобализация ставит под угрозу существование нации-государства, что обуславливает отстаивание последнего против глобализации. Данный тезис перекликается

также с утверждением, что актуальность сверхнациональных организаций приводит к концу эпохи «нация-государство».

Утверждение о конце нации-государства или о том, что постмодернизм противоречит нации-государству, объясняется тем, что постмодернизм как концептуализация в форме, допускающей общность внутри разнообразия или отличности, «подтачивает» проект культурной тотальности нации-государства. К тому же, как важная часть этого процесса, речь идёт как об интеграции государства с более широкими единицами, так и о преобразующем воздействии глобальных экономических и культурных течений. Обе ситуации указывают на более широкие и неизбежно более абстрактные единицы: общность, в которой найдётся место разнообразию. (27, с.233).

Наблюдается изменение социокультурных ценностей и форм поведения в мире. В первую очередь, понятие «нация-государство» в некоторых географических бассейнах приобретает значимость, а в некоторых теряют значение. Резюмируя, можно сказать, что в мире понятие «нация-государство» как приобретает значение, так и теряет его. Понятие «плюралистическое государство» в Америке и Западной Европе постепенно сменяет понятие «нация-государство». (101, с.162-163).

Постмодерн вместе с глобализацией представляет собой новый миропорядок. В качестве двух ключевых, одновременно противоположных слов, характеризующих этот мир (имеется в виду «новый мир»), отмечается «свобода» и «власть». (144).

Аргументацией выдвигается следующее: модернизи был процессом создания власти, поэтому образовала свои институты. Нашла новые методы и механизмы для

обеспечения центральной власти. Постмодерн же был спроектирован для того, чтобы разрушить эту власть, её ликвидировать и по мере возможности сделать личность свободной. Потрясения, переживаемые нацией-государством, новые толкования в вопросах идентичности, тела, субъекта, болезненный процесс расширения гражданского пространства – результат этого поиска. (144).

Согласно Деррида, западная метафизика на каждом этапе характеризовалась дуалистическими понятиями. Однако определяющей особенностью модернизации является смена одного из явлений, входящих в понятийную пару, образующую дуализм, другим посредством использования власти. Одна из таких понятийных пар, как разум – безумие, Восток – Запад, женщина – мужчина, индивид – общество, человек – природа, утверждается логикой модернизации, фильтруется через другое понятие, и как индивид, так и общество, «организуются» и контролируются так, чтобы развивать этот подход (26). Когда речь идёт о контроле и организации общества и индивида, следует отметить центральный авторитет, его определяющую силу. Этот центральный авторитет после Французской революции 1789-го года создал унитарное нация-государство. (144, с.3).

Технологические трансформации такое абстрактное и основанное на «отсутствии» понятие, как «утопия», сменили более конкретными и реальными понятиями. Это с одной стороны преодоление понятия «модернити», с другой стороны, исчезновение понятия «телос», послужившего основанием модернити. Таким образом, исключалось понятие государства, которое было

телеологией и было учредительным элементом модернити. (144, с.145).

В состоянии постмодерна знание выходит из-под контроля наций-государств, переходит к многонациональным компаниям. Многонациональные компании практически будут угрожать существованию наций-государств. (114, с. 231-239).

В ослаблении нации-государства важную роль играют глобализация финансового капитала, активизация многонациональных компаний. Это явление ослабило влияние наций-государств на многие сферы, начиная с рынка. Государство теряет контролируемую силу и патриархальный характер. Эти особенности привели к исчезновению явления «социальное государство». А это волей неволей способствовало поискам новых солидарностей. (см.63, с.79-110). Люди начали искать решение своих проблем в возрождении духа общинности, в усилившихся моделях религиозной организации.

Обострение религиозных тенденций, усиление религиозного позиционирования связывают с этим явлением, то есть ситуация обретает легитимность в результате разрушения социального государства. (20). Более остро и жёстко эта тенденция проявилась в таких странах, как Турция, где нация-государство создавалось в отличной форме, к примеру, от связи протестантизм-капитализм, в целом сверх религии и нерелигиозной логикой. (144, с.57).

Понятие «нация-государство» не только в Турции, но и во всём мире, начиная с 1980-ых годов, начало слабеть. (144, с.56). Это породило новую и сверх государственную общинную организацию, что в самом общем смысле усилило влияние религии на общественную жизнь и индивидуальное сознание. (48, с.36-48).

Глобализация в действительности – развитие понятия один-рынок, одна-система производства и одна-культура. Это проект распространения капитализма на весь мир отдельной инфраструктурой посредством визуальных медиа. В таком понимании, очевидно, что не может быть выдвинуто какое-нибудь понятие национализма. Даже ясно, что национализмы работают против этого процесса. (144, с.129).

Наблюдается множество этнических и культурных образований в процессе распада национально-государственной идентичности, аутентичность этнокультурной идентичности подчёркивается посредством общей истории, языка, расы. (269).

В то же время существует точка зрения, согласно которой в мире всё ещё господствует национальное государство. (132, с.24). Европа будет своего рода объединением национальных государств; кажется, что стирает национальные границы, но не убирает национальные идентичности.

Глобализация привела к уровню мультикультурализма, бросающему вызов многим традиционным доминирующим культурам наций-государств. (175, с.151). Данное положение свидетельствует о том, что мультикультурализм непосредственно связан с постмодерном, о чём речь пойдёт далее.

В заключение

Постмодернизм, в некоторых случаях преподнося нацию-государство как вышедшее из моды (устаревшее), не соответствующее современным условиям явление, во многих других случаях выдвигает на первый план локальные национализмы, микро-культуры, обуславливающие новые нация-государства. (171, с. 56).

Данная точка зрения основывается на предпочтительности локальных «миниконцепций» в постмодерне.

5.2. Философия диалога

Проблема диалога как одна из вечных проблем, с которой человечество сталкивалось на всех этапах своего исторического развития, в современную эпоху приобрела новое звучание и особую актуальность.

В артикуляции современной философской проблематики диалог выступает важным фактором на фоне генерирования субъект-субъектных коммуникаций.

Наблюдается взаимодействие, взаимопроникновение и взаимная трансформация идентичностей. Исторически сложившееся культурное многообразие в контексте современных трансформаций обуславливает потребность новой философии взаимодействия и взаимопонимания представителей разных национальностей, культур и вероисповеданий в отходе от стереотипов и стандартов модерна.

Диалог в философском контексте приобретает более широкое значение и выходит за рамки лишь диалога культур, который в свою очередь также характеризуется целой палитрой параметров и смысловых оттенков: диалог как форма взаимодействия различных культур, различных культур мышления, Востока и Запада, Запада и не-Запада и т.д.

Философия диалога включает такие составляющие, как толерантность, гендерная проблематика, взаимоотношения культуры и философии, этические аспекты процесса коммуникации, «междисциплинарный» диалог и др.

В культуре происходят трансформации, являющиеся следствием «аксиологического сдвига в сторону большей толерантности». (241, с.20). Это выявляет необходимость исследования диалогического пространства, где разворачиваются этические отношения.

Толерантность, терпимость по отношению к культурной инаковости актуализируется в условиях изменившегося культурного контекста, «культурной полифонии». Именно коммуникативная культура плюрализма обосновывает возможность толерантного взаимоотношения разных культур через понимание «Другого», выявляя диалогический потенциал культур. Толерантное мышление – это принятие существования различий как естественной данности, в то время как диалог – это принятие себя в своей противоположности.

Различные социокультурные вызовы современности актуализируют формирование культуры диалога, неотъемлемой частью которой является гендерная культура.

В эпоху современности раскрытие гендерной проблематики возможно через переоценку мировоззренческих ценностей. Диалог также направлен на содействие соблюдению гендерного равенства, так как диалог в то же время это диалог мужчины и женщины как членов общества, взаимодополняющих и взаимообуславливающих друг друга познавательных, интеллектуальных, психологических оснований. Интенции, направленные на поддержание и развитие гендерного равенства, способствуют не только гармонии в обществе, но и развитию атрибутов современного гражданского общества.

Всё это актуализирует выработку критериев культурности, содержащих в себе диалогичку, и

мировоззренческих оснований (знаниевых, психологических и коммуникативных аспектов), в чём важную и незаменимую роль играет философия, в том числе философия диалога, являющаяся необходимым инструментарием для осмысления многомерности диалога в современном мире.

В современную эпоху в призме философии диалога актуализируется коммуникативная этика, так как в центре интеркультурального или транскультурального лежит этика. В этике усматривается «предпосылка всей Культуры», она помещается «до Культуры» («Другие Другие». (87), (88, с.66-67).

Глобализация и интернационализация современной жизни обуславливает новое понимание диалога, что, в свою очередь, акцентирует внимание, с одной стороны, на формах его построения и интерпретации, а с другой, на его функциях в различных сферах жизни, в частности, на его месте и роли в диалоге культур, которые в свою очередь продиктованы интегративной функцией философии и её влиянием на общественное сознание. Современная философия самым активным образом участвует в разработке и реализации диалогических форм взаимопонимания. Именно через поиск смысловых оснований для него она выходит за пределы отрицания или поиска общих основ и направлена на понимание через многообразие. Дело в том, что философская культура имплицитно содержит диалог.

В ходе диалога актуализируется задача выявления посредника между Своим и Иным. Такой поиск осуществляется в контексте существующих в современной компаративной философии подходов – рациональным подходом как познанием Иного и герменевтическим как его пониманием. Общение между

субъектами, обладающими своими особыми наборами ценностей, в рамках этого поиска выявляет феноменологическое измерение диалога, что, на наш взгляд, и дает современное понимание диалога, отличающееся от классического или традиционного его понимания. В этом измерении актуализируется бахтинское утверждение, что сознание есть лишь тогда, когда есть два сознания. Именно в сознании рефлексирован феномен отношения – акцент нового типа мышления – с его последующей «материализацией» (реализацией) в поведении.

Данная акцентуация заменяет и/или дополняет предыдущие – познание и наблюдение. Перевод осуществляется между двумя сознаниями и его адекватность может быть достигнута только путём знания специфического языка Другого в результате философского общения.

Диалог в современную эпоху как никогда актуализируется как один из механизмов развития в онтологии культуры.

Сегодня реализация творческого потенциала культурного плюрализма видится в диалоге различных, в том числе альтернативных традиций. (198, с.76).

Взаимосвязь культуры и философии обусловлена также тем, что именно философия создаёт платформу для реализации и активизации диалога. Современные реалии, в том числе многообразие культур обуславливают диалог культур как самодостаточных и самоценных субъектов.

Вне зависимости от того, как мы определяем современную культурную ситуацию, как постмодерн или «поздний модерн», вырисовывается необходимость в

построении диалога в соответствии с изменившимися условиями.

5.2.1. Постмодернистская диалогичность

Постмодернизм в качестве нового стиля мышления и миропонимания диктует своё понимание диалога, который выступает как его имманентная характеристика.

Много- и разномыслие вместо прежнего единомыслия, а также движение от Культуры к культурам (235, с.109, 111) характеризуют необратимую плюралистичность постмодерного общества.

Отказ от иерархического порядка или каких-либо систем приоритетов в жизни довольно очевидно обнаруживает диалогическую сущность постмодерна. В то же время провозглашение постмодернизмом множественности и конкуренции парадигм обуславливает плюралистичность видения постмодерна. (205, с.132).

Культурный плюрализм, предполагающий не параллельное существование автономных «идентичностей», а их взаимодействие, соответственно, как их взаимное проникновение, так и взаимную трансформацию (236), позволяет нам говорить о коммуникативной культуре плюрализма.

Новая контекстуализация выявляет необходимость осмысления отмеченной проблемы в этом ракурсе. Соответственно исследователи задаются вопросом: диалогичен ли постмодерн?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего, необходимо остановиться на определении диалога, а также провести параллели между модерном и постмодерном в этом измерении.

В современную эпоху идеи диалога нашли своё воплощение в философии, культурологии, в частности в диалогике В.С.Библера, М.Бахтина, Э.Левинаса, М.Бубера и др.

Диалог – это «1) ситуация столкновения принципиально несводимых друг к другу «культур мышления, различных форм разумения» (195); 2) разновидность межкультурного взаимодействия, предполагающая активный обмен содержанием культур-контрагентов при сохранении ими своей самобытности...» (230) и т.д.

В модерне к оппозиционным точкам зрения не относятся снисходительно, по сути, нетерпимость – основная черта «больших повествований» («метанарраций»). Постмодернизм приверженностью оппозиции, плюрализму, культурному отличию и скептицизмом в отношении авторитетов находится в непосредственном противоречии с системами, где место индивида занимает авторитарная коллективная воля. В современном мире постмодернизм противоречит повествованиям модерна или премодерна, отвергающим принятие какого-либо вызова авторитетам. У отмеченных постмодернистских зависимостей есть определённые политические рамки. (163, с.XIV-XV).

В какой-то степени истоки диалогичности постмодернизма могут быть усмотрены в следующем определении: «Постмодернизм – это кратчайший путь выражения гибкости и заявления, что иерархии не такие, как в прошлом, что различные культурные иерархии могут быть перемешаны и сдвоены» (181, с.46).

Если истоки диалогического мышления некоторые исследователи обнаруживают в классической философии, аргументируя это следующим: «В условиях

глобализации и интернационализации современной жизни, когда различные типы цивилизаций вошли в тесный контакт (добровольный или вынужденный) друг с другом, а мировое сообщество все больше начинает говорить о «столкновении цивилизаций» (С.Хантингтон) и «антропологическом кризисе» (М.К.Мамардашвили) именно классическая философия может стать интеллектуально-духовной основой для прорыва к «новой научной парадигме» (Ф.Капра) и «новому мировому порядку» (Г.Кюнг) на основе классической философии с ее установками на рациональность, глобальность и диалог», то не метафизика считается приемлемой для построения диалога в силу её «монологичности» (М.М.Бахтин), а парадигма Просвещения в силу отличных критериев истинности, а именно – критериев культурности, содержащих в себе диалогичку, основывающуюся на креативности извне. В этой призме последняя расценивается как другая философская культура, отличающаяся приближенностью к жизни и открытостью, способствующей диалогу, и имплицитно его (культурный диалог) содержащая (265, с.194-195).

Однако «диалог культур», «культурная полифония», обусловленные необходимостью постижения ценностей много культурокомплекса, свойственное каждой культуре в силу такой тенденции, как обмен символами и категориями для формирования общекультурного и языкового, соответственно, диалогического пространства, что исключает абсолютную «автохтонность» какой-либо культуры мира (265, с.195-196) – проблема, которая характеризует развитие культуры в целом. Следовательно, в этом ключе особое

значение приобретает утверждение М.С.Кагана – человечество «приговорено к диалогу» (225, с.405).

Если развитие от культурного синкретизма к культурному синтетизму, от культурного монолога к культурному диалогу выступает как одна из закономерностей культурогенеза, то в этой призме постмодерн как историко-культурная ситуация определяется как наступление эпохи «многомерного диалога» (М.С.Каган).

Постмодернизм предполагает новый разум – интерпретативный, который основания знания ищет не в метафизике, а в коммуникации, общении, диалоге. (261, с.556). Диалог – это встреча субъективности с субъективностью, каждая из которых самодостаточна и самоценна. При развитии субъективности возможен диалог равноправных собеседников, что и отождествляется с постмодернизмом (М.С. Каган). Определение диалога как диалектической связи субъектов мы встречаем и у Бахтина.

Соответственно постмодернизм – это коммуникативный тип мышления, постмодерн – это открытость и диалог. Коммуникационный подход опирается на субъект-субъектные связи, следовательно, диалог выступает как духовная форма межсубъектного взаимодействия. (265, с.201). В этом измерении диалогизм выступает в качестве принципа постмодерна.

Если рассматривать современную культурную ситуацию как переход од одного типа культуры к другому, то можно его охарактеризовать как переход от культуры с «объективистской» акцентировкой к культуре с «субъективистской» акцентировкой.

Если в «субъект-объектных» отношениях есть текст как культурный объект и его интерпретация, то в

«субъект-субъектных» отношениях его замещает субъект. (265, с.199-200).

Следовательно, динамику развития культуры в широком смысле этого слова мы можем охарактеризовать как движение от «субъект-объектных» отношений к «субъект-субъектным» отношениям.

Субъект-субъектные отношения (коммуникация) могут быть опосредованы, то есть нуждаться в посреднике.

Однако акцентуация на «тотальное различие» всех участников диалога (конфликта) при анализе проблемы Своё – Иное (Своё – Чужое) либо упраздняет в постмодернистском пространстве фигуру Посредника, либо же предполагает «игрока», временно соблазненного (в бодрийаровском смысле) «чужими одеждами». (265, с.201).

Неопосредованность является критерием мерила подлинности субъект-субъектных отношений. Данный аргумент иллюстрируется лакановским тезисом – «как только ... ребёнок столкнётся с Другим, он немедленно теряет свою былую невинность и начинает защищаться от реальности посредством языка» или жираровским касательно отношения к Богу «человеку нужна ложь, нужен посредник», хотя последний (тезис) дезавуируется утверждением относительно невозможности определения Бога как Другого: «Бог – не Другой. Это Бог» (Гвардини) (247, с. 251-252).

Переосмысление принципа тотальности, неизменным условием которого является разграничение монологического и диалогического мышления, поворот от принципа субъективности к принципу интерсубъективности с акцентированием этической составляющей процесса коммуникации –

вопросы, которые занимают важное место в диалогике Э.Левинаса. Левинасовская постмодернистская реконструкция коммуникации проявляется в отказе от прежних модернистских установок. (207, с.409, 413-414).

На интересубъективное указывает и Ю.Хабермас. Однако даже он (Ю.Хабермас), отвергая постмодернизм, ссылаясь на незавершённость проекта модерна (Статья Хабермаса «Модерн: незавершённый проект» «Культуре постмодерна» (41)), считая, что изначальный «проект Просвещения» был проектом монологического разума, привносит в Проект просвещения этику и коммуникативную теорию разума. «Разум, приходящий ему на смену, должен освободиться от монологичности, научиться критиковать, вопрошать и изменять собственные основы, вести дискурс». (258, с.399). Множественный субъект, благодаря которому моральная аргументация и соглашение стали бы возможными, противопоставляется монологизму категорического императива по причине того, что сегодня истина есть результат совместных усилий. (265, с. 194).

Концепт Хабермаса «интерес к компромиссу», играющий важную роль в содержании его собственной комплексной и дискурсивной теории, в определённой степени сложен. (166, с.192).

В основе коммуникативной деятельности, согласно Ю.Хабермасу, лежат следующие принципы: в той степени, в которой я говорю с тобой, взамен завуалировано принимаю твой разговор со мной. Кроме того, так как разговор непосредственно заменяет действие и меняет его (не задавая вопросов, категорически не продолжу и не изменю мир), в то же время соглашусь с тем, что вынужден искать компромисс, чем завуалировано ни во что не ставить твои взгляды. Другими словами, цель всей

рациональной коммуникации – прийти к компромиссному соглашению относительно того, что необходимо сделать. Не соблюдая завуалированных правил во всей коммуникативной деятельности, потеряю право на диалог. Постмодернизм, акцентируя то, что этот проект завершился, просто не играет в эту игру. Потеря авторитета рассказами и их распад не обуславливает гипотезу, что всегда так должно быть. Это всего лишь ставит перед нами проблему, которую необходимо попытаться разрешить. (128, с.22-23).

Таким образом, можно сказать, что в коммуникативном действии делается акцентуация на взаимопонимании участников, поисках консенсуса, преодолении разногласий между действующими индивидами. (256).

Диалогичность постмодерна, на наш взгляд, может быть рассмотрена в нескольких призмах, или, можно сказать, что в постмодерне можно усмотреть разные измерения и/или плоскости диалога: диалог прошлого и настоящего, диалог традиции и новации, диалог преמודерна, модерна и постмодерна, диалог Запада и Востока и /или «не-Запада» и т.д.

Диалог с прошлым

Постмодернизм в большинстве случаев – это сознательный диалог с прошлым (163, с.382), что непосредственно переключается с тем, что постмодернистский плюрализм включает всё прошедшее и настоящее, в том числе и модернизм. (283). В частности, это диалог старого и нового в современном мире. В западном обществе постмодернизм подразумевает также не простое водворение на место старого нового, а в то же время круговое повторное использование вместе с

новым (167, с.179), что, на наш взгляд, также показывает диалогичность постмодерна.

Ретро как часть борьбы постмодернизма против модернизма и модернизи, а также их нового и оригинального культа стимулирует диалог с прошлым. Вероятно, самое известное изменение позиции в отношении прошлого может быть обнаружено в концепте «двойного кодирования» Чарльза Дженкса, когда была предпринята умышленная попытка смешать в одном здании старые и новые архитектурные стили, чтобы соответствовать вкусам как профессионалов, так и народа. В большинстве случаев такого рода повторное присвоение старых форм и стилей, к которым обращаются как к ретро, и их реконтекстуализация превратилось в символ эстетики постмодерна и играет важную роль в таких сферах, как искусство, музыка и мода. Ретро, адаптируясь этосу постмодерна, чаще всего заключает в себе ироническое отношение к прежним стилям и не является простой преданностью и только подражанием, – скорее, состоянием критической интерпретации культа оригинальности во имя оригинальности. (163, с.366).

Если Проект Просвещения, а, значит, и модерн – культурный монолог, а постмодерн – культурный диалог, то движение от модерна к постмодерну – это движение от культурного монолога к культурного диалогу. Диктат прошлого над настоящим в традиционной культуре составляет первую форму монологического развития, особенностью второй является культ новизны, развитие субъективности обуславливает третью форму – диалогическую, в которой участвуют равноправные стороны.

Эти положения перекликаются с Левинасовской этической феноменологией как философией (диалогикой). В современной философии диалога (Левинас и др.) этос определяется через нравственные императивы, характерные для интерсубъективного пространства.

Сосуществование традиции и новации

Существует мнение, что постмодернизм, отождествляя себя с новизной, всегда шёл по стопам традиции. (166, с.188).

Этот угол зрения может быть усмотрен у Бернштейна, в «Теории коммуникативного действия» Хабермаса и т.п.

Ричард Бернштейн в “The New Constellation” (14) отмечает, что «В философии Гегеля самой главной, сильной и, может быть, убеждающей темой является обещание компромисса (Versöhnung) и реализация. Хабермасовский анализ коммуникации и дискурса носит такой же характер и на этом основании пытается преодолеть «систематично нарушенную коммуникацию»: «‘Постмодернистское’ возвышение (противящихся компромиссу) допустимости, фрагментации, дробления, единичности, множественности и разрывов – глубоко анти-гегельянские позиции». Постмодернистская позиция в стиле цитирования, пародирования, подражания, использования и реиспользования (повторного использования) прошлого – бесспорно важный признак современности. Постмодернистский интеллектуальный метрополис – это метрополис без кладбища, в середине которого нет «мёртвого центра». (166, с.193).

Постмодернизм – это одновременно премодерн, модерн и постмодерн

При анализе в парадигмальной системе координат (премодерн – модерн – постмодерн) в постмодерне можно усмотреть диалог премодерна, модерна и постмодерна, так как их сосуществование считается характерной чертой постмодерна.

В то же время диалог премодерна, модерна и постмодерна тоже может быть охарактеризован как ситуация мультикультурализма, так как их конвергенция в обществе постмодерна равнозначна сосуществованию культур премодерна, модерна и постмодерна.

Диалог Запада и Востока

Иногда в постмодерне усматривают диалог «Запада» и «Востока»¹, точнее, их рациональности. Эти рациональности характеризуются как отличные, Востоку приписывается иррациональность, а Западу – рациональность. Хотя в целом эти отличия могут быть охарактеризованы как разные способы смотрения на мир и в силу этого как разные рациональности, разные логики, разные ментальности. Одна из них ассоциируется с очерченной Декартом плоской западной рациональностью, соответственно, с западным мышлением, западной метафизикой, так как именно Воля стояла за европейской культурой, задавая её логику, другая с тем, что выходит за неё и представляет альтернативный вариант в соответствии с логикой постмодерна, когда определённая рациональность, в данном случае, к примеру, декартовская рациональность – это лишь один из возможных вариантов. Данный

подход лежит в основе убеждения, что «постмодерн, имеет два лица – восточное и западное». Это в тоже время две стороны одного и того же процесса, которые выражаются в саморазрушении на «Западе» как разрушении чужого и в освобождении и возвращении к себе на «Востоке» как пробуждении своего. (227).

Итак, диалог – это принятие в себя своей противоположности. С этой точки зрения, постмодернизм как неистовое торжество различия (128, с.17) диалогичен.

Форма диалога в современном мире продиктована новыми культурными реалиями, соответственно, необходимо его переосмысление и более расширенное понимание, обусловленное глобализацией. В этой призма постмодерн как новая мировоззренческая картина мира основывается на идее расширенного диалога. (265, с.196, 198).

Современная культура, которая переживает переходное состояние, должна осуществить «диалогический контакт прошлого и будущего». (225, с.402). Сочетание интереса к прошлому с открытостью будущему, «сознание бесспорной ценности различных концепций и проектов» (204), а также понимание приоритетности диалога субъект-субъектных отношений актуализирует постмодерн и сегодня, и особенно в будущем. (200). В этом ракурсе постмодерн как переходный тип культуры выступает как «переход к новой многомерной парадигме мышления» (283), а постмодернистский диалог – как встреча различных, но равноправных позиций.

¹ Здесь, конечно, имеются в виду условности и под «Востоком» подразумевается интегральный «не-Запад», противопоставляемый Западу и западной рациональности.

5.2.2. «Другое» в постмодернистской нарратологии

В постмодернистском дискурсе «Другое» выступает как один из важных концептов современной философии. Эта актуализация обусловлена «воскрешением субъекта» в постмодернистской нарратологии, которая акцентирует так называемое «коммуникативное существование». Таким образом, в свете «кризиса идентификации», характерного для современного этапа развития постмодернизма, так называемого "after-postmodernism"а, выходит на первый план «коммуникационный вектор, смещающий акцент с текстологической реальности на реальность коммуникативную и центрирующийся, в связи с этим, вокруг понятия Другого». (247, с.250-251), (245, с.8). В то же время «поощряет и утверждает коммуникацию с Другим» и такая характерная черта постмодернизма, как плюрализм. (210, с.171).

«Другое», являясь важной категорией постмодерна, актуализируется и приобретает особую смысловую нагрузку в постмодернистском диалоге.

Социализация «Я» индивида и равное отношение к своему «Я» со стороны всех «других» «Я» зависит от отношения «Я» с «Другим». Это отношение в то же время играет определяющую роль в установлении демократии, в выстраивании демократических отношений и диалога. Демократизация коммуникации, о которой идёт речь, выполняет функцию освобождения друг друга в той мере, в какой «Я» и «Другой» взаимно признают права за противоположной стороной, придают ей значение. Это в то же время сознание «Я». Тот, кто не может развить сознание «Я», не может понять «Другое». Источник уважения к «Другому» – сознание «Я». В становлении «Я»

как процессе «осуществления в развитии» сознание играет существенную роль. (183, с.276).

В герменевтической теории субъекта П.Рикёра подчёркивается обратимость ролей говорящего и слушающего, отправителя и реципиента сообщения, но не их незаместимость. Это можно усмотреть и в дискурсивной практике. Здесь очень важно влияние Другого на самопонимание Я. В контексте «интерлокуции» (по рикёровской терминологии) как коммуникативной ситуации лицом к-лицу акцентуация делается на способность указывать на себя: «Я полагает себя – или оказывается низложенным». В заданном контексте акцентируется модус самости. (262, с.387, 313). Говоря «Я сам как Другой» (81) Поль Рикёр дифференцирует «сам» и «я»: «сказать сам не значит сказать я» (*dire soi n'est pas dire je*).

При вскрытии исторических и социальных оснований человеческих отношений достаточно очевидно прорисовывается то, что человека человеком делает «Другой», его сородич, однако другой вне себя. По этой причине возможной основой реализации индивидуальным субъективного «Я» являются те, кто вне его. (183, с.277).

Понимание собственной идентичности обуславливает понимание Другого как основополагающего принципа самосознания. При такой реконструкции проблемы Другой воспринимается «не как объект наблюдения и монологического вопрошания, а как субъект диалога, в котором ставятся под сомнение предубеждения и предпосылки своей собственной самости». (210, с.171).

В этой призме «самодостаточный – «монологический» – «Я» (238) классической традиции противопоставляется

«диалогическому Я» постмодерна и утверждается мысль о том, что «Я» становится «Я» за счёт Другого, то есть именно Другое делает его «Я», то есть «конститутивная роль для самосознания фигуры Другого («Ты»»». (238).

Обретение субъектом своего «Я», самого себя происходит «на дне Другого» в делёзовской интерпретации. (248, с.85).

В классической традиции у Гегеля для открытия Я самому себе необходимо своё, а не самостоятельное Другое: «Только поскольку я оказываюсь способным понимать себя как Я, другое становится для меня предметным, противопоставляется мне». (209, с.220).

Таким образом, можно отметить, что в постмодернистской философии при попытках реконструировать понятие субъекта обращаются к фигуре Другого. В постмодернизме сознание определяется через его отношение к Другому в противоположность заданной отношением к объекту в классической философской традиции. (247, с.251).

Переход от объектного мира к субъектному можно охарактеризовать как смену интенции отношения к объекту, присущей модерну, интенцией на отношение к Другому (в левинасовской терминологии "звательный падеж", "Метафизическое Желание") (66) в постмодернистской философии.

В частности, у Гадамера это звучит так: «говорить — это значит говорить кому-нибудь». (208, с.138-139).

Первый пункт программы Левинаса по преодолению модернистских установок подразумевает деструкцию разума, когда наблюдаются модификация интенции «я мыслю» в «я властвую», «я самовыражаюсь», «я потребляю», и выдвигание в качестве конститутивного отношения к Другому. (207, с.410). В этом измерении

очень важным моментом выступает «опыт Ты» и рефлексивное «распознавание самости» (Левинас), что коррелирует с пониманием Другого в качестве своего зеркального компонента.

Постмодернистское Другое – говорящее, то есть оно «не может формироваться в зеркале по-модернистски исключённого и молчащего Другого». (210, с.171). Данная формулировка переключается с рикёровским говорящим субъектом.

В то же время в этой призме акцентируется левинасовская экстериторность Другого, утверждение «нет Я без другого» противопоставляется формулировке Гуссерля: «нет другого без Я».

Идея о событии с Другим просматривается в различных определениях у М.Хайдеггера («бытие-с») (268, с.67), у Ж.-П.Сартра («со-бытие с Другим») (264), у Бинсвангера («бытие-друг-с-другом»), у Бубера «отношения Я – Ты», в отношениях диалогичности П.Рикёра («Я – Ты»), в диалогической концепции М.Бахтина «я – другой» и т.д.

В противность суждению, в котором сознание конституируется Другим, благодаря Другому, в сартровской интерпретации влияние Другого негативно, так как сознание определяется диалектическим отношением между «в-себе» и «для-себя». (264, с.282). Данное видение исходит из индивидуального сознания в отказе от существующей в человеке изначальной «другости», то есть конституирование не за счёт Другого, а за счёт Я.

В то же время концепт «Другое» в диалектике «Я – Другой» Э.Гуссерля характеризуется в контексте «истолкования опыта «Другого» (213, 439-445, 455-458 и

след.), в контексте «заботы об отличии от Других» у М.Хайдеггера. (280, с.126).

Децентрализация постмодерна

Между децентрализацией Возрождения и децентрализацией постмодерна можно усмотреть следующие параллели:

В основе дифференцирования децентрализации Возрождения и постмодерна лежат предпосылки, из которых они (Возрождение и постмодерн) исходят. Для Возрождения – это «открытие» неевропейских культур – «Других», для постмодерна – ризоматичность, когда нет точки отсчёта, наблюдается производство и популяризация культурной инаковости (239), что делает нетождественными культурные плюрализмы Возрождения и постмодерна в их отношении и восприятии «Другого», другой культуры.

Для постмодернизма характерна фрагментарность, Другое – составляющая его фрагментированного субъекта, то есть Другое обеспечивает его завершённость. Другими словами, гадамеровский «опыт ты» необходим для полноты, целостности. (208, с.130-141). В этом измерении может быть рассмотрена лакановская интерпретация неавтономного субъекта в его «структурном психоанализе».

У Лакана репрезентация «Я» только через Другого, через его отношения к Другим как критики теорий Эриха Фромма и Карен Хорни сводится к бессознательному как определяющей доминанте, что перекликается с фрагментарностью «Я» – субъекта в постструктуралистской и постмодернистской интерпретации, обусловленной также бессознательным, восходящим к фрейдистской теории. (223, с.84-85). В частности Другое выдвигается как средство устранения

«фрагментарности» «фрагментарного человека» (Деррида). Определяя бессознательное как «дискурс Другого», Лакан отмечает, что вопрос о существовании субъекта может быть задан именно из этого «места» (бессознательного). (64, с.549). В собственном бессознательном усматривается «голос Другого».

Лакановская версия структурного психоанализа исходит из психических инстанций как трёх составляющих структуры человеческой психики – Воображаемого, Символического и Реального, – среди которых в Символическом, на уровне бессознательного происходит встреча с тем самым Другим. (223, с.85). Однако сегодня наблюдается отход от такого понимания, в особенности, под влиянием "afterpostmodernism"а, как было отмечено выше, и язык теряет самостоятельное значение вне коммуникационной интерпретации. (248, с. 82-83).

Контроверза «Свой – Чужой»

Каждый диалог, в том числе и философский, выстраивается на антитезе «Я – Другой», которая, в конечном счёте, сводится к оппозиции «свой – чужой».

С точки зрения культуры отношения «свой» – «чужой» – основа взаимодействия. «Новое», появляющееся в процессе культурного взаимодействия «своего» и «чужого», – нечто другое вне «своего» и «чужого» в оппозиции/противоречии или же «новое» соединение, потому что в каждой оппозиции антитеза отрицает то, что составляет тезу (утверждение). Однако это отрицание развивает целостность. В диалектических противопоставлениях то, что составляет противное тезису (антитезис), отрицая тезис, в то же время делает это, его включая, преодолевая. (183, с.274).

В этой призме может быть проведена параллель со «своим иным» Гегеля, когда «своё иное» делает ударение не на противоречащих и взаимоисключающих, а на включающих и преодолевающих друг друга целостностях. «Свой» – в то же время «чужой», а «чужой» – «свой». Эти отношения дополняющие. Здесь есть преодоление, включение. (183, с.276).

В каждом процессе собственно культура находится во взаимодействии с чужими культурами. «Своё» и «чужое», включаясь во всемирное, способствует межкультурному взаимодействию и развитию. Внутри целого самое важное условие развития, изменения, существования – наличие оппозиций. Условием сбалансированного развития или взаимодействия являются равные и независимые (свободные) отношения «своего» и «чужого». Однако возможность равной и свободной оппозиции, по крайней мере, пока невозможна по той причине, что противопоставляющиеся культуры осуществляют свои взаимодействия не в равных условиях. Однако даже если взаимодействие – неравное, «встреча “своего” и “чужого”» может быть определена как «предпосылка всякого творчества». (151, с.119). Формирование нового, предпосылка культурного творчества – возникновение «своего» и «чужого» или их встреча в едином целом. (183, с.274).

Данный подход перекликается с «постмодернистским молекуляризмом»: «Я плюс Другой, мой жизненный мир и Другие». (210, с.171)

В контексте постмодерна как диалога традиции и новации «Другой» – традиция. «Свой» же, не имеющая сознания прошлого, тревога о настоящем и будущем. (144, с.41).

Существует мнение, что постмодернизм, отождествляя себя с новизной, всегда шёл по стопам традиции. (166, с.188). В заданном контексте при оперировании бинарной оппозицией «Своё – Другое» постмодернизм – и «Своё» и «Другое».

В целом, «Другое» постмодерна отлично от «Другого» классической традиции и/или модерна. В постмодернистском дискурсе вектор отношения субъекта к «Другому» модифицируется. Таким образом, «Другое» выступает как необходимое (составляющая) как во внутренней коммуникации, так и во внешней, то есть как коммуникационный партнёр.

В то же время, можно отметить, что в основе ряда современных подходов лежит характеристика «Я» через изначальную «другость», что фиксирует интенцию определения «Я» через «Другое» и значимость последнего в качестве основополагающего концепта современной философии, в том числе и постмодернистской.

Вышеотмеченное свидетельствует о вариативности механизмов конструирования «Другого» и понятийных полей, в которых он может быть рассмотрен, а в целом, таксономических уровней концепта.

5.3. Мультикультурализм в философском дискурсе постмодернизма

Сегодня мультикультурализм характеризуется как идеология, политика, а также как дискурс, что приводит к тому, что мультикультуралистская повестка дня получает распространение и становится актуальной. Мультикультурализм актуализируется с усилением глобализации. В то же время мультикультурализм, сам являясь типом дискурса, может быть рассмотрен в

нескольких дискурсах. Одним из них является постмодернистский дискурс.

Идеологический и политический контексты мультикультурализма включают как положительное, так и отрицательное отношение к мультикультурализму как явлению.

Негативное отношение к мультикультурализму связано с прежним пониманием его как плавильного котла, состоящего из этнокультурной основы как доминанты и различных иммигрантских групп. Начиная с середины 60-ых годов XX века политика «плавильного котла» уступила место идеологии мультикультурализма. «...Представители этнических групп не смотрятся как иные, если только они соответствуют общему умунастроению и ценностям страны» (239), то есть, на основе определённой базовой социальной почвы цементируются этнокультурные отличия, не выходя за рамки контекста (данное видение на примере американского общества можно проследить у Нейсбита в работе «Мегатренды»). (239).

Вышеотмеченное отношение также выражалось в характеристике мультикультуралиста как не открытого расиста, когда «уважение мультикультуралиста к личности Другого и есть форма утверждения собственного превосходства» (Славой Жижек). (219, с.110).

Среди ряда концепций мультикультурализма, – когда он используется для характеристики современной культурной ситуации в мире в целом, мультикультурных социальных конструкций внутри отдельных обществ, политики и т.д. – есть ещё одно измерение – мультикультурализм как множество модернов в западном мире – и как один из признаков

постмодернити, всегда наличествовавший, однако под влиянием последнего сегодня актуализировавшийся.

В современном поликультурном пространстве мультикультурализм особо актуализируется. В проекте мультикультурализма усматривается составная часть программы постмодерна, предполагающая создание глобальной общности с множеством культур, которые имеют право на существование и должны вызывать уважение. Своеобразная интерпретация данного взгляда легла в основу теории сингулярностей (Ж.Гваттари и Ф.Делёз), ставшей основанием концепции мультикультурализма. (259).

Одним из самых распространённых утверждений является то, что мультикультурализм отображает культурную ситуацию постмодерна. Прежде всего, аргументацией является отказ от сведения к общему знаменателю, столь характерное для модерна, а также то, что модель культуры мультикультурализм предполагает, прежде всего, снятие центрального вектора развития, деиерархизацию и легитимацию форм культурной инаковости. В целом, можно сказать, что мультикультурализм созвучен ценностным ориентирам постмодерна. (239).

Сегодняшняя ситуация мультикультурализма подразумевает диалог, а мультикультурализм расценивается как новая философия взаимодействия. (259).

Посылками данного видения могут быть идеи «диалогизма» от Мартина Бубера до Михаила Бахтина, концепция «инакости» Эммануэля Левинаса, созданная на основе «философии диалога».

Как мировоззренческая позиция мультикультурализм предполагает толерантность, терпимость по

отношению к культурной инаковости, что является также выражением особенного. (239).

В новом культурном контексте легитимируется полифония этнических, национальных культур, субкультур в силу различной природы происхождения, различных способов функционирования, различной организации. Политика культурного плюрализма видится в поощрении «диалога» между этнолингвистическими и этноконфессиональными группами, а также в формировании общего коммуникационного пространства, которое по своей природе надэтнично. (239).

В этом ключе на первый план выдвигается «понимание иной культурной позиции и, возможно, оппозиции как «реальной, незавершенной проблемы, как «чужой правды» и, следовательно, точно такое же восприятие своей, кровной правды как открытой, незавершенной». (239).

Достижение коммуникативной культуры плюралистического общества видится в преодолении границ собственной нормативности посредством диалога, выстраивания ценностных консенсусов. (259).

Постмодерн снимает разграничение *титульная культура* и *альтернативные культуры*.

Отсутствие «господствующей культуры» (и когда понятие «культура» не прикреплено к понятию «этнос») выдвигается как характерная черта культурно плюралистического («мультикультурного») общества. Свобода выбора «собственных» культурных образцов (236) перекликается с плюрализмом постмодерна.

В данном контексте речь идёт не только о категориях «этничность», «субкультура», «сложившихся в теоретических традициях социального конструктивизма

и постструктурализма», на которых зиждется поляризация «Я (мы, свои) / Другой» (267), то есть термин «Другой» в современном мультикультурном мире утратил в значительной степени коннотацию с категорией «этничность».

«Культурное разнообразие – это не только и не столько этническое разнообразие» (236), в особенности, в постмодернистской нарратологии этнокультурный дискурс расширяется за счёт включения права на альтернативные жизненные миры и бинарная оппозиция «Своё – Чужое» прирастает новыми смыслами. Это представление предполагает наличие ментальных границ общества, в рамках которых осуществляется взаимодействие отличных друг от друга социальных форм, но связанных с ценностными основаниями общества. (259).

Постмодернистскую форму мультикультуралистского дискурса выражает риторика *difference*, пришедшая на смену риторике Тожества (237). Первенствующее значение первого отмечали Деррида и Делёз.

Установка на доминирование культуры мейнстрима снимается постмодернистской посылкой принятия амбивалентности как естественного положения вещей и существования различий как естественной данности, то есть толерантностью подхода. (228, с.648).

Апологеты отличий указывают на разделённое прошлое, когда большую часть населения земного шара третировало и притесняло меньшинство, состоящее из индивидов – белых, мужчин, северо-атлантических, хорошо образованных и экономически сильных. Этот режим вводит в действие программу грандиозной колонизации, политического исключения и неограниченного давления. Мир отличий постмодерна открывает возможности для

обретения притесняемыми права голоса в борьбе с испытываемой несправедливостью. (128, с.21).

Постоянная акцентуация в постмодерне факта отличия (164, с.6) исключает «использование одной классификационной сетки для форм культуры и их сведение к общему знаменателю». (239).

Культурный плюрализм постмодерна выражается в ризоматичности, составляющей основу мультикультурализма как звена философской программы. (261, с.554, 556).

Культура постмодерна, в которой множественность легитимирована как субстантивное начало, предполагает отсутствие граней между субъектом и объектом, что приводит к бесконечным детерминациям. (239). Она (культура постмодерна) представляет «и множество, и единство организованной детерминированности, в которой множественность сродни субстантивному началу» (239), а мультикультурализм – мировоззренческая позиция с её «установкой на социальную толерантность внутри плюралистического общества». (259).

Мультикультурализм тесно связан с исследованием парадигмальных оснований концептуализации Чужого. Диалог как особый тип интеракции включает фигуру «Чужого».

Контекст мультикультурализма превращает «чуждое» в просто «другое» (251), предполагает уважение к ментальным границам социальной среды обитания каждой культурной единицы. (259).

Одним из основных постулатов постмодернистской парадигмы является легитимация. Презумпция принципиальной плюральности картины мира, выражающаяся в легитимации, когда символом

культуры постмодерна становится понимаемый в предельно широком значении этого термина коллаж (244, с.415), характеризует плюрализм постмодернизма – «всё подходит». (128, с. 17).

Созвучность мультикультурализма философским основаниям постмодерна выражается в выдвигаемом на первый план субъекте (дивиде), для которого решающими становятся проблемы идентичности, выбора ценностных предпочтений.

В развитых демократиях наблюдается политическая репрезентация разнообразия наряду с символической репрезентацией культурного разнообразия. (236). В частности, «инакость» и «различие» характеризуются в арсенале не только мультикультурализма, но и воинствующего феминизма.

Мультикультурализм и идентичность могут быть рассмотрены в контексте соотношения глобального и локального. Так идентичность может выражать как естественную самоидентичность, мультикультурализм же – разнообразие. В то же оба могут выражать «политику поддержания этих начал». (272, с.409).

Конфликт мультикультурализма и идентичности – это конфликт категорий – глобальных и локальных, точнее, людей мыслящих этими категориями – глобально и локально. (272, с.409).

Как отмечает Джон Фетеке (John Feteke) в «Жизни после постмодернизма» (Life After Postmodernism, 1987):

«Надежда научиться справляться с ограниченными правами и с обязательством их распространения без ложного доверия к унаследованным гарантиям, обещает более живую, более красочную и, надемся, более толерантную культуру, которая забавляется сложными отношениями между смыслом и ценностью (167, с.182).

Уникальность настоящей мультикультурной ситуации усматривается в том, что она представляет ситуацию «говорения, в которой формируются новые ракурсы мировидения, отношения к миру, его постижения». (239).

Всё это актуализирует «...антиэссенциалистские и постструктуралистские программы исследования культуры, акцентирующие множественность и амбивалентность социального позиционирования индивида в постиндустриальном мире». (267, с.6).

В то же время проблематичность, вызванная наличием в одном обществе множества культур, каждая из которых представляет собой символическую систему, кодифицированную в институтах этого общества (236), может вызывать состояние кризиса культурной ситуации.

В данном состоянии может находиться мультикультурная личность, совмещающая в себе различные «текущие» посткультурные идентичности и характеризующаяся следующими свойствами: синкретизмом, ценностным релятивизмом, гибридностью, метисацией, амбивалентностью. (259).

В заданном контексте мультикультурализм выступает как метод «культурного многообразия» и «межкультурного обогащения».

В заключение

Постмодернистское видение предполагает усмотрение в диалоге реализации творческого потенциала культурного плюрализма. (248, с.76).

В современном межкультурном пространстве философия должна исходить из понимания через

многообразии. Данное видение также продиктовано сегодняшней мультикультуралистской повесткой дня.

Полифония этнических, национальных культур, субкультур обуславливает диалог как форму взаимодействия не только различных культур, но и различных культур мышления. В этом измерении – монолог и диалог в философии – также предполагается диалог различных философий, разных философских традиций, стилей философского мышления, что обуславливает толерантность через поиск общих оснований.

Под этим углом зрения актуальность диалога обусловлена тем, что сегодня он выступает серьёзным вызовом современности, и его многомерностью. Соответственно, сегодня мы можем говорить о новой философии взаимодействия.

Выделяя такую характеристику современной культуры, как «экстаз коммуникации» (Ж.Бодрийяр) (2), постмодернизм не сводит коммуникацию только лишь к обмену информацией. Он выступает как многомерный диалог, имеющий ряд плоскостей и измерений: интериорное – как диалог с самим собой (с Другим внутри себя), когда «игра речей и ответов доигрывается во внутренней беседе души с самой собой» (Гадамер) (208, с.139), выражающий рефлексивную сущность через удвоение, то есть «через конституирование самим Я» (Делёз); экстериорное – как диалог с Другим (извне), который в посмодернистском контексте видится как равный участник диалога, что в очередной раз акцентирует «феномен общения» (Левинас) в постмодерне.

Таким образом, постмодернизм может служить рамочным дискурсом для осмысления многих вопросов, в

том числе и диалога, и мультикультурализма. В изменившемся культурном контексте диалог является рефлексией на новые явления в обществе.

Нетривиальный смысл концепта («мультикультурализм») обусловлен его многоуровневостью, актуальностью и дискурсивным анализом.

Мультикультурализм как множество модернов осложнён совмещением (сосуществованием) двух парадигм культуры – традиционной и модернистской, аналитически противопоставляемых по ряду ключевых онтологических, антропологических и гносеологических параметров. (250, с.16).

Следовательно, связывание мультикультурализма с постмодерном корреспондирует с плюралистичностью видения постмодерна, которая в целом характеризует его ментальность и, можно сказать, созвучна его ценностным ориентирам.

ГЛАВА VI. КРИТИКА ПОСТМОДЕРНИЗМА

Современный мир переживает ряд кризисов, одним из которых является кризис ментальности. В качестве основных катализаторов наряду с другими аргументами выдвигаются характерные черты постмодерна, к которым можно отнести деконструкцию, радикальную плюральность, релятивизм, эклектизм, фрагментарность, замену реальности симулякром, бесструктурность, бессистемность и др.

На фоне указанных явлений вырисовываются различные подходы в критике постмодернизма.

В рамках отмеченной критики можно выделить следующие позиции: критику постмодернизма как критики модернизма, критику постмодернизма через противопоставление постмодернизма модернизму, отождествление постмодернизма с модернизмом и метанарративом, критику постмодернизма как иллюзии поликультурности и плюрализма, а также как исторической эпохи.

6.1. Критика постмодернизма как критики модернизма

Отправной точкой критики в отношении постмодернизма стала критика постмодернизмом модернизма. Именно критика модернизма расценивалась как слабая или негативная сторона постмодернизма. В этом ключе разрушаются постмодернистские аргументации.

Общим моментом постмодернистского подхода является критика касательно несостоятельности

капитализма и модернизма. Основная причина же краха усматривается в науке, другими словами, в позитивизме. Наука была средством легитимации капитализма и усилила господство объекта над субъектом. Основные принципы либеральной демократии понятия «индивид» и «свобода», в бодрийеровском определении, «взорвались внутрь» (имплозия). Однако Фуко в более оптимистичном представлении повествует о власти субъекта. Этот субъект стал постоянно производить власть. Отправная точка – использование личностью своей власти, что происходит благодаря разуму. Следовательно, вновь возникает потребность в разуме, и он снова имеет мифическую особенность. Отмечается, что в этом значении всегда будет ощущаться потребность в понятии разума эпохи Просвещения, что обуславливает появление возможности критики постмодернизма в этом направлении. (108, с.128-129).

Турецкий исследователь Кадир Джангызбай также критикует постмодернистское понимание науки, выражающее освобождение науки от разума. (118, с.105).

Наряду с этим, разум, являющийся конечным источником легитимности, не освобождён от критики. Бог и разум не поменялись местами, люди остались совершенно без Бога. Отмечается, что постмодернисты поздно осознали то, что это, в крайнем случае, «возвращение к Просвещению». Поэтому то, что называется постмодернизмом, – не период после модерна, а радикализация модерни, и это должно называться «радикальной модерни». (169, с.35-37).

В этом ключе необходимо отметить, что ряд мыслителей (Ю.Хабермас, Э.Гидденс, М.Турен) не соглашаются с утверждением, что наступил конец модернизма как конец одного периода, отмечая

невозможность и неприменимость такой периодизации. Вместе с тем, эти мыслители также принимают многие явления и новые состояния, выдвигаемые постмодернистской мыслью, однако эти новые реальности ими оцениваются как явления внутри модернизма. С этой точки зрения модерн расценивается как «незавершённый проект» (Хабермас) (279, с.7) или новое состояние, называемое «постмодернизмом» считается «радикализацией модерна» (Гидденс).

По Гидденсу, мы живём не в период постмодерна, в период, когда последствия модерна, радикализируясь, универсализируются. Поэтому основные параметры модерна – капитализм, индустриализм и нация-государство всё ещё сохраняют своё определяющее значение. (125).

Хабермас не принимает постмодернити (278) и отмечает, что постмодернизм, отвергая Просвещение, находится в родстве с фашизмом. В смысле процесса культурной дифференциации он выступает за эстетическую модерни и автономную рациональность, критерии универсальности социальной модернизации, всякую критику в отношении модерни обвиняет в консерватизме (147, с.252-253). Подчёркивает, что молодые консерваторы отстаивают анти-модернизм, пожилые – премодернизм, новые – постмодернизм. (185, с.42).

Если, согласно Лиотару и новым французским философам, которых Хабермас впоследствии назвал «молодыми консерваторами», ни одно из повествований модерни – «освобождение» (в значении эмансипации) и прогресс – не дали плодов, то это не значит, что они никогда не будут развиты, а скорее означает, что ещё до конца не развиты (128, с. 22.).

Как Хабермас, так и Гидденс, считают модерн «незавершённым проектом, однако в отличие от Хабермаса, Гидденс утверждает, что отмеченная завершённая будет достигнута эквивалентом постмодерна «высшим модерном» (161, с.14).

Данная точка зрения перекликается с интерпретацией Андреаса Хюссена, согласно которому постмодернизм на самом глубоком уровне не представляет другой кризиса, кроме кризиса внутри цикла постоянного подъёма и упадка, ослабления и обновления, характеризующего цикл модернистской культуры. Скорее, он выражает кризис нового типа модернистской культуры. Постмодернизм не стремится объявить модернизм «вышедшим из моды». Наоборот, он проливает свет на модернизм и присваивает многие эстетические стратегии и тактики, включая их в новые соединения и обеспечивая им там функциональность» (138, с.126).

Такие апологеты модерна, как Геллнер, Гидденс, Турен, Хабермас, отмечают, что предотвращение модерна означает воспрепятствование не только ценностям, но и фундаменту, на котором последний зиждется. (184, с.101-102).

В контексте определения Джангызбая, что постмодернити есть покаяние и прошение прощения западного модернити, в частности у незападных обществ, отмечается, что при этом игнорируется и преимущество рационального перед иррациональным, мысли перед верованием, философии перед догмой, критики перед убеждением, труда перед эксплуатированием. Утверждается, что цену своего этноцентризма Запад заставляет платить Просвещению. Идея универсального

развития, получаемая в результате «создания»¹ истории, таким образом, будет отвергнута. Это отрицание истории, а также индивидуального и общественного освобождения. (115, с.124-126).

Хотя также отмечается и то, что одной из важных особенностей модернити, является то, что она как эпистема включает свою противоположность. Как умонастроение модернити по сути в самом широком смысле слова освобождает. Однако та же самая модернити после приобретения идеологического содержания в силу тех же элементов может превратиться в ограничивающее и удерживающее явление. Даже рациональность может быть ограничивающим фактором. (144).

В то же время наблюдается подход, критикующий отождествление модернити с модернизмом. Отмечается, что эта критика наблюдается в различных течениях (направлениях) модернизма в XIX веке. В качестве аргументации противопоставляются модернизм и модернити. «Романтизм» начался как критика просветительских движений и Французской Революции, являющихся первыми выражениями модернизации (модернити), как критика против абсолютизации разума. Наряду с этим подобное наблюдается в таких течениях как импрессионизм, символизм. Критика модерна и реакция (сопротивление) ему имеет место и в таких направлениях XX века, как кубизм, экспрессионизм, сюрреализм и др. Общей особенностью этих направлений была критика разрушительной индустриализации, которую в начале XX века вызвало модернизация (модернити). С этим связывается и критика мировой

войны. Поэтому постмодернистские течения отвергали и модернизм вместе с модернизацией (модернити). Между тем как необходимо заметить разницу между ними. (99, с.83-84).

Под данным углом зрения постмодернизм критикуется также в силу отвержения модернизма, наряду с модернити, и отождествления последнего с модернизмом.

В контексте противопоставления плюралистической установки постмодерна призыву к единству модерна акцентируется разграничение между модерном XX века и модерном в смысле Нового времени. Аналогично вышеотмеченной критике, основанной на отождествлении модернизации с модернизмом, противопоставляется критика таких понятий Нового времени, как детерминизм, прогресс, унификация общества и других в науке и искусстве, концепциях культуры и общества, составляющих модерн XX столетия. Отмечается, что подобная критика сегодня составляет основу постмодернистской установки, и идеи Нового времени входят в противоречие не только с постмодерном, но и модерном XX века. (205, с.132).

6.2. Противопоставление постмодернизма модернизму

В основном, постмодернизм критикуется через модернизм, в сравнении с последним и посредством его языка и концептов.

Первые критики постмодернити умозрительные. Отмечается, что образ мышления, критикующий характеристики модернити, однако как ни парадоксально, его не отвергающий, следовало бы называть «неомодернизмом» вместо «постмодернизма».

Но если даже модернисти полностью отвергаются, то это должно называться не постмодернизмом, а «нигилизмом». Постмодернизм может только проливать новый свет на модернизм (160, с.108-109). Однако, по Турену, без рационализации не может быть современности, но её не может быть без субъекта с чувством ответственности по отношению к себе и к обществу. Аналогично Турен, отстаивает модернизм, выражающий единство разума и субъекта, неомодернизм вместо постмодернизма. (174, с.227-228, 245).

Есть такая точка зрения, что модерн погрешен в том, что предлагает форму существования, сфокусированную на светском, следовательно, непредвиденном, физической реальности; а постмодерн развит, чтобы устранить эту погрешность. (145, с. 164-165).

Модерн – попытка забыть. Забыть Бога, вселенную, душу и совесть. Постмодерн же – состояние забывания забывания. Модерн – отвержение памяти; постмодерн же – состояние потери этой памяти. Больше нет ничего, что необходимо и стоило бы сохранить: единственная истина – относительная истина, резюмированная и выражающаяся в мотто «всё подходит», и неизбежно доходящая до нигилизма. (145, с.165).

6.3. Отождествление постмодернизма с модернизмом

В ряде подходов, отождествляющих постмодернизм с модернизмом, акцентируется его западное происхождение и служба интересам Запада, в особенности как аргумент его распространения на незападные общества. Данный подход составляет основу в большей степени западной критики постмодернизма.

В частности, утверждается, что если смотреть под углом зрения незападных культур, то между модернизмом и постмодернизмом почти нет разницы, и что оба служат интересам Запада. Критика постмодернизмом Запада противопоставляется нацеленности постмодернизма на поиск решений опять же на Западе, а не в незападных культурах (120, с.111).

В качестве контраргумента выдвигается также гипотетичность утверждения в постмодернистских работах и дискуссиях, что поток идей в западном и незападном обществах происходит в равной степени, обуславливая обогащение культур как негативное следствие, а синтез культур и традиций как позитивное следствие этого процесса. Отмечается односторонняя направленность потока культурных идей и продукции – из Запада в незападные страны. В качестве примера отмечается мировой театр как выражение мощи (силы), престижа и контроля Запада. Появление же изредка на сцене «незападных» представителей объясняется их экзотичностью или перениманием ими западных идей и принципов, служением интересам Запада. Акцентируется восприятие незападных произведений культуры как пустых символов или этнической моды. (162, с.38-39).

Как могут быть «захвачены» все реалии незападных культур постмодернизмом? Согласно Сердару, постмодернизм «как средоточие истины присваивает идентичности и историю незападных культур, эксплуатирует их будущее и завладевает их существованием» (162, с.27).

В целом, можно отметить, что вышеотмеченные позиции представляет собой пример незападной критики постмодернизма.

Отождествление постмодернизмом проецируется и на его критику, где он критикуется аналогично модернизму, параллельно ему.

В частности, отмечается, что если под термином «постмодернизм» подразумевается только одна из многих, следующих за «модернизмом» философий, то здесь должно быть определено в первую очередь философское значение термина «модернизм», что обусловит другое обобщение, так как в философии делать обобщение под названием «модернизм» невозможно. Зачастую невозможно обобщать философию XVIII века или XVIII, и XIX веков под названием «модернизм». Пока не будет определено, что такое «модернизм» как философское течение и что изменилось вместе с тем, что называется «постмодернизм», последний как термин, характеризующий философское течение не будет иметь какого-либо значения. В философии пытаться понять предшествующие столетия с помощью таких понятий, как «модернизм» и «постмодернизм», не даст ничего, кроме понятийного хаоса. (157, с.133).

Невозможность характеристики постмодернизма как совершенно «нового» утверждается через необоснованность определения модернизма как полного разрыва с прошлым и совершенно нового этапа.

Отмечается, что, к примеру, почти все философские вопросы и проблемы, выдвинутые в средневековье, Новое время, эпоху модерна», были разработаны в Античности. В области искусства, науки и политики после Античности возникали серьезные надломы и радикальные изменения, чего нельзя сказать о философии, так как в философии Античность итак включала крайнее разнообразие. «Преодоление»

впоследствии философии Античности было больше в форме детализации и обогащения проблем, выдвинутых ранее, нежели определения новых вопросов и проблем, что невозможно назвать «преодолением» в полном смысле этого слова. (157, с.133).

Данный подход применяется и в отношении постмодернизма. В частности утверждается, что если под термином «постмодернизм» подразумевается не философия определённой эпохи, а конкретное философское течение независимо от эпохи, и отмечается, что это течение антиреалистичная, антиэссенциалистская, субъективистская, релятивистская, перспективистская философия, то для такого рода философий необходимо обращаться не только к Ницше, жившему в XIX столетии, но и к Античности. В этом случае невозможно утверждать, что то, что называется «постмодернизмом» – нечто новое. Если «постмодернизм» представляет собой всего лишь примечание к скептицизму и перспективизму «Античности», то использование термина «постмодернизм» не более чем эксцентричность, излишество. По этой причине было бы продуктивнее сравнить тезисы таких философов, как Лиотар, Фуко, Деррида, Делёз, с другими философами в истории философии, чем обобщать их под общим названием «постмодернизм». (157, с.135).

Примером другой критики в этом измерении является отождествление модерна XX века с постмодерном путём проведения параллелей между эзотерическими формами модерна и экзотерической формой постмодерна, выражением в обыденной реальности. (205, с.132-133).

6.4. Отождествление постмодернизма с метанарративом

Одним из подходов к критике постмодернизма является отождествление последнего с метанарративом. Так, в выдвинутом Лиотаром утверждении о конце «великих рассказов» в «Состоянии постмодерна» усматривается противоречивость. Если больше не верят в великие рассказы, то на каких основаниях может быть принято объяснение самого Лиотара? (128, с.23).

Постмодернити, критикуя большие рассказы, выдвигая свои критерии, формулирует их в конструкциях, сомнительно схожих с этими большими повествованиями. (113, с.83).

В определённой степени постмодернизм превратился в своеобразный метанарратив (есть определённая постмодернистская линия в отношении многих философских вопросов) и поэтому время от времени становится беззащитен перед нападками в свой адрес. (164, с.15).

Критика выражается также в утверждении несостоятельности предложенной постмодернизмом программы, бесосновательности выдвигаемых постмодернизмом способов сопротивления личности навязываемым СМИ стереотипам массового сознания. В этом контексте выдвигается концепция «идеального интеллектуала» М.Фуко, способного осуществить «деконструкцию» современной ему «эпистемы», или концепция «шизофреника в высшем смысле» Ж.Делёза, имеющего доступ к «фрагментарным истинам» благодаря своему «привилегированному» положению. Таким образом, отмеченное только свидетельствует о

влиянии того или иного убеждения или концепции, а, следовательно, «метарассказов» на сознание. (269).

Существует мнение, что постмодернистские философы преувеличивают крушение метанарративов; в качестве очень уместного возражения против непризнания Лиотаром продолжающейся значимости метанарративов, выдвигается открытое усиление в последние годы религиозного радикализма (являющегося метанарративом, если существует). В особенности, если принимать во внимание, что развитие исламского радикализма, превратившись в важный фактор глобальной политической арены, сегодня всё чаще стало контролировать политическую жизнь на Среднем Востоке и в странах Азии, то это выглядит как вызов допустимости высказывания Лиотара на этот счёт. Согласно данной позиции, что после 11 сентября 2001-го года постмодернизм стал открыто противоречить радикалистским течениям в мире (к ним можно отнести и рыночный радикализм). (164, с.15).

Критика постмодернизма также основывается и на утверждении о том, что постмодернизм преподносит себя в качестве религии, что связывается с постмодернистским мировоззрением, обусловленным неустойчивостью постмодернизма и глобализации. «Постмодернизм преподносит себя в качестве завершённой теологии, религии, основанной на семи принципах: Нет Правды, Нет Истины, Только Образы, Нет Смысла, Плюрализм, Равная представленность (репрезентация) и Абсолютное Сомнение для всех и вся». (162, с.8). Отмечается, что постмодернизм преподносит себя как многокультурная религия, но это принесёт в незападные общества не свободу, а иллюзию свободы. (120, с.110).

В этом измерении примечательна интерпретация Джеймисона, также отстаивающего разрыв с модернистскими. Постмодернисты, выступающие против всех общепринятых правил, не выступают только против плюрализма, в то время как необходимо анализировать, является ли тотальное всегда деспотическим. Он отмечает, что ислам также тотален, но не деспотичен. Тогда как модернизм включает «рафинированный тоталитаризм». Джеймисон выдвигает мысль о том, что постмодернисты, отвергая общность истины, идут от монотеизма к многобожию, поэтому он отстаивает мысль о том, что постмодернизм порождает новый хаос и поэтому не может быть «исцелением». Шумахер (Schumacher) усматривает решение в возвращении к религии. (114, с.231-239).

6.5. Постмодернизм как иллюзия поликультурности и плюрализма

Другим важным доводом, выдвигаемым антипостмодернистами, является иллюзорность поликультурности и плюрализма постмодернизма. В частности, отмечается, что постмодернизм, приоткрывая покров соблазна поликультурализма и плюрализма, оставляет после себя лишь довлеющие и несправедливые экономико-культурную систему и власти, создаёт обман и иллюзию поликультурности, сводя все культуры и традиции к одной области. (162, с.8).

Обречённость дискурса постмодернизма как предоставления права слова отличным культурам связывается с экономической, политической, культурной, технологической, социальной и др. материально-технической недееспособностью отличных культур, называемых «незападными». Критика плюралис-

тического дискурса постмодернизма обуславливается тем, что в действительности посредством этого дискурса западные общества втягиваются в процесс секуляризации культур и нигилистического потребления. Отмечается, что, так как это и так является основной задачей модернизации, не наблюдается отход от западных целей, даже для достижения цели вырабатываются более изощрённые и пожирающие другого методы. Общества, с одной стороны, секуляризируясь, с другой стороны, вовлекаются в свободную рыночную экономику. (120, с.110).

Критика направлена на интерпретацию культурного плюрализма как нахождения экзотической продукцией разных культур спроса на западных рынках. В качестве посылки культурного плюрализма отмечается равенство таких сфер свобод, как идентичность, признание, принятие, предпочтение, право, политическая и общественная власть и др., реализация которых требует одинаковой «оснащённости» различных культур в различных сферах власти (политической, экономической, социальной, культурной). Без этого дискурсы отличности, 'Другого' только останутся субъектами, демонстрирующими своё эффективное существование только внутри Запада и воспринимающимися как 'Другие' Западом, как и движения по защите прав человека, окружающей среды, проявляющими себя в качестве новых социальных движений в западных обществах после 1960-ых годов. То есть «другое», утверждающее о расширении сферы свобод и отличий Запада, останется «Другим (отличным)» не в антропологическом значении, а «Другим (отличным)» в новых социальных движениях. (120, с.111).

Критика постмодернизма на Западе наблюдалась у сторонников марксизма. Например, Терри Иглтон (Terry Eagleton) критикует постмодернизм, который считает культурным стилем (119, с. 92).

Феликс Гваттари считает постмодернизм «только вещью посередине» как аромат или вирус гриппа, который «вовсе не является философией». (неокоммунистическое отрицание). (128, с.24).

В отличие от критики постмодернизма как иллюзии плюральности в западной критике подвергается критике сама идея равноправности в плюралистическом дискурсе постмодерна.

Геллнер критикует постмодернизм как вид релятивизма. «Постмодернизм своего рода терпимость; интеллектуальное соответствие обществу, терпимому ко всему. На мой взгляд, это полный вздор. Мысль о том, что правда относительна, все верования в равной степени действительны, в корне ошибочна. Эта идея очень странным образом ссылается на мысль, очень действенную с этической точки зрения, что все люди имеют равные права. Это значит, что раз все люди имеют равные права, в таком случае все верования в равной степени верны. Это полный вздор, потому что некоторые верования верны, а некоторые нет. Постмодернизм, будучи ошибочным, породил катастрофически отлакированную литературу, которую невозможно понять. Я решительно против постмодернизма». (123, с.61). Он также отмечает обречённость попыток постмодернистов обосновать свои идеи. (116, с.36).

6.6. Критика постмодернизма как исторической эпохи

Одной из критикуемых сторон постмодернизма также является то, что он, отвергая историчность, определяемую как доктрина, способную предсказывать судьбу человечества (165, с.91), для называния себя обращается к историческому определению («пост», то есть после). (174, с.215).

Для констатации нецелесообразности постмодернизма под этим углом зрения приводятся следующие аргументы (157, с.131-133):

1). Если слово «модерн» мы используем для толкования того, что «является новым», многое из того, что некогда считалось новым, сегодня кажется старым и то, что сегодня кажется новым, вероятно, в будущем будет старым; тогда «то, что является современным» ограничивать определённым периодом и отрезком времени бессмысленно. В силу того, что не может быть периода «модернизма», который можно будет установить в этом контексте, не может быть и периода, который мы могли бы назвать «постмодернизм», означающий «после модернизма». К тому же, если то, «что после нового», – повторение старого, не может быть новым, а нечто новое не может быть после нового. По этой причине использовать термин «постмодернизм» нецелесообразно.

2). Если использовать слово «модернизм» не для объяснения чего-то нового, а только для толкования философского контента определённого периода, то обращение к терминам «модернизм» и «постмодернизм» также будет бессмысленным. Так как обобщение философий касательно определённого отрезка времени

под названием «модернизм» также ошибочно, как и обобщение последующих идей под названием «постмодернизм».

3). Без упразднения таких искусственных терминов, как «Античность», «Средневековье», «Эпоха модерна», «Эпоха постмодерна», понять философов и их философии невозможно. В истории философии ни для одного отмеченного периода невозможно обобщить философские течения.

4). В каждой из отмеченных эпох всегда наличествовали различные философские течения, невозможно каждый период отождествлять с одним типом философского образа мышления и, исходя из этого, разделять различные периоды друг от друга. Не было элемента, характерного только для одной эпохи и не существовавшего ни в одной другой; и в разделяемых периодах всегда имели место совмещения и пересечения. В философии как на стыке эпох, так и внутри каждого из отмеченных периодов были совпадения, пересечения и разделы.

5). Другими словами, в истории философии всегда была некая продолжительность и взаимодействие; невозможно утверждать, что существуют резкие и радикальные разделы; если последние и имели место, то не между эпохами, а между философами. По этой причине термины, выражающие отмеченные периоды, не могут претендовать на нечто большее, кроме как выражать определённый отрезок времени.

6). Не следует сводить философа к эпохе, а эпоху к философу.

7). Следовательно, подразумевание под термином «постмодернизм» философии определённого отрезка времени, к примеру, обобщение философии XX столетия

или второй половины XX века под названием «постмодернизм» невозможно, так как в отмеченном веке были и другие философские течения, как логический позитивизм и экзистенциализм, которые невозможно отождествлять с философиями авторов, которые считаются представителями «постмодернизма».

Согласно Келлнеру, ни Фуко, ни Деррида не создали социальной теории постмодерна, к тому же ни Бодрийяр, ни Лиотар достаточно не теоретизировали, что лежит в основе надлома или разрыва между модерном и постмодерном. (147, с.244-245).

Данный угол зрения объясняется следующим образом:

В первую очередь, теорию необходимо сделать исторической или периодической. Если утверждается переход от общества модерна к обществу постмодерна, необходимо выдвинуть объяснение относительно предыдущего общественного порядка (модернити), нового общественного порядка (постмодернити) и показателей надлома или разрыва между этими двумя. Следовательно, ни Фуко, ни Бодрийяр, ни Лиотар, ни Деррида не создали социальные теории постмодерна. Постмодернисты, в основном, (Джеймисон может быть исключением) не смогли достаточно теоретизировать то, что является надломом или разрывом между модерном и постмодерном. Постмодернизм во всех отношениях в положении «нахлебника» модернити; живёт и подпитывается успехами и тупиками модернити. Постмодернизм – непреодолимая опрометчивость нападок на модернизм, может, протест против «проекта модерна» (150, с.94-95).

В целом отмечается, что постмодернистские тенденции могут быть усмотрены в истории философии

и искусства, а достижения предыдущих эпох реинтерпретируются сегодня постмодернистами, что свидетельствует о конформистском, а не исключаящем характере постмодернизма. (283).

В основном, упор делается на расплывчатость понятия постмодернизм, отсутствия чётких границ, аналогичность другим философским концепциям, невозможность различения от философий разных эпох, в целом, на отсутствие конкретики.

«Всё в сторону, очевидно, что у постмодерна нет 39 принципов или того, что можно назвать «постмодернистским манифестом», чтобы мы уверенно в соответствии с ним могли бы полностью определять составные идеи. (124, с.41).

Сложность критики постмодернизма обусловлена тем, что хотя философия постмодернизма и связывается с именами Лиотара, Бодрийяра, Фуко, Джеймисона, Деррида, все они не называют себя постмодернистами. К тому же различия между ними не позволяют использовать в отношении их общее обозначение. К примеру, несмотря на то, что в работе «Fifty Key Contemporary Thinkers» (Пятьдесят ведущих современных мыслителей) в категории «постмодернистские» мыслители называются имена Бодрийяра и Лиотара, Деррида и Фуко отмечены среди «постструктуралистских» мыслителей (161, с.14).

Объяснением отказа называться постмодернистом (к примеру, Р.Рорти) служило также то, что это предполагало особый стиль письма.

В заключение

В контексте вышеотмеченного можно отметить, что в целом критики постмодернизма сводятся к следующему:

Постмодернити – ни исторический период, ни политическая или культурная тенденция с хорошо определёнными характеристическими особенностями; она (постмодернити) может пониматься как специфическое коллективное время и пространство внутри более широкого комплексного времени и пространства. (136, с.7).

Данная позиция обусловлена критической установкой в отношении модернити и вызванных ею проблем, тупиков и погрешностей.

На фоне вышеизложенного наряду с западной вырисовывается и незападная критика постмодернизма, вызванная специфическим восприятием постмодернизма в западной проекции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В какой-то степени, соглашаясь с Бодрийаром, что событие опережает историю, можно констатировать тот факт, что в обществе наблюдаются явления, которые сложно анализировать в рамках прежних и исторически устоявшихся парадигм и концепций, в частности наличие постмодернистских индикаторов. Соответственно ощущается необходимость в новой контекстуализации. Однако последняя должна выходить за рамки лишь абсолютизации негативных аспектов модернизационных процессов. Исходя из анализа отмеченной проблематики, можно отметить следующее:

Комплексный характер постмодерна обуславливает междисциплинарный подход к анализу постмодернистских индикаторов в обществе.

Согласно У.Эко, «...у любой эпохи есть свой постмодернизм». (285, с.636). На наш взгляд, у каждой эпохи есть своя современность, во всяком случае, её понимание. Степень или уровень современности того или иного общества должны определяться его способностью ответить на её вызовы, то есть вызовы современности, так как «модерным, современным считается то, что способствует объективному выражению спонтанно обновляющейся актуальности духа времени» (277, с.40-41). Социальные реалии показывают, что те стандарты, которые в модерне считались «современными» и играли роль ориентиров, сегодня обнаруживают свою несостоятельность. В соответствии с законами развития, закономерна тенденция поиска новых ориентиров вместо изживших, исчерпавших себя или, во всяком

случае, новых понятий для объяснения новых реалий. Новый расклад или новая контекстуализация предполагает новый концептуальный аппарат. Однако для того, чтобы последний устоялся, необходимо время. Насколько постмодерн и его дериваты выполняют или смогут выполнить эту миссию, неизвестно, так как постмодерн тоже возник на фоне кризиса модерна и выявления его «погрешностей». Если постмодерн – переинтерпретация модерна, то переинтерпретации может быть подвергнут и сам постмодерн. Соответственно, завтрашняя современность может возникнуть на фоне кризиса постмодерна, что перекликается с его характеристикой как «неуправляемого возрастания сложности» (Лиотар). А сказать какой она будет или попытаться очертить её контуры уже сегодня невозможно, так как их определит наше «сегодня» и «завтра», которые мы всё ещё переживаем и будем переживать, то есть само время и развитие. Данная точка зрения также перекликается с такой характеристикой постмодернизма, как отсутствие причинно-следственных связей и в силу этого возможности прогнозировать будущее.

Анализ формулировок, умозаключений, установок, аргументов и подходов относительно критики постмодернизма, претерпевая определённую модификацию, в целом свидетельствует о том, что авторы, не принимающие постмодернизм, в основном, новое, вырисовывающееся как постмодернити состояние, расценивают как особый этап или период внутри модернити. Критика постмодернизма обусловлена его выходом за рамки, отформатированные модерном, и проводится, апеллируя модерном, через призму его категориального аппарата.

Вопрос об адекватности отражения в сознании людей реального содержания объективных процессов всегда останется открытым.

Постмодернизм выступает идеологией многообразия, провозглашающей культуру диалога, исключая само разделение на «моё» и «иное». Диалогизм постмодерна строится на «оттачивании чувствительности к жизненному и культурному разнообразию». (188, с.20). Однако постмодернистский диалог подразумевает признание равноценности всех реально наличествующих в современном обществе жизненных миров и взаимодействие самодостаточных и самоценных точек зрения в едином поле.

Поиски отличности и самобытности выражают критическое противостояние гомогенизирующим практикам и уподобляющим стратегиям современности (модерна).

Постмодернистский дискурс, расширяя смысловую нагрузку мультикультурализма, актуализирует концепт больше, чем когда либо, делая акцентуацию на необходимость диалога, соответственно, на коммуникативную составляющую, и на мультикультурализм как форму (и/или необходимое условие) сосуществования в современном поликультурном мире.

Библиография:

1. *Arendt H.* The Human Condition. Chicago: University of Chicago Press, 1998
2. *Baudrillard J.* Extasy of Communication // Postmodern Culture / Ed. by H.Foster. L., 1998.
3. *Baudrillard J.* In the Shadow of the Silent Majorities. New York: Semiotext(e), 1983.
4. *Baudrillard J.* Oublier Foucault. Paris, 1977
5. *Baudrillard J.* Seduction. Trans. B.Singer. Basingstoke and London: Macmillan, 1990.
6. *Baudrillard, J.* Simulations. New York: Semiotext(e), 1983.
7. *Bauman, Z.* Intimations of Postmodernity. London: Routledge, 1992.
8. *Bauman Z.* Is there a Postmodern Sociology? // Theory, Culture & Society, 7 (2-3), 1988.
9. *Bauman Z.* Postmodern Ethics. Oxford: Basil Blackwell, 1993.
10. *Bauman Z.* Life in Fragments: Essays in Postmodern Morality. Oxford: Blackwell, 1995.
11. *Bell D.* Beyond Modernism, Beyond Self // Sociological Journeys. London: Heinemann, 1980.
12. *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. New York, 1973.
13. *Benhabib S.* Situating the Self: Gender, Community and Postmodernism in Contemporary Ethics. New York: Routledge Press, 1992.

14. *Bernstein R.J.* The New Constellation: The Ethical-Political Horizons of Modernity/Postmodernity. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1990.
15. *Bhuiyan, S.I.* Impact of new media technology on society Tuesday // Asia Media - [http:// www.asiamedia.ucla.edu /article.asp?parentid=52164](http://www.asiamedia.ucla.edu/article.asp?parentid=52164)
16. *Blake P.* Form Follows Fiasco: Why Modern Architecture Hasn't Worked. Boston: Atlantic Monthly Press, 1977.
17. *Bourdieu P.* Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste. Trans. R.Nice. London: Routledge - Kegan Paul, 1984.
18. *Bourdie P.* Interview // Theory, Culture and Society, 3 (3), 1986.
19. *Bruns G.L., Verdicchio, M.* Diacritics 14, no. 1 (Spring), 1984.
20. *Collier K.* After the Welfare State. New York: New Star Books, 1997.
21. *Collins J.* Uncommon Cultures: Populer Culture and Postmodernism, New York, 1989.
22. *Crook S. et al.* Postmodernization: Change in Advanced Society, London: Sage, 1992.
23. *Culler J.* On Destruction: Theory and Criticism after Structuralism. Ithaca, 1982.
24. *Curry M.R.* Wittgenstein and the Fabric of Everyday Life // Thinking Space. Ed. by M.Crang & N.Thrift. London & New York: Routledge, 2000, pp.89-104.
25. *Deleuze G., Guattari F.* Anti-Oedipus. Trans. R.Hurley, M.Seem & H.Lane. London: Athone Press, 1984.
26. *Derrida J.* Whiting and Difference. Trans. A.Bass. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
27. *Featherstone M.* Consumer Culture and Postmodernism. London, 1991.

28. *Featherstone M.* Cyberspace/Cyberbodies/Cyberpunk: Cultures of Technological Embodiment. London: Sage Publication, 1996.
29. *Featherstone M.* In Pursuit of the Postmodern: An Introduction // *Postmodernism* / Ed. By M.Featherstone, London, 1988.
30. *Featherstone M.* Undoing Culture, Globalization, Postmodernism and Identity. London: Sage Publications, 1997.
31. *Feyerabend P.* Against method. Outline of an anarchistic theory of knowledge. London, 1975.
32. *Foucault M.* The Archaeology of Knowledge. Trans. A.M.S.Smith. New York: Vintage, 1972.
33. *Foucault M.* The Archeology of Knowledge. New York: Pantheon Books, 1982.
34. *Foucault M.* The History of Sexuality. Trans. R.Hurley. New York: Vintage Books, 1990.
35. *Fukuyama F.* The End of History? // The National Interest, №16, pp. 3-18. London: Penguin Books, 1989.
36. *Gellner E.* Postmodernism, Reason and Religion. London: Routledge, 1992.
37. *Giddens A.* Nine Theses on the Future of Sociology // Social Theory and Modern Sociology. Cambridge: Polity Press, 1987.
38. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford University Press, 1991.
39. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990.
40. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Stanford University Press, 1991.
41. *Habermas Y.* Modernity: An Incomplete Project // Postmodern Culture. Ed. By H.Foster, 1985.

42. *Hannerz U.* Stockholm: double creolizing // To Make the World Safe for Diversity: Towards an Understanding of Multicultural Societies / Ed. By A.Daun, E.Ehn & B.Klein. Stockholm: Swedish Immigration Institute and Museum & Ethnology Institute, Stockholm University, 1992.
43. *Harvey D.* The condition of Postmodernity. Oxford, 1989.
44. *Harvey D.* The Condition of Postmodernity. Oxford: Blackwell, 1992.
45. *Hassan I.* The Culture of Postmodernism // Theory, Culture & Society, 2 (3), 1985.
46. *Hassan I.* The Postmodern Turn: Essays in Postmodern Theory and Culture, 1987.
47. *Hassan I.* Toward a Concept of Postmodernism // From The Postmodern Turn, 1987 – <http://www.mariabuszek.com/kcai/PoMoSeminar/Readings/HssnPoMo.pdf>
48. *Hawthorn G., Lund L.* Private end Public in 'Late-Modern' Democracy // The Politics of Postmodernity / Ed. by J.Good & I.Velody. Cambridge: Cambridge University Press, 1998, pp. 36-48.
49. *Heidegger, M.* Building, Dwelling, Thinking // *Poetry, Language, Thought*, (1971). Trans. by Albert Hofstadter, New York, 1971
50. *Hoffman G.* Hornung A., Kunow R. "Modern", "Postmodern" and "Contemporary": Zur Klassifizierung der amerikanischen Erzählliteratur des 20.Jahrhunderts // "Der zeitgenössische amerikanische Roman: Zwischen Realismus und postmodernem Experiment". Hrsg. Von G.Hoffman, München, 1987.
51. *Jacoby R.* The Last Intellectuals. New York: Basic Books, 1987.

52. *Jameson F.* Foreword to J.F.Lyotard, *The Postmodern Condition*. Manchester: Manchester University Press, 1984.
53. *Jameson F.* *Postmodernism and the Consumer Society // Postmodern Culture / Ed. by H.Foster*. London: Pluto Press, 1984.
54. *Jameson F.* *Postmodernism: or the Cultural Logic of Late Capitalism // New Left Review*, 146, 1984, pp. 53-92.
55. *Jameson F.* *Regarding Postmodernism: A Conversation // Social Text*, 17 (Autumn), 1987.
56. *Jameson F.* *The political Unconscious: Narrative as a socially symbolic Act*. L., 1981.
57. *Jencks Ch.* *The Language of Post-Modern Architecture*. New York: Rizzoli, 1977.
58. *Jencks Ch.* *The Rise of Postmodern Architecture // Architecture - Inner Town Government*. Eindhoven, 1975.
59. *Jencks, Ch.* *The Rise of Postmodern Architecture // Architecture Association Quarterly*, №4, 1975.
60. *Kaplan A.M., Haenlein M.* *Users of the world, unite! The challenges and opportunities of Social Media // Business Horizons*, 2010, 53 (1), 59-68.
61. *Köhler M.* "Postmodernismus": Ein begriffsgeschichtlicher Überblick // *Amerikastudien*, 12, 1977, Heft. 1.
62. *Kulizade Z.* *Philosophy of Islamic Region in the context of Intercultural Dialogue and Globalization Trends of the Contemporary Period / World Forum on Intercultural Dialogue Baku 7-9 April 2011 Baku Forum Reader*, Baku, Ministry of Culture and Tourism of the Republic of Azerbaijan, 2011, pp. 200-208.
63. *Kymlicka W.* *Civil Society and Government: A Liberal-Egalitarian Perspective // Civil Society and Government /*

- N.L.Rosenblum & R.C.Post. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2002, pp.79-110.
64. *Lacan J.* *Ecrits*. P., 1966.
65. *Leitch V.B.* *Deconstructive Criticism: An Advanced Introduction*. New York: Columbia University Press, 1983.
66. *Levinas E.* *Autrement que savoir*. P.: Vrin, 1988.
67. *Lyotard J.F.* *Interview // Theory, Culture and Society*, 5 (2-3), 1988.
68. *Lyotard J.-F.* *Le Postmoderne Expliqué aux Enfants*, Paris: Galilée, 1986.
69. *Lyotard, J.-F.* *The Inhuman: Reflections on Time*. Trans. G.Bennington & R.Bowlby. Oxford: Blackwell, 1991.
70. *Lyotard J.-F.* *The Postmodern Condition*. Manchester, 1984.
71. *Mandel E.* *Late Capitalism*. London: New Left Books, 1975.
72. *Moscovici C.* *Double Dialectics: Between Universalism and Relativism in Enlightenment and Postmodern Thought*. London: Rowman&Littlefield, 2002.
73. *Norris C.* *Deconstruction: Theory and Practice*. London and New York: Methuen, 1982.
74. *O'Neil J.* *Religion and Postmodernism: The Durkheim Bond in Bell and Jameson // Postmodernism*. Ed. by M.Featherstone, London, 1988.
75. *Oniz F.* *Antologia de la Poesia Española e Hispanoamericana*. Madrid, 1934.
76. *Palmer R.E.* *Postmodernity and Hermeneutics // Boundary 2*, 22, 1977.
77. *Pannwitz R.* *Die Krisis der europälschen Kultur*. Werke. Bd. 2, Nürnberg, 1917.
78. *Parsons T.* *Sociological Theory and Modern Society*. N.Y.: Free Press, 1967.
79. *Parsons T.* *The Social System*. Glencoe: Free Press, 1967.

80. *Reimer B.* Postmodern Structures of Feelings: Values and Lifestyle in Postmodern Age // Contemporary Political Culture: Politics in a Postmodern Age / Ed. by J.R.Gibbins. London, 1989.
81. *Ricoeur P.* Soi-meme comme un autre. P., 1990.
82. *Ritzer G.* Postmodern Social Theory. New York: The McGraw-Hill Companies, 1997.
83. *Robertson R.* Globalization or Glocalization // The Journal of International Communication, 1994, № 1.
84. *Sartre J.-P.* Critique de la raison dialectique. P., 1960.
85. *Sarup M.* An Introductory Guide to Post-Structuralism and Postmodernism. Atlanta: University of Georgia Press, 1993.
86. *Seligman A.B.* Towards a Reinterpretation of Modernity in an Age of Postmodernity // Theories of Modernity and Postmodernity / Ed. by B.S.Turner. London, 1993 (Reprint), pp.117-18.
87. *Shankman S.* Other Others: Levinas, Literature, Transcultural Studies. State University of New York Press, 2010.
88. *Shankman S.* Rembrandt's The Sacrifice of Isaac, Abraham's Suspended Knife, and the Face of the Other // International Journal of Cultural Research, № 1 (2), 2011, pp.66-81 – [http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2011/IJCR_01\(2\)_2011_Shankman.pdf](http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2011/IJCR_01(2)_2011_Shankman.pdf)
89. *Smart B.* Postmodernity. London, 1993.
90. *The Architect's Journal.* London: Emap, 1972.
91. *Tiffin J., Terashima N.* (Ed.). Hyper-Reality: Paradigm For the Third Millenium. London, New York: Routledge, 2001.
92. *Toynbee A.A.* Study of History. Abridgement of Volumes I-VI by D.C.Sommervell. Oxford, 1947.

93. *Turner B.S.* From Postindustrial Society to Postmodern Politics: The Political Sociology of Daniel Bell // Contemporary Political Culture: Politics in a Postmodern Age / Ed. by J.R. Gibbins. London: Sage, 1989, pp. 199-217.
94. *Turner B.S.* Periodization and Politics in Postmodern // B.S.Turner, Theories of Modernity and Postmodernity. London, 1993.
95. *Vattimo G.* The end of modernity. Nihilism and hermeneutics in post-modern culture. Cambridge, 1988.
96. *Welsch W.* Unsere postmoderne Moderne. Weinheim, 1987.
97. *Wheale N.* (Ed.). The Postmodern Arts: An Introductory Reader, Londra, New York: Routledge, 1995.
98. *Adanır O.* Modern Dünyaya Özgü bir Düşünce Simülakrı // Düşünen Siyaset, Düşünce Dergisi, Sayı 21, Aralık 2005, Ankara: Lotus Yayınları, s. 43-50.
99. *Akay A., Bilgin İ., Koçak O., Savaşır İ.* Çelişki ve Fark: Modernizm ve Postmodernizm Üzerine Söyleşi // Defter 18, 1992.
100. *Aktan C.C.* Globalleşme, Bölgeselleşme ve Yerelleşme // Modernite'den Postmodernite'ye Değişim /Ed. C.C.Aktan. Konya: Çizgi Kitabevi, 2003, s.149-153.
101. *Aktan C.C.* Yeni Değişim Dinamikleri ve Devletin Yeni Rolü // Modernite'den Postmodernite'ye Değişim / Ed. C.C.Aktan. Konya: Çizgi Kitabevi, 2003, s.157-171.
102. *Əliyev Ə.* Elmi idrak və dini etiqad. Bakı, 1989.
103. *Althusser L.* İdeoloji ve Devletin İdeolojik Aygıtları. Çev. Y.Alp, M.Özışık, İstanbul: İletişim Yayınları, 2. Baskı, 1989.
104. *Altunoğlu M.* Küresel ve Yerel Arasındaki Geçişlilikler ve Melez Kimlikler // Düşünen Siyaset, Düşünce Dergisi, Sayı 21, Aralık 2005, Ankara: Lotus Yayınları, s. 221-245.

105. *Anderson P.S.* Postmodernizm ve Din // Postmodern Düşüncenin Eleştirel Sözlüğü, Çev. M.Erkan, A.Utku, 1. bs. Ankara: eabil Yayıncılık, 2006, s. 59-66.
106. *Aslan S., Yılmaz A.* Modernizme bir Başkaldırı Projesi Olarak Postmodernizm // Modernite'den Postmodernite'ye Değişim / Ed. C.C.Aktan. Konya: Çizgi Kitabevi, 2003, s. 75-95.
107. *Aslanoğlu R., Kent A.* Kimlik ve Küreselleşme. Bursa: Asa Y., 1998.
108. *Baran A.G.* Postmodernizmin Özne ve Akıl Kavramlarına Yönettiği Eleştirilere Eleştirel bir Bakış // Düşünen Siyaset, Düşünce Dergisi, sayı 21, Aralık 2005, Ankara: Lotus Yayınları, s.113-130.
109. *Baudrillard J.* Simülakrlar ve Simülasyon. Çev. Oğuz Adanır, 5. Baskı. Ankara: Doğu - Batı, 2010.
110. *Beriş H.E.* Moderniteden Postmoderniteye // Siyaset / Ed. M.Türkone. Ankara: Lotus Yayınları, 2003.
111. *Best S., Kellner D.* Postmodern Teori, Çev. M.Küçük, İstanbul: Ayrıntı Yayınları, 1998.
112. *Bolay S.H.* "Postmodernizm" Modernite'den Postmodernite'ye Değişim / Ed. C.C.Aktan. Konya: Çizgi Kitabevi, 2003.
113. *Boyne, R., Rattansi, A.* Postmodernizmde Kuram ve Siyaset // Birikim, 56, Aralık, 1993.
114. *Bulaç A.* Din ve Modernizm. İstanbul. İz Yay., 1995.
115. *Cangızbay K.* Sosyolojiler değil Sosyoloji. 1. Baskı. Ankara: Öteki Yay., 1996.
116. *Castoriadis C.* Toplum İmgeleminde Kendini Nasıl Kurar? Marksizm ve Devrimci Kuram, çev. Hülya Tufan. İstanbul: İletişim, 1997.
117. *Demir Ö.* Bilim Felsefesi. İstanbul: Ağaç Yay., 1992.
118. *Demirci F.* Modernite Sorunsalında Postmodernite // Düşünen Siyaset Birikimler I, Düşünce Dergisi, Sayı 15, Aralık 2000, Ankara: Lotus Yayınları, s. 83-108.
119. *Eagleton T.* Postmodernizmin Yanılsamaları. İstanbul: Ayrıntı Yayınları, İnceleme, 1999.
120. *Erdem T.* Postmodernizmin "Öteki"si Hangi "Öteki" ? // Düşünen Siyaset, Düşünce Dergisi, Sayı 21, Aralık 2005, Ankara: Lotus Yayınları, s. 101-112.
121. *Featherstone M.* Postmodernizm ve Tüketim Kültürü. Çev. M.Küçük. 2. Basım. İstanbul: Ayrıntı Yayınları, 2005.
122. *Friedman J.* Küresel Sistem, Küreselleşme ve Modernitenin Parametreleri // Postmodernizm ve İslâm, Küreselleşme ve Oryantalizm. 2. Baskı. Ankara: Vadi Yayınları, 1999, s.82-114.
123. *Gellner E.* Mülakat. Konuşan: Şahin Alpay. Türkiye Günlüğü. Sayı 24, Ankara: Cedit Yayınları, 1993.
124. *Gellner E.* Postmodernizm, İslam ve Us. Çev. B.Peker, Ankara: Ümit Yayıncılık, 1994.
125. *Giddens A.* Modernliğin Sonuçları, çev. E.Kuşdil, İstanbul, 1994.
126. *Göle N.* Melez Desenler İslam ve Modernlik Üzerine. 3. Basım. İstanbul: Metis Yayınları, 2008.
127. *Grant I.H.* Postmodernizm ve Bilim ve Teknoloji // Postmodern Düşüncenin Eleştirel Sözlüğü. Çev. M.Erkan, A.Utku, 1. Baskı, Ankara: Babil Yayıncılık, 2006, s.77-92.
128. *Grant I.H.* Postmodernizm ve Politika // Postmodern Düşüncenin Eleştirel Sözlüğü. Çev. M.Erkan, A.Utku, 1. bs. Ankara, eabil Yayıncılık, 2006, s.17-30.
129. *Grant T., Woods A.* Bilincin Geriden Gelmesi, 01-06-2007 -<http://www.pcforumlari.com/bilincin-geriden-gelmesi-t24724.html>

130. *Qurbanov F.* Tarixin "Postqərb" mərhələsinə keçid. I cild. Risklər, proqnozlar və ssenarilər. Bakı: "Təknur" nəşriyyatı, 2009.
131. *Gülerce A.* Postmodernist Düşünen Siyaset Açısından Türkiye Toplumunun Özneşmesi // Düşünen Siyaset Düşünce Dergisi, Sayı 21, Aralık 2005, Ankara: Lotus Yayınları, s. 11-29.
132. *Güvenç B.* Osmanlı'dan Cumhuriyete Kültürümüzde Batı Etkileri. Türkiye Bilimler Akademisi Forumu, 2. Baskı. Ankara: Şenol Matbaacılık, 2004.
133. *Xəlilov S.* Elm haqqında elm. Bakı: "Azərbaycan Universiteti" nəşriyyatı, 2011.
134. *Hall S.* Yerel ve Küresel: Küreselleşme ve Etniklik // Mürəkkep, Kış-Bahar 95.
135. *Harvey D.* Postmodernliğin Durumu. Çev.: Sungur Sarvan. İstanbul: Metis Yayınları, 1997.
136. *Heller A., Feher F.* Postmodern Politik Durum. Çev.: Şükrü Argın, Osman Akınbay. Ankara: Öteki Yayınevi, 1993.
137. *Horkheimer M.* Akıl tutulması. Çev. O.Koçak. 4. baskı. İstanbul: Metis, 1988.
138. *Huyssen A.* Postmodernin Haritasını Yapmak // M.Küçük (Derl.) Modernite versus Postmodernite, Ankara, 1993.
139. *Huyssen A.* Postmodernin Haritasını Yapmak // Modernite versus Postmodernite / Derl. M.Küçük. Ankara: Vadi Yayınları, 1994.
140. *Hüseynov S.* Azərbaycanda dini tolerantlıq mədəniyyəti: tarix və müasirlik Bakı: "Təknur", 2012.
141. *İlgaz T.* Eskiler ve Modernler Bitmeyen (Siyasi) Tartışma // Düşünen Siyaset, Sayı 21, Aralık 2005. Ankara: Lotus Yayınları, s. 53-62.
142. *Jameson F.* Postmodernizm ya da Geç Kapitalizmin Kültürel Mantığı // Jameson, Lyotard, Habermas,

- Postmodernizm / Der. N.Zekâ. İstanbul: Kıyı Yayınları, 1990.
143. *Jearnier A.* Modernite Nedir?. Çev. Kilmün Tural // Modernite Versus Postmodernite / Der. M.Küçük. Ankara, Vadi Yay., 1994, s.16-23.
144. *Kahraman H.B.* Postmodernite ile Modernite Arasında Türkiye 1980 Sonrası Zihinsel, Toplumsal, Siyasal Dönüşüm. 2. Basım. İstanbul: Agora Kiyaplığı, 2007.
145. *Kaplan Y.* Antikite'den Postmodernite'ye: Tanrısız Araziden İnsansız Arazi'ye Paganizmin Serüvenleri // Düşünen Siyaset, Düşünen Siyaset, Sayı 21, Aralık 2005, Ankara: Lotus Yayınları, s. 139-169.
146. *Kellner D.* Toplumsal Teori Olarak Postmodernizm // Modernite versus Postmodernite / Der. M.Küçük. Ankara, 1993.
147. *Kellner D.* Toplumsal Teori Olarak Postmodernizm: Bazı Meydan Okumalar ve Sorunlar // Modernite versus Postmodernite / Der. M.Küçük. Ankara: Vadi Yayınları, 1994.
148. *Khosrokhavar F., Roy O.* İran: Bir Devrimin Tükenişi. İstanbul: Metis, 2000.
149. *Kılıçbay M.A.* Kimlik: Bir Tasnif Sorunu // Türkiye Günlüğü, sayı 33, Mart-Nisan 1995.
150. *Kızılçelik S.* Postmodernizm: 'Modernlik Projesine' Bir Başkaldırı // Türkiye Günlüğü, Sayı: 30, 1994.
151. *Kula O.B.* Demokratikleşme ve Eleştirel Kültür Bilinci, Ankara: Gündoğan Yay., 1991.
152. *Laclau E.* Politika ve Modernitenin Sınırları // PostModernist Burjuva Liberalizmi, Türkçesi: Yavuz Alogan, İstanbul: Sarmal Yayınevi, 1995.
153. *Loo H.V.D., Reijen W.V.* Modernleşmenin Paradoksları. Çev. K.Canatan. İstanbul: İnsan Yayınları, 2003.

154. *Lyotard J.-F.* Postmodern Durum. İngilizce'den Çeviren: A.Çiğdem. Ankara: Vadi Yayınları, 1997.
155. *Məmmədzadə İ.* Bir daha fəlsəfə haqqında. Müasir yanaşmalar. Təmayüllər. Perspektivlər. Bakı: "Təknur", 2012.
156. *Mollaer F.* Moderniteden Postmoderniteye: Rasyonalite, Bilim, Kapitalizm // Düşünen Siyaset, Düşünen Siyaset, Sayı 21, Aralık 2005, Ankara: Lotus Yayınları, s. 63-100.
157. *Öymen Ö.K.* Felsefede "Post-Modernizm" Kavramının Anlamsızlığına Dair Bir Manifesto // Düşünen Siyaset, Düşünen Siyaset, Sayı 21, Aralık 2005, Ankara: Lotus Yayınları, s. 131-135.
158. *Robertson R.* Glokalleşme: Zaman-Mekan ve Homojenlik-Heterojenlik // Postmodernizm ve İslam Küreselleşme ve Oryantalizm / Der. A.Topçuoğlu, Y.Aktay, 1. basım. Ankara: Vadi Yayınları, 1996, pp.115-142.
159. *Rosenau P.M.* Postmodernizm ve Toplum Bilimleri, çev. Tuncay Birkan. Ankara: Bilim ve Sanat Yayınları, 1998.
160. *Sarıbay A.Y.* Postmodernite, Sivil Toplum ve İslam, 2. Baskı, İstanbul, İletişim Yayınları, 1995.
161. *Sarıbay A.Y.* Postmodernite, Sivil Toplum ve İslam. genişletilmiş 3. Baskı. İstanbul: Alfa Yayınları, 2001.
162. *Serdar Z.* Postmodernizm ve Ötek: Batı Kültürünün Yeni Emperyalizmi, çev. Gökçe Kaçmaz, İstanbul: Söylem Yayınları, 2001.
163. *Sim S.* Postmodern Düşüncenin Eleştirel Sözlüğü. Çev. M.Erkan, A.Utku, 1. bs. Ankara: ebabil Yayıncılık, 2006.
164. *Sim S.* Postmodernizm ve Felsefe // Postmodern Düşüncenin Eleştirel Sözlüğü. 1. Baskı, Ankara, Babil Yayıncılık, 2006, s. 3-15.
165. Sosyal Bilimler Akademisi, 4. C., İstanbul: Risale Yay., 1990.

166. *Spencer L.* Postmodernizm, Modernite ve Muhalefet Geleneği // Postmodern Düşüncenin Eleştirel Sözlüğü. Çev. M.Erkan, A.Utku, 1. bs., Ankara: ebabil Yayıncılık, 2006, s.183-195.
167. *Storey J.* Postmodernizm ve Popüler Kültür // Postmodern Düşüncenin Eleştirel Sözlüğü. Çev. M.Erkan, A.Utku, 1. bs. Ankara: ebabil Yayıncılık, 2006, s. 171-182.
168. *Şaylan G.* Çağdaş Düşünce Akımları Postmodernizm (Ders Notları). Ankara: TODAİE Yayınları, 1996.
169. *Tezcan B.* Postmodernliğin Dayanılmaz Hafifliği // Birikim, 63, Temmuz, 1994.
170. *Therborn G.* İktidarın İdeolojisi ve İdeolojinin İktidarı, çev. İ.Cüre. İstanbul: İletişim Yayınları, 1989.
171. *Timur T.* Küreselleşme Krizi. Ankara: İmge Yayınevi, 1996.
172. *Topçuoğlu A., Aktay Y.* Giriş // Postmodernizm ve İslam Küreselleşme ve Oryantalizm. Ankara: Vadi Yayınları, 1999.
173. *Topçuoğlu A., Aktay Y.* Postmodernizm ve İslam Küreselleşme ve Oryantalizm. Ankara: Vadi Yayınları, 1996.
174. *Touraine A.* Modernliğin Eleştirisi. Çev. H.Tufan. 2. Baskı, İstanbul: Yapı Kredi Yay., 1995.
175. *Turner B.* Benlik ve Düşünsel Modernlik // Postmodernizm ve İslam, Küreselleşme ve Oryantalizm. 2. Baskı, Ankara: Vadi Yayınları, 1999, s.151-169.
176. *Turner B.S.* Oryantalizm Postmodernizm ve Din. Çev. Y.Aktay // Tezkire, 9-10, Bahar, 1996.
177. *Turner B.S.* Oryantalizm Postmodernizm ve Din // Postmodernizm ve İslam, Küreselleşme ve Oryantalizm. 2. Baskı, Ankara: Vadi Yayınları, 1999, s.36-57.

178. *Tüzer A.* Postmodernizmin Din Adına Düşündükleri // Düşünen Siyaset Düşünce Dergisi, Sayı 21, Aralık 2005, Ankara: Lotus Yayınları, s. 185-193.
179. *Tüzün H.* Postmodernizm // Siyasal Araştırmalar, Ankara, yaz 1994.
180. *Uğur A.* Postmodernizmin Siyasetle İlişkisi Üzerine // Defer, 18, Ocak – Haziran 1992, s.36-40.
181. *Watson N.* Postmodernizm ve Yaşam Tarzları // Postmodern Düşüncenin Eleştirel Sözlüğü. 1. bs. Ankara: ebabil Yayıncılık, 2006, s. 45-57.
182. *West D.* Kıta Avrupası Felsefesine Giriş. Çev. A.Cevizci. İstanbul: Paradigma Yayınları, 1998.
183. *Veysel Ç.* Ben ve Başkası ya da Öteki İlişkisine Bir Bakış // Düşünen Siyaset, İslam ve İlerleme, Düşünce Dergisi. Ankara Temmuz 2004, № 19, s. 269-284.
184. *Yılmaz A.* Modernden Postmoderne Siyasal Arayışlar, 1. Baskı. Ankara: Vadi Yay., 1996.
185. *Zeka N.* Postmodernizm – Jameson Lyotard Habermas, 2. Baskı, İstanbul: Kıyı Yayınları, 1994.
186. *Абасов А.С.* Монолог классицизма, диалог неклассицизма и полилог постнеклассицизма // Müasir fəlsəfə, elm və mədəniyyət: postqeyri-klassik epistemologiya. Bakı: "Təknur", 2011, c. 34-46.
187. *Аббасов А.Ф.* Постнеоклассическая эпистемология: необходимость и сущность // Müasir fəlsəfə, elm və mədəniyyət: postqeyri-klassik epistemologiya. Bakı: "Təknur", 2011, c. 47-74.
188. *Автономова Н.С.* Возвращаясь к азам. Постмодернизм и культура. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. М., 1993, № 3.
189. *Азимова Р.Д.* Человековедение Наука XXI века (в поисках смыслообразующих констант синтеза). Баку: «Текнур», 2011.

190. *Андреев Л.Д.* Чем же закончилась история второго тысячелетия? // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000-2000. М.: Высшая школа, 2001, с. 292-334 - http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/Article/Adreev_Hist2.php
191. Архитектура и философия. Интервью с Жаком Дерридой. Ленинград-Париж: «Беседа», 1986.
192. *Батлер Д.* Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / Под. ред. Е.Гаповой, А.Усмановой. Минск: Прописи, 2000, с.297-346.
193. *Батлер Д.* Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о «постмодернизме» // Введение в гендерные исследования. Часть II: Хрестоматия. ЦЧГИ, СПб.: Алетейя, 2001, с. 235-257.
194. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
195. *Библер В.С.* От наукоучения – к логике культуры. М., 1998.
196. *Билалов М.И.* Гносеологические идеи в религиозном сознании // Вопросы философии, № 8, 2011, с.177-180.
197. *Бражникова Я., Бражников И.* Православие и постмодерн: иллюзии и перспективы, 2006, Источник: _@0200.RU – «РЕЛИГИЯ и СМИ» - http://www.religare.ru/2_30780.html
198. *Брайнин-Пассек В.* О постмодернизме, кризисе восприятия и новой классике / В. Брайнин-Пассек // Новый мир искусства, №5/28. 2002, с.7-10.
199. *Брайнин-Пассек, В.* О постмодернизме, кризисе восприятия и Новой классике. <http://www.brainin.org/Literary/Essay/Postmodern1.htm>

200. Бузгалин А.В. Постмодернизм устарел... (Закат неолиберализма чреват угрозой «протоимперии») // Вопросы философии», N2, 2004 – <http://coollib.com/b/192991/read>
201. Бурдые Л.О. Телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002.
202. Ваторопин, А.С., Ольховиков, К.М. Перспективы секуляризма и религии в эпоху постмодерна // Общественные науки и современность. 2002, № 2, с. 136-145.–<http://www.ecsocman.edu.ru/ons/msg/137806.html>
203. Ваторопин А.С. Религиозный модернизм и постмодернизм // Социологические исследования (Ежемесячный научный и общественно-политический журнал Российской Академии Наук, ISSN 0132-1625, 2001, №11, с.84-92 – <http://www.ecsocman.edu.ru/socis/msg/212489.html>
204. Вельш В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия. <http://old.kspu.ru/ffec/philos/chrest/vel.html>
205. Вельш В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. Международный философский журнал. 1992. № 1 (2), с. 109-136 – http://ecsocman.hse.ru/data/2010/06/21/1212533843/x25B5nie_odnogo_spornogo_ponyatiya.pdf
206. Визгин В.П. Эпистема // Новая философская энциклопедия. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010 – <http://iph.ras.ru/elib/3557.html>
207. Воробьева С.В. Левинас // Постмодернизм Энциклопедия / Сост. А.А.Грицанов, М.А.Можейко. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом. 2001, с.409-415.

208. Гадамер Х.-Г. Человек и язык // От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. Мн.: Менск, 1997, с. 130-141.
209. Гегель, Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.3: Философия духа. М., 1977.
210. Гречко Л.К. Интеллектуальный импорт, или О периферийном постмодернизме // Общественные науки и современность, 2000, №1, с.166-179.
211. Грицанов А.А. Modern // Постмодернизм. Энциклопедия, с. 435-436. Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001.
212. Гусаковская Н. Политики субъекта: подчинение как (ре)формирование (заметки к критикам) – belintellectuals.eu/...Gusakovskaya_article_subject.doc
213. Гуссерль Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль // Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000, с.325–523.
214. Давыдов Ю.В. Патологичность «состояния постмодернизма» // Социологические исследования. 2001, № 11.
215. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998.
216. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М., 1985.
217. Докторов Б. Из истории опросов общественного мнения // 24.03.2005, Разговоры, База данных ФОМ, Фонд «Общественное мнение» -

- http://bd.fom.ru/report/cat/sci_sci/sotsiologiya/gur050310
218. *Евлампиев В.В.* Неклассическая метафизика или конец метафизики? Европейская философия на распутье // Вопросы философии. 2003, № 5.
219. *Жижек С.* Интерпассивность. Желание: влечение. Мультикультурализм. СПб., 2005.
220. *Золотухина-Аболина Е.В.* Постмодернизм: распад сознания? // Общественные науки и современность. 1997, № 4, с. 158-192, 10-07-2004 – Федеральный Образовательный Портал – Экономика Социология Менеджмент – <http://ecsocman.hse.ru/data/770/693/1231/019Zolotuhina-Abolina.pdf>
221. *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000 – http://lib.ru/POLITOLOG/ivanov_d_v.txt
222. *Ильин И.* Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998.
223. *Ильин И.П.* Постмодернизм. Словарь терминов. М.: ИНИОН РАН, INTRADA, 2001.
224. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества – <http://www.sociology.mephi.ru/docs/polit/html/ingl.htm>
225. *Каган М.С.* Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996.
226. *Кацук Н.Л.* Постмодернистская социология // Новейший философский словарь Библиотека Гумер – философия – http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fil_dict/611.php

227. *Корнев С.* Трансгрессивная революция. Посвящение в постмодерн-фундаментализм Часть 3. Западный постмодернизм и восточный постмодернизм Постмодерн как оружие против постмодерна – http://kitezh.onego.ru/trans_3.htm
228. *Кравченко С.А.* Социология: парадигмы через призму социологического воображения. 3-е изд., Москва: Издательство "Экзамен", 2007.
229. *Кутырев В.А.* Философия иного, или небытийный смысл трансмодернизма // Вопросы философии. 2005, № 11.
230. *Лебедев С.* Диалог культур // Философский глоссарий. Национальная философская энциклопедия – <http://terme.ru/dictionary/190-word/%C4%C8%C0%CB%CE%C3+%CA%D3%CB%DC%D2%D3%D0/>
231. *Лиотар Ж.* Состояние постмодерна. Библиотека Гумер – философия – http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/liotar/02.php
232. *Лиотар Ж.-Ф.* Переписать современность // Ступени: Философский журнал. 1994, № 2.
233. *Лиотар Ж.-Ф.* Постмодернистское состояние: доклад о знании // Философия эпохи постмодерна. Мн.: Красико-принт, 1996, с. 140-158.
234. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998 – <http://lib.ru/CULTURE/LIOTAR/liotar.txt>
235. *Липовецкий М.* Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997.

236. Малахов В. Зачем России мультикультурализм? // Государство и антропоток - <http://www.anthropotok.archipelag.ru/text/a062.htm>
237. Малахов В.С. Культурный плюрализм versus мультикультурализм. "Независимая газета (НГ-Сценарии)", 14.06.97. В сборнике «Скромное обаяние расизма». IGPI.RU - <http://www.igpi.ru/info/people/friends/malakhov/articles/1132597922.html>
238. Малахов В.С. Мультикультурализм и идеология "инакости" - <http://www.intellectuals.ru/malakhov/izbran/7inak.htm>
239. Мамонова В.А. Мультикультурализм: разнообразие и множество // CREDO NEW теоретический журнал - <http://credonew.ru/content/view/606/32/>
240. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. М., Всеросс. гос. ин-т кинематографии, 2000.
241. Маньковская Н. От модернизма к постпостмодернизму via постмодернизм // Коллаж-2. М.: ИФ РАН, 1999, с. 18-25 - <http://iph.ras.ru/page52528989.htm>
242. Маркова Л.А. Постмодернизм в науке, религии и философии // Цифровая библиотека по философии <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000704/index.shtml>
243. Междисциплинарность в науках и философии, М.: ИФРАН, 2010.
244. Можейко В.А. Легитимация // Постмодернизм. Энциклопедия, с. 414-415 - http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/PostModern/_40.php

245. Можейко М.А., Майборода Д.В. After-postmodernism // Постмодернизм Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001, с. 8-9.
246. Можейко М.А., Майборода Д.В. Бинаризм // Постмодернизм Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001, с. 78-81.
247. Можейко М.А., Майборода Д.В. «Другой» // Постмодернизм Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001, с. 250-252.
248. Можейко М.А. От постмодерна к пост-постмодерну: современные социокультурные трансформации и новейшие тенденции философия языка // Idil, 2012, Cilt 1, Sayı 1 - <http://www.idildergisi.com/makale/pdf/1334438538.pdf>, с.71-86
249. Можейко М.А. Ризома // Постмодернизм Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001, с. 656-660.
250. Морина Л. Концептуализация чужого в аспекте проблемы мультикультурализма // Международный журнал исследований культуры, № 1 (2), 2011, s. 15-19 - [http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2_011/IJCR_01\(2\)_2011_Morina.pdf](http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2_011/IJCR_01(2)_2011_Morina.pdf)
251. Низамова Л.Р. Мультикультурализм // Экономика Социология Менеджмент - <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/127521.html>.
252. Никитина И.В. О временах, о нравах. Маски массовой культуры // Человек, 2004, № 12.
253. Новейший философский словарь, 3 изд. исправл., Минск: Книжный дом, 2003.
254. Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология. М.: Академический проект, 2004.

255. *Осипова Н., Федоров М.* "Мы" и "они": от конфликтов к толерантности / Под общ. ред. А.Г.Асмолова. Москва, 2000 – [http://www.tolerance.ru/RP-my-0ni.php?PrPage=MKO](http://www.tolerance.ru/RP-my-0ni.php?PrPage=MKOhttp://www.tolerance.ru/RP-my-0ni.php?PrPage=MKO)<http://www.tolerance.ru/RP-my-0ni.php?PrPage=MKO>
256. Основные понятия и идеи теории коммуникативного действия Хабермаса – <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000022/st079.shtml>
257. *Панарин А.С.* Искушение глобализмом. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002 – <http://rustarts.ru/Panarin.html>
258. *Петренко Е.Л.* Ю.Хабермас размышляет о модерне // Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. М., 2003.
259. *Посадский А.* Плюралистическое общество в условиях неоконсервативной волны – <http://pda.cskp.ru/clauses/5/c/3627/>
260. *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
261. *Рзаева Р.О.* К вопросу о диалогичности постмодерна / «Диалог культур в условиях глобализации» Материалы Бакинского форума, посвящённого памяти Гейдара Алиева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012, с.554-559.
262. *Рикёр П.* Я-сам как другой. М.: Гуманитарная литература, 2008.
263. *Рубцов, А.В.* Архитектоника постмодерна: время // Вопросы философии, 2011, №10, 10.11.2011 г. – http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=401&Itemid=52
264. *Сартр Ж. П.* Бытие и ничто. М., 2004.

265. *Середкина Е.В.* Может ли «Проект Просвещения» быть завершённым? (К вопросу о культурном потенциале классической философии) / Вызовы современности и философия: Материалы «Круглого стола», посвященного Дню философии ЮНЕСКО. Бишкек, 2004, с.191-202 – http://anthropology.ru/ru/texts/seredkina/modphil02_24.html
266. Современная западная философия: Словарь / Сост. В.С.Малахов, В.П.Филатов. М.: Политиздат, 1991.
267. *Соловьёва А.* «Этническая субкультура»: концептуализация этничности в контексте культурных различий // Международный журнал исследований культуры, 1(2), 2011, с.6-14 – [http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2011/IJCR_01\(2\)_2011_Solovieva.pdf](http://www.culturalresearch.ru/files/open_issues/01_2011/IJCR_01(2)_2011_Solovieva.pdf)
268. *Ставцев С.Н.* Введение в философию Хайдеггера. СПб., 2000.
269. *Судас Л.Г.* Постмодернизм – <http://www.chem.msu.su/rus/teaching/sociology/postmodern.html>
270. *Усманова А.Р.* Ризома // Постмодернизм Энциклопедия. Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001, с. 660-667.
271. *Ушакин С.А.* Мультикультурализм по-русски или о возможностях педагогики постмодерна в России // Полис, 1997, № 4.
272. *Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.* Глобальный капитализм: три великие трансформация. М.: Культурная революция, 2008.
273. Философия и литература. Беседа с Жаком Деррида / Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия / Под общ. ред. Е.В.Петровского, А.Т.Иванова. М.: РИК «Культура», 1993.

274. Фуко, М. Власть и знание // М.Фуко. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002.
275. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Пер. с фр. В.П.Визгина, Н.С.Автономовой. Вступительная статья Н.С.Автономовой, СПб.: А-сад, 1994.
276. Фуко М. Что такое просвещение? // Электронная библиотека культурологии – http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko/chto_prosv.php
277. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии, 1992, № 4, с.40-52.
278. Хабермас Ю. Модерн – незавершённый проект // Постмодернизм и культура / Библиотека Гумер. Философия. http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Articles/Hab_Modern.php
279. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М.: Весь мир, 2003.
280. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. Пер. В. Биbihина. СПб.: Наука, 2006.
281. Хакен Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам, М., 1991.
282. Хакен Г. Синергетика. М., 1980.
283. Царева Н.А. К оценке постмодернизма в современной российской философии // Электронное научное издание «Аналитика культурологии» №1(7), 2007 – <http://analculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=279>
284. Чарльз Дженикс: взлет // Корпус 3 Постмодернизм - <http://cih.ru/k3/jenx.html>
285. Эко У. Записки на полях «Имени Розы» // Эко У. Имя Розы. СПб.: Фолиант, 1999.

Именной указатель:

А

Адорно Т.В. 124, 136
 Альтюссер Луи Пьер 80, 122
 Аристотель 33, 94
 Б
 Барт Роланд 17, 63, 93, 122-123, 128, 182
 Батай Ж. 17, 93
 Бахтин Михаил М. 212, 214-216, 227, 233
 Бауман З. 17, 23, 38, 75-76, 162, 186
 Белл Даниэль 152, 154
 Беньямин В. 124
 Бернштейн Ричард 100, 121, 221
 Библер В.С. 214
 Бинсвангер 227
 Бланшо М. 17
 Бодрийяр Жан 17, 36-37, 39, 48, 62, 66, 76, 83, 93, 130, 149, 177, 180, 217, 239, 242
 Болтер Д. 182
 Брайнин-Пассек 168
 Бубер Мартин 160-161, 214, 227, 233
 Бурдьё 178, 203
 Бэкон 140
 В
 Валлерстайн И. 17
 Ваттимо Дж. 17
 Вебер Макс 102, 169
 Зельш В. 17, 89, 119

Вирилио П. 17
 Витгенштейн 85, 122
 Г
 Гадамер 170, 226, 228, 239
 Гвардини 217
 Гваттари Феликс 17, 50, 65, 93, 123, 128, 131, 150, 172, 233, 255
 Гегель Б. 72, 140, 148, 160, 221
 Геллнер 196, 244, 255
 Гери Фрэнк 53
 Гибсон У. 182
 Гиденс Э. 19, 30, 74, 91, 160, 169, 242-244
 Гомер 94
 Гуссерль Э. 72, 148
 Гюлердже А. 135
 Д
 Дебор 153
 Декарт 38, 67, 140, 222
 Делёз Жиль 17, 50, 65, 119, 131, 172, 226, 233, 235, 239, 250, 251
 Деррида Ж. 17, 50, 58, 63, 78, 80, 93, 101, 119, 123, 125-128, 133, 182, 184, 206, 229, 235, 250, 258-259
 Джангызбай Кадир 242
 Джеймисон Фредерик 17, 48-49, 83-84, 151, 154, 156, 170, 175, 252, 258-259

- Дженкс Чарльз 44-45, 220
Дидро 94
Дюркгейм 39, 193
З
Зиммель 102
Ж
Жижек Славой 232
Жиран Р. 128, 217
И
Иглтон Терри 254
Иригарей Люс 132
К
Каган М.С. 216
Кант Иммануил 67, 69,
72, 84, 129, 147, 162
Капра Ф. 215
Келлнер 258
Кристева Ю. 36, 63, 123, 128
Кьеркегор 160, 161
Кюнг Г. 215
Л
Лакан Ж. 17, 119, 122, 217,
228, 229
Лаклау Эрнесто 150, 151
Ландау Джордж 182
Лач 169
Левинас Эммануэль 214,
218, 221, 226-227, 233, 239
Леви-Стросс Клод 122-123,
125
Лейч В. 65
Лиотар Ж.-Ф. 16-17, 33-34,
42-43, 48-50, 55, 60-62, 69,
72, 80, 91, 93-95, 105, 129,
130, 137, 142-144, 146, 149,
153, 161, 183, 190, 243, 250-
252, 258-259, 262
М
Мамардашвили М.К. 215
Мандель Эрнест 84, 154
Маркс К. 23, 69, 74, 80, 98,
122, 130, 140-144, 147, 152,
254
Муфф Шанталь 149-151
Н
Нейсбит 232
Нельсон Теодор 181
Ницше 31, 47, 63, 71-72, 80,
92, 98-99, 102, 136, 147, 149,
250
Ньютон 140
П
Паннвиц Р. 42
Парсонс Т. 141
Пригожин Илья 64
Р
Рейнгольд Говард 183
Рене Том 64
Рикёр Поль 225, 227
Робертсон Рональд 195, 198
Рорти Ричард 17, 67, 145,
196, 259
О
де Онис Ф. 42
С
Саид Эдвард 48, 125
Сартр Ж.-П. 148, 227
Саруп М. 119
Сердар З. 248
Сомервилл Д. 43
Соссюр Ф. 72, 122, 135
Сулейман С. 119

- Т
Терборн Гёран 26
Тёрнер Брайан 105
Тойнби А. 42-43, 49
Тулмин Стивен 49
Турен А. 76, 99, 152,
154, 242, 244, 247
Тэйлор 196
Ф
Фёйерабенд Пол 35
Фетеке Джон 237
Физерстоун Майк 94
Фостер Холл 48
Фрейд З. 72, 93,
98-100, 136, 149, 228
Фромм Эрих 228
Фуко Мишель 17, 36, 50, 58-
59, 63, 66, 78, 86, 93, 101,
119, 123, 125-126, 128-129,
131-133, 136, 182, 242, 250-
251, 258-259
Фукуяма Ф. 17
Х
Хабермас Юрген 28, 48, 54,
95, 100, 105, 107, 154, 169,
218, 221, 242-244
Хайдеггер Мартин 47, 72,
97, 148, 227-228
Хакен Герман 64
Хантингтон С. 215
Харвей Дэвид 154
Хасан Ихаб 166, 186
Холл 48, 157, 200
Хоркхаймер М. 124, 136
Хорни Карен 228
Хюссен Андреас 244
Ш
Шумахер 253
Э
Эйнштейн 72
Эко У. 92, 94, 261
Элиас Н. 74

Предметный указатель:

- А**
 авангард 176, 190
 автор 63, 125, 179, 180, 182
 аксиологический
 ацентризм 34
 амбивалентность 235, 238
 андрогинность 167
 антинарратив 167
 антипод 25, 106, 174
 антипросветительский 87
 антифундаментализм 34, 174
 антифундаменталистский 81, 186
 антиэволюционистский 66
 антропологический 11, 12, 20, 59, 79, 204, 215, 240, 254
 антропология 69, 71, 148, 204
 апостериорные чтения 113
 априори 41, 59, 112
 архаичное 35
 архитектура 43, 44, 45, 46, 106, 165
 атомизация 37
 аутентичность 194, 208
 ацентризм 34, 166
- Б**
 бессистемность 241
 бифуркация 64
 большие повествования 147, 158
- В**
 великие повествования 94
 виртуальная реальность 37, 184, 193
 виртуальный артефакт 184
 возврат к корням 195
 возврат к прошлому 41
 всеобщая сеть 197
 высшая культура 164, 171, 173, 174, 186, 187
 высшие медиа 165
- Г**
 габитус 14, 203
 гендерная проблематика 209
 герменевтический 126, 211, 225
 гетерогенность 13, 18, 172, 175, 192
 гибридность 8, 13, 165, 173, 189, 197, 200-202, 238
 гипер-потребительство 54, 193
 гиперреальность 8, 17, 24, 177-178, 180
 гипертекст 181-182
 глобализация 8, 13, 39, 41, 54, 79, 187, 192-199, 201-202, 205, 207-208, 211, 215, 223, 232, 252
 глобальность 86, 140, 194, 215
 глокализация 4, 8, 13, 194, 196-198

- глокальный 196
 гносеологический 240
 гомогенизация 197-199
 гомогенность 13, 156, 192
 господствующая культура 173, 234
 гуманизм 56, 80, 99, 100, 107
 гуманистичность 60
- Д**
 двойное кодирование 46
 девальвация 15, 61, 186
 девиация 173-174
 деидеологизация 139
 денерархизация 36, 233
 декартовская
 рациональность 222
 деконструктивизм 19, 124, 126, 134, 150
 деконструкция 4, 30, 37, 48, 50-51, 63, 78-79, 123-126, 128, 132-133, 167, 182, 241, 251
 демократизация 32, 224
 делегитимация 50, 146
 деонтологизация 65, 74
 деполитизация 139
 дериват 4, 10, 28, 42, 110, 262
 детерминизм 21, 61, 165, 246
 децентрализация 8, 132, 172, 197, 228
 децентрированность 172
 децентрированный 65, 172, 200
 децентричность 17
 диалог 4, 7-9, 12-13, 49, 51, 56, 58, 62, 69, 93, 107, 114, 161, 185, 192, 209-227, 229-230, 233-234, 236, 238-240, 263
 диалогика постмодерна 13
 диалогичность 8, 13, 114, 213-214, 219-220, 227
 дискурс 4, 5, 7-8, 16, 52, 58, 66, 75, 97, 117, 158, 163-164, 192, 229, 235
 дискурсивные практики 59, 77-79, 123, 129, 225
 дискурсивный анализ 7, 66, 12, 91, 109, 240
 дифференд 129
 диффузность 21, 65
 дихотомия 13, 135-136, 191, 197
 догматизм 120
 доиндустриальное общество 83
 доткомы 183
 Другое 4, 8, 13, 85, 201, 224, 226-228, 231, 236, 254
 дуалистичность 46
- Е**
 единое пространство 195
- Ж**
 желание 92, 132, 159, 62, 167, 169, 226
 жидкая современность 21
- И**
 игровой стиль 174
 идеализм 48, 103, 148
 идентичность 8, 41, 56, 110, 114, 132, 157, 163, 165, 170, 175, 180, 186, 188-189, 194, 197-198, 200-202, 206, 208-209, 213, 225, 237-238, 248, 254

имманентность 61, 168, 186
 имморализм 34
 имплозия 7, 36, 242
 «имплозия» смысла 7, 36
 Импрессионизм 245
 инакость 233, 237
 индетерминизм 61, 165
 индивидуализм 114, 165, 175
 индивидуальность 117, 188
 индикатор 28, 32, 36, 39, 52,
 57, 83, 139, 154, 171, 175,
 177-178, 180, 197, 261
 индифферентность 39
 индустриальное общество 83
 интеллектуалы 2, 8, 10, 12, 99,
 142, 169, 185-188, 190, 193, 251
 интерлокуция 255
 интернационализация 195, 215
 интерпретативность 78
 интерпретативный 75, 216
 интертекст 78-79, 187
 интертекстуальность
 информационное общество 83
 ироничность 174
 иррациональное 35, 70, 114,
 115, 244
 иррациональность 222
 ирреальное 70
 исторический 11, 17, 142, 260
К
 казуальность 66
 капитализм 17, 40, 49, 83-84,
 110, 115, 131, 141, 146-148, 150-
 154, 156-158, 176, 189, 198-200,
 207, 208, 242-243
 киберпространство 183-184

киборг 165
 китч 174, 176, 187
 китчевость 68
 когерентность 64
 когнитивный разум 68
 коллаж 237
 коллажность 34
 коммуникации 39, 127-128,
 156, 180, 185, 195, 197, 209,
 216-219, 221, 224, 229, 231, 239
 компрессия 192
 конец авангарда 190
 конец интеллектуалам 190
 конец миллениума 190
 конец нормативности 190
 конец социального 76, 190
 конец философии 67
 конец человека 80
 конструктивизм 76, 234
 консьюмеризм 157
 контринтерпретация 167
 корневище 172
 кочевничество 30
 кризис 7, 42, 61, 67, 73, 88, 91, 92,
 102, 108, 121, 135, 137, 139, 57,
 186, 189, 193, 204, 215, 224, 238,
 241, 244, 262
 кризис смысла 102
 кризис восприятия 91
 кризис идентификации 186, 224
 кризис метасценариев 139
 критика модернизма 8, 97-
 98, 106, 110, 245
 критика постмодернизма 8,
 13, 117, 241, 252, 255, 256, 260, 262
 кубизм 245

культура мейнстрима 235
 культурная логика 17, 110,
 151, 154
 культурная полифония 114-115
Л
 легитимация 17, 56, 61, 75,
 120, 157, 233, 236, 242
 легитимность 49, 146, 149,
 187, 207, 242
 лингвистика 52, 69
 линейно-причинный 195
 локализация 8, 196-198
 локальность 17, 108, 117,
 196-198
М
 маленькие медиа (Network
 и Web) 164
 малые повествования 61, 144
 маргинальность 68, 131, 176
 марксизм 18, 80, 98, 130, 140-
 142, 144, 148, 150, 152-153, 255
 марксистский 69, 74, 93, 98,
 141-142, 150-151, 153, 189
 масс-медиа 79, 178
 массовая культура 96, 164,
 173, 199
 массовое потребление 164
 матезис (mathesis) 103
 машины желаний 131
 медиа 12, 79, 158, 164-165,
 178-181, 184-185, 208
 междисциплинарный 12, 19,
 42, 49-50, 52, 57, 64, 69, 209
 междисциплинарный
 диалог 209
 межкультурный 214, 230, 238

метанарратив 46, 251
 метанаррация 16, 140, 145,
 152, 214
 метафизический 62, 67, 79, 84,
 114, 121, 128, 132, 139, 160, 226
 метаязык 19, 50, 60
 метисация 13, 200-202, 238
 метонимия 167
 микшированность 41
 миниконцепция 209
 модернизация 3, 41, 56, 98-
 99, 154, 196, 198, 206, 243,
 245-346, 254, 261
 мозаичность 15, 76, 174, 192
 мультикультурализм 11-12,
 192, 194, 208, 231-233, 236-
 238, 240
 мультикультуралистский
 231, 239
 мультипарадигмальность
 60, 108
 мутация 167
Н
 нарратив 50, 59, 67, 78, 143-144,
 147-149, 157, 167, 170-171
 нарративность 67, 170-171
 нарратология 13, 24, 59, 79-
 80, 128, 224, 235
 нация-государство 13, 163,
 204-208, 243
 неиерархичность 76
 нелинейность 65-66, 172, 182
 нелинейный 20, 64-66, 74
 немассовая культура 164
 неомарксистский 84
 неомодернизм 246-247

неопаганистский 38
 неоструктурализм 124
 нерациональная культура 21
 нигилизм 39, 117, 146, 161, 189, 247
 низшая культура 164-165, 171, 173-174, 187
 новые интеллектуалы 188
 новый трайбализм 176
 нормативность 36, 164, 173-174, 190, 234
 О
 обозначающее (субъект) 167
 образность 177, 184
 объект 23, 31, 62, 64, 126, 135-136, 169, 216, 225
 онтологический 77-78, 85, 184, 240
 опредмечивание 62
 отчуждение 29, 37, 39-40, 116, 176
 П
 парадигмальность 13
 парадигмальный 13, 19, 137, 222, 236
 паралогизм 186
 паралогия 58, 61
 паратаксис 167
 партиципаторность 33
 патафизика 62, 166
 плавильный котёл 167, 232
 племенная социальность 176
 плюрализм 90, 93, 150, 162, 173, 219, 236-237
 плюралистическое государство 205
 плюралистичность 15, 17, 213, 240
 плуральность 28, 89, 159, 161-162, 170-172, 236, 241, 255
 повествование 18, 33, 61, 67, 78, 85, 94, 123, 130, 142, 142, 145, 147, 158, 162-163, 182, 214, 243, 251
 позднекапиталистический 151
 поздний капитализм 84, 154
 позитивизм 100, 103, 242, 258
 поливалентность 32
 поликультурность 89, 241, 253
 полионтологичность 60
 полисемантическая 30, 51
 понятийный аппарат 52, 66, 119
 поп-культура 164
 популярная культура 40, 53, 170, 179
 постиндустриальное общество 83, 156
 постматериальный 32
 постмодерная социальность 76
 постмодернизация 52, 56-57, 188, 193-194, 203
 постмодернистская политика 152, 158
 постмодернистские племена 175
 постнеклассический 60, 63, 65-66, 74
 Постсовременность 52-54, 88
 Постструктурализм 51, 59, 64, 66, 75, 77, 118-121, 123-124, 126, 128, 132-134, 235

постструктуралистский 47, 59, 74, 119, 122, 124-126, 128, 134, 259
 постфордизм 157, 183
 прагматика 58, 61
 премодернизм 243
 прогресс 47, 92, 99, 105, 115, 117, 158, 243
 проект Просвещения 105, 218, 220
 протестантизм 207
 психоанализ 69, 71, 99, 104, 132, 228-229
 Р
 радикализация 141, 242
 радикализация модерности 242
 радикальная плуральность (плюрализм) 51, 89, 97, 114, 241
 разум 38, 68, 75, 101, 114-118
 распад сознания 30
 рационализм 42, 62, 65, 68, 92, 107
 рациональное 75, 160
 реализм 67, 83
 релятивизация 32, 35
 релятивизм 32, 35, 121, 140, 161, 173, 189, 193, 238, 241, 255
 репрезентативность 14, 26
 репрезентативный 109, 193
 репрезентация 27, 45, 102, 176, 188, 228, 252
 респонденты 24
 референциальность 184
 ризома 123, 167, 172, 185
 ризоматичность 66, 172, 228, 236
 ризоморфный 15
 С
 сегментация 157
 секуляризация 203, 254
 семиотика 52, 122
 символизм 166, 245
 симулякр 17, 93, 174, 177-178, 184
 синергетика 52, 64
 синергетический 65
 синкретизм 52, 216, 238
 синтагма 167
 синтетичность 52
 ситуационная этика 35
 смерть субъекта 63-64, 175
 социализм 142, 153
 социальные медиа 179, 185
 социологический 11, 19-20, 28, 40, 49, 51-52, 57, 73-75, 155
 социология 19, 69, 73-77, 110, 155, 189
 софизм 118
 столкновение цивилизаций 215
 структурализм 64, 69, 80, 119-124, 126, 129-134, 149
 структурация 74
 субглобальная культура 194
 субъективизация 63, 196
 субъективизм 173
 сюрреализм 245
 Т
 текстуальность 78, 182
 антигуманизм 80
 теория сингулярностей 233
 техногенность 117
 толерантность 9, 173, 190, 209-210, 233, 235-236, 239

- трансценденталия 59
трансцендентность 168
третьи культуры 197-198
У
ультрамодернистский 45
умонастроение 15, 22, 85,
91, 109, 143, 232, 241
униформизм 159, 161-162
урбанизация 193
утопии 100, 141, 152, 206
Ф
феноменологический 74, 212
феноменология 69, 121, 221
фигурация 74
флуктуация 64, 109
фордизм 156
фордистский 156
фрагментарность 15, 17, 30,
70, 172, 228-229, 241
фрагментарный 120-121,
177, 198, 229, 251
фрагментация 53, 89, 221
фундаментализм 67
Х
хаос 30, 36, 50, 65, 117, 249, 253
хаотизация 54
Ц
ценностный «синдром» 31
цинизм 39, 91
Ч
чуждость 204
Ш
шизоанализ 93, 132
шизофрения 123, 131-132,
167, 177, 251
- Э**
эгоизм 38
эклетицизм 46, 173-174, 186, 241
экзистенциализм 69, 148, 258
эклетика 174
эклетицизм 174
экспрессионистский 113
эмпиризм 50
эпатажность 34
эпатажный 10, 34
эпистема 58-59, 245
эссенционализм 67
эсхатологический 80
этноконфессиональный 234
этноцентризм 244
этнолингвистический 234
этос («ethos») 16, 85, 107,
125, 128, 143, 183, 220-221
Ю
"yurru" 176

Директор издательства:
профессор Н.Б. МАМЕДЛИ

Компьютерный дизайн: **Звхид Мамедов**
Технический редактор: **Ровшана Низамигызы**

Подписано в печать: 11.03.2015

Формат 60x84 1/16.

Объем: 18,7 п. л.

Заказ № 125

Тираж: 500

Издательство «Елм ве тахсил».

Тел: 497-16-32, 050-311-41-89

E-mail: nurlan1959@gmail.com

Адрес: Баку, Ичеришехер,

3-й Мизогмаевский переулок 8/4